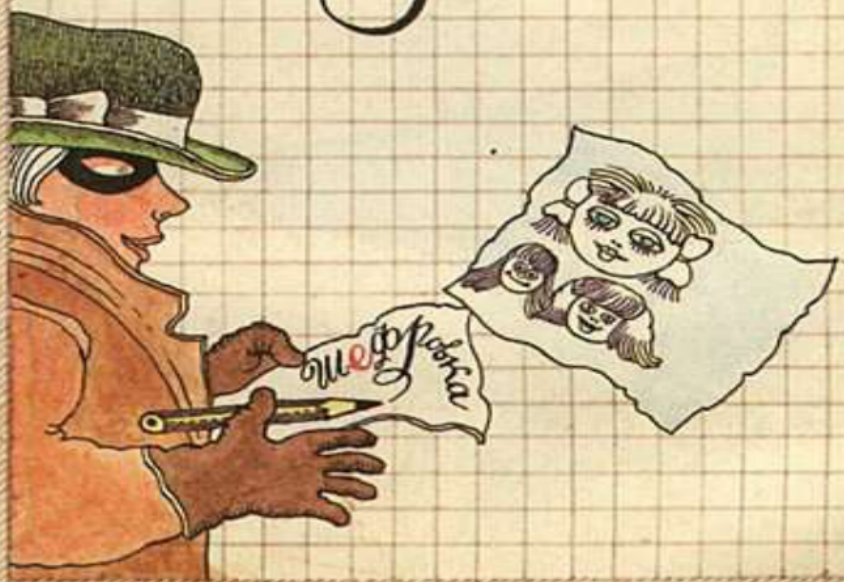
С. Л. Гаврилова

ДЕТИ восьмидесятых



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга — откровенный разговор с читателем о трудностях и проблемах первых лет школьной жизни, о борьбе за утверждение принципов гуманистической педагогики. Основное внимание автор, учительница младших классов, уделяет нравственному становлению своих воспитанников, раскрытию методики общения, в основе которой — творческая деятельность, юмор, игра.

Для учителей.

- Светлана Леонидовна Рябцева
  -
  - Штрихи к портрету города начала восьмидесятых
  - Год первый
  - II класс
  - Год третий

Светлана Леонидовна Рябцева
Дети восьмидесятых

Дневник учителя

Штрихи к портрету города начала восьмидесятых

Мы жили в обыкновенном городе, не очень большом, но и не маленьком. В городе Энске.

Художник пишет не то, что перед глазами, а то, что видит внутренним зрением. Я не художник, и нет у меня необходимых красок. Рискну набросать только несколько штрихов к портрету города.

Точка зрения у меня, конечно, специфическая, поскольку смотрела я со стороны Рабочего поселка. Думаю, вид из Дачного поселка был несколько иной. В других тонах, что ли. Дачи стояли за глухим забором, который мешал их обитателям разглядеть беды Рабочего поселка, а жителям последнего ходить в гости к владельцам дач.

Раньше Энск называли сад-городом. Теперь называют «крупный индустриальный центр». Но город уважает свою историю, и на центральной площади оставил Дерево. Оно охраняется законом.

Жителей города можно было условно, т. е. по условиям жизни, разделить на три категории. К первой категории относились Слуги народа. Дальше шли люди Нужные («нужники» — так ласково их звали в народе) и Ненужные. Нужные трудились, как бурлаки, на ниве распределения материальных благ, не зная ни покоя, ни отдыха. Они могли достать, устроить и обеспечить. Ненужные по 8 часов в день производили эти материальные блага. И больше ни на что не годились, поскольку от них ничего не зависело.

Квартирный вопрос в городе стоял очень остро. Жители Рабочего поселка десятилетиями стояли в очереди. Первыми — это утешало. Их призывали проявить терпение и высокую сознательность.

И, блистая красноречием, приводили примеры из скромной, полной лишений жизни героев прошлого. Для очередников строили новые дома возле завода: чтобы работа была рядом. Слуги народа проявляли заботу. О себе не заботились: меняли квартиры на Набережной на равноценные возле Театра. Предпочитали старые дома, великодушно уступая новые народу.

И транспортный вопрос тоже был трудным. Автобусы трёх видов ходили по городу: полные, полупустые и пустые. С полными все ясно, они проезжали мимо остановок, подчиняясь закону инерции. В полупустые мог бы поместиться пассажир:

Один. Если бы могла открыться дверь. Пустые автобусы — их было больше всего — перевозили мужчину в шляпе. И если с перевозкой народа дела обстояли плохо, то с перевозкой мужчины в шляпе был полный порядок. В легковых машинах с шофёрами мчались сосредоточенные Слуги народа, а также их родственники.

Время от времени во Дворце культуры проходили Совещания, на которых решались важнейшие вопросы: как перевыполнить перевыполненный план и ещё выше повысить высокий процент повышения. А также улучшить, усилить и увеличить. Начинались и заканчивались они бурными аплодисментами, переходящими в овации, И всех участников радовало такое единодушие.

Газеты печатали подробные отчеты об этих Совещаниях. Передовицы призывали, вдохновляли и звали за собой массы. А массы охотнее читали объявления, программы ЦТ и решали кроссворды. Фельетонисты-самоучки с жаром обличали грубых и некультурных продавщиц, которые на вопрос «колбаса есть?» могли обозвать покупателя дураком. Слуги народа, а также их слуги ничего об этом не знали: они отоваривались в других местах.

Жизненный уровень рос неудержимо. На зарплату с каждым годом можно было купить все больше и больше. Всего. Если бы оно продавалось. Или водки — её было по многу бутылок на Душу населения, включая младенцев. Народ предпочитал водку.

Русская народная пословица «У кого суп не густ, а у кого жемчуг мелок» собиралась поселиться в Энске навечно.

Энская областная газета несла народу слово энской правды. Это слово порой так далеко расходилось с делом, что отдельные ходоки отправлялись за разъяснениями к Первому Человеку. Доступ к нему был совершенно свободным: Первый чтил демократию. И любой ходок мог без помех обратиться к нему лично в пятый четверг месяца. Тот прискорбный факт, что пятый четверг случался чрезвычайно редко, весьма печалил Первого. Но над законами природы он — увы! — был не властен.

В этом городе рождались и росли дети. Дети восьмидесятых. Как сказал кто-то, дети в большей степени являются детьми своего времени, чем своих родителей. Хотя наличие или отсутствие родителей тоже играло свою роль.

Одни дети еще во времена дошкольные (те, которые принято называть счастливым детством) усваивали много всяких понятий, а также слов, начисто отсутствующих в каких бы то ни было словарях. Потом они приходили в I класс, и шокированные педагоги делились в учительской впечатлениями:

— Какие ногти! А руки! Какие лица! Какая речь!

— Неразвитые, дикие, — сокрушались педагоги и делали печальный вывод: — Опять неудачный подбор.

Они наивно ждали, пока в Рабочем поселке вырастет другой подбор. И в тоскливом ожидании лучшей жизни разнимали на переменах орущих, плюющих и дерущихся детей. А на уроках пытались затолкать в их неподготовленные головы минимум знаний. С первого дня в школе родители самоустранялись, соглашаясь, так и быть, кормить и одевать дитя. Вся ответственность за обучение, воспитание, развитие, за здоровье и жизнь, за взгляды, привычки, манеры ложилась на учителя. С него строго спрашивали родители, его сурово контролировало начальство, желавшее получить на выходе само совершенство.

Школа потихоньку расслоилась на простую и престижную. В последней учились совсем другие дети. Они в будущем готовились взвалить на себя нелёгкую ношу: жгучее желание служить народу передавалось, видимо, по наследству. Эти дети знали много вежливых слов, умели пользоваться носовым платком, неплохо говорили по-английски и к учителям относились с сочувствием, поскольку усвоили правила хорошего тона.

А в общем-то, почти все дети росли несчастными, одинаково несчастными и среди ковров и хрусталей, и среди пустых бутылок. Они думали, что это нормально, что так и должно быть. И не ведали, что несчастны. Им смутно хотелось настоящей родительской любви, защищенности, верной дружбы. Их души голодали. Но взрослые или отталкивали детей, или откупались от них. Детская привязанность и любовь были им не нужны: в городе Энске ценили только то, что имело цену. У кого больше и дороже, тот и счастливее. Рвалась связь между временами и людьми.

Год первый

Познакомились мы в начале второй четверти, в I классе, когда я перевелась из другой школы.

Вхожу в класс — две девчушки самозабвенно роются в учительском столе. Н-да… Заинтересованно спрашиваю:

— Это, наверное, ваш стол, да? Но где же тогда мой?

Смутились. Знают ведь, что можно, а чего нельзя, но это так, теория, а на практике правило другое: нельзя, но если никто не видит, то можно.

Вскоре пришли и остальные двадцать восемь. Поздоровались со мной трое…

На уроках полная тишина, тишина безделья: все сидят и ждут, пока кто-то додумается, решит, ответит. Кто-то, но не я. На переменах — пинки, вопли, слезы, жалобы. Говорить не умеют — кричат, никого не слышат и не видят, каждый замкнут на себя. С удивлением выясняю, что дети до сих пор не знают, как кого зовут.

— А чё вон тот мальчик, который сидит вон с той девочкой, меня за косичку дернул?

Пока шли в столовую с четвертого этажа на первый, оттоптали все ноги и мне и друг другу. И никаких извинений — дело житейское, привычное! У многих не работают тормоза: увидел — схватил, мешает — оттолкнул, кто-то не нравится — стукнул. Все просто и дремуче.

Да, совсем я избаловалась в своем прежнем классе: отдыхала и нежилась. Работала, можно сказать, в белых перчатках и с микроскопом. Но ведь и там вначале было то же самое. А знакомились мы еще интереснее.

Взяла я тот первый в середине сентября. Долго отговаривала меня Раиса Кузьминична, моя бывшая учительница, предлагала взять спокойный и мирный третий класс:

— Не бери! Пожалеешь! Там подобрались такие дети — ты себе не представляешь! Это не дети, а черти в мешке! Они проучились полмесяца, а знает их уже вся школа.

Но я заупрямилась:

— Нет, нет, только первый! Хочу начать сначала и довести до четвёртого.

Идём. В ногах дрожь. Мысленно прокручиваю: вот мы войдем, они встанут… я им скажу… они ответят… потом я…

Пришли. Открываем дверь. Всё, как в плохих фильмах про школу: визжат, воют, топают, орут, дерутся, скачут по партам, стучат крышками. Входим — ничего не меняется. Нас не

заметили, как заметили бы появление в классе двух лишних стульев, не заслуживающих ровным счётом никакого внимания.

Раиса Кузьминична ушла. Дети продолжали «общаться», поскольку моя персона никакого любопытства у них не вызвала. Нет, я, конечно, не ждала, что стоит мне войти в класс, как загорятся радостью их глаза, и потянутся они к знаниям всей душой, и засыпят меня умными вопросами, и наступит у нас благоденствие. Но и такой реакции не ожидала: еще одна училка, подумаешь! — сколько их здесь уже было… А дальше — проявление дикой свободы во всей красе… Невоспитанность.

Слово это я употребляю не как обвинение, за которым порой следуют истерические причитания: «Куда смотрят родители, общественность, школа, детсад, ясли!.. И милиция». Нет, для меня это констатация факта, после которой — работа.

Составные части этой работы я определила для себя так.

1. Изучение материала, т. е. личности ребенка.

Хочу надеяться, что мне простят отсутствие деликатных кавычек, что не воскликнут: «Ах, это ужасно! Она детей материалом называет!» Да, я против и умильных восторгов по поводу бантиков, и кликушеских воплей по поводу «этих ужасных детей». Дети для педагога — сложнейший и интереснейший материал, из которого он, ориентируясь на точную цель и следуя правильной технологии, создает человека. Правда, в действительности всё происходит гораздо сложнее. Приведу аналогию.

Рабочий

Должен сделать деталь определенной формы.

Есть чертеж. Дан хорошо изученный материал.

Известно, как он ведёт себя в разных условиях. Есть станки и инструменты, разработана технология.

Результаты точно рассчитанные, запланированные.

Педагог

Должен образовать личность, обладающую определёнными качествами, с определёнными потребностями, стремлениями. Привели ребёнка. Сообщили имя, фамилию, возраст, домашний адрес.

Даны формы и методы работы, в основном теоретические, построенные на предположении: если ребенку хорошенько объяснить, как надо поступать, он так и будет делать.

Результаты зачастую совершенно непредвиденные.

Вот так и живём. Теоретики выпускают толстые фолианты (их вес в науке лучше всего измерять в килограммах). Практики же действуют на свой страх и риск, полагаясь на своё чутье и опыт. Теоретики, сердито отворачиваясь от результатов, ругательски

ругают прак-тиков, обвиняя их в страшной ереси: в нарушений Святой Методики, столь удачно придуманной ими, теоретиками.

Я давно оставила всякие попытки понять, как можно нравственное воспитание отделить от трудового или эстетического и как сформировать коммунистическое мировоззрение, позабыв при этом о законах диалектики. Поэтому просто изучаю материал.

2. Целенаправленная коррекция или даже преобразование мотивов, ценностных ориентаций, эталонов и идеалов, установок, потребностей. (Замахнулась!)

Но кого же, собственно, я должна воспитать? «Личность», — бодро отвечает всезнающая Методика, А какими качествами должна обладать эта личность? Какие связи и отношения будут у неё с другими личностями?

Как их наладить? Многозначительно помолчав, Методика предлагает воспитать патриота и интернационалиста. И атеиста. И коллективиста. И…

Ставлю перед собой две стратегические задачи, расположенные по горизонтали.

Первая задача — становление личности («я единственный и неповторимый»); формирование самосознания, развитие познавательных процессов — восприятия, внимания, воображения, памяти, мышления; воспитание и обогащение — это главное! — чувств, эмоционально-волевой сферы. Мне нужно пробудить в детях стремление понять себя, выстроить свой характер. Какие же черты характера будем мы целенаправленно взращивать, Тренировать, укреплять? Назову основные хотя бы перечислительно: воображение и фантазию; чувство юмора; любознательность, пытливость; гибкость мышления; самокритичность и терпимость; умение оценивать ситуацию, быстро и правильно ориентироваться в ней, брать на себя определённую роль, действовать в её рамках,| смелость, настойчивость в достижении цели, готовность к риску, самообладание; самооценку и самоуважение; единство интересов, склонностей и ценностных ориентаций.

Вторая задача — воспитание и развитие коллектива («я такой же, как другие, потому что каждый из них тоже единственный и неповторимый»), гуманных отношений с товарищами, умения жить среди людей. Решение этой задачи также предполагает определённую программу нашей совместной с ребятами работы. Конспективно определяю пункты этой программы: мажорный тон, оптимизм; границы свободы, чувство меры; общественное мнение: критерии, ценности, нравственные эталоны и идеалы; культура общения, техника общения: интерес и внимание к окружающим,

умение адекватно выразить свои мысли и чувства, понять другого, культура спора, умение доказывать свою правоту и соглашаться с чужой; методы разрешения конфликтов; общественно значимая направленность мотивов, потребностей…

Такая вот микропедагогика. Вообще-то, каждый пункт — это тема отдельного глубокого исследования: теоретическая основа, приемы, методы и формы работы, практика, результат. Но пока это горы труда и мой неподъёмный груз. Дети растут сегодня, сейчас. Вот они передо мной. И я обязана направлять их развитие, а для этого думать, куда двигаться, что и как именно корректировать.

Пишу для себя законы, которым постараюсь следовать.

1. Никаких «мероприятий». Мероприятие… Меры принимают тогда, когда безнадежно сорвана всякая нормальная работа и пора тушить пожар. Основной жанр нашей «педагогической деятельности» — разговорный, основной «вид деятельности учащихся» — потребительство в чистом виде. Результат этой словесно-призывной педагогики — плачевный. Нет, только в сотрудничестве, общих с ребятами делах, единой с ними одухотворенной жизни можно достигнуть внутреннего преображения каждого из них и своего собственного.

Нужно правильно, умно организовать повседневность, наполнить каждый день интересными и полезными мыслями и делами, маленькими победами и радостью.

Ничего не делать ради «галочки». Формализм все разъедает, обессмысливает, обесценивает: начинаешь кривить душой, теряешь драгоценное время и себя самого, и все только ради того, чтобы потешить проверяющих, которым, собственно, наплевать на твою работу. Им просто хочется, чтобы было «покрасивше», чтобы было о чём рапортовать своему начальству.

2. Сначала научить, потом спрашивать.

— Кто из вас любит получать двойки?

Никто.

— А пятёрки?

Лес рук.

Надо же, какое совпадение: я тоже не люблю ставить двойки!

Но если кто-то не решил примеры, потому что поленился? Моя вина. Значит, не научила — нет, не математике, а преодолению препятствий, не воспитала чувства ответственности. Учить я должна большему, чем математика или русский язык, и об этом «большем» и нужно подумать прежде всего.

3. Пожалуй, нет у детей таких недостатков, с которыми мне надо «героически бороться», тратя свои и ребячьи нервы. А что если принять за аксиому (и попробовать действовать, опираясь на

нее): «Недостаток ребёнка — это такое его достоинство, которому мы не нашли применения»?

4. Наблюдать, фиксировать наблюдения. Изучать факты, жизненные события. От любого факта идёт нить и прошлое и будущее. Надо научиться вытягивать её, точно определять, чем порожден данный факт и во что он выльется в будущем.

Мелочей в этом деле нет. Любая мелочь — это маленькое проявление большого качества, свойства.

5. Не держаться за планы. Мы и так уже стали жертвами железобетонного планирования во многих сферах жизни. Учиться отбрасывать при необходимости самый расчудесный план (это бывает очень трудно сделать), действовать гибко, решительно, целесообразно. Но для того техники должна быть отработанной до совершенства, Использовать приём без раздумий: хирург во время операции не мучается вопросом, какой инструмент ему взять в руки.

6. В классе быть готовой ко всему: к высшим проявлениям человеческого духа и к любой низости и первобытности. Не падать в обморок, не заламывать руки, а анализировать и работать. Помнить, что 6–10 лет — это возраст, в котором почти всё ещё поправимо.

В детях наших заложено много возможностей, а вот реализуются они зачастую самым бестолковым образом.

Пришла я в детский сад за дочерью. Жду.

Пятилетний Дима вышел из группы в раздевалку, где его ждала бабушка, и засунул в её сумку игрушку.

— Чья это машинка? — заволновалась бабушка.

— Моя, — коротко ответил Дима.

— Но у тебя такой не было! Где ты ее взял?

— Нашел на участке.

— Значит, ее потерял кто-то из вашей группы! Надо спросить и отдать…

— Никто ее не потерял. Она моя, — решительно заявил внук.

— Ну зачем тебе эта машинка? — начала отступление бабушка. — У тебя дома есть точно такая же!

— Нет, у меня зеленая, а эта красная, — резонно возразил Дима.

— Мама завтра купит тебе такую…

— А я хочу сегодня!

И дитя, почуяв близкую победу, пустило в ход главное оружие — нытье. Диалог распался на два параллельных монолога.

Бабушка (обречённо).

— …В нашем доме… чужие вещи… я не позволю… так

нельзя… это неприлично…

Внук (изображая самого несчастного в мире мальчика, препротивным голосом, очень напористо):

-…у-у-у…ы-ы-ы…

Бабушка готова была капитулировать: внук нашёл к ней правильный подход. Но тут я решила вмешаться. Из солидарности.

— Дима, какая у тебя футболка красивая! — искренне восхитилась я.

От неожиданности он выключил нытье и заулыбался.

— Да! (Гордо.) Мне её мама привезла.

— Очень уж она мне понравилась… Снимай! — твёрдо сказала я.

— ???

— Снимай, снимай!

— Она же маленькая! — Дима даже рассмеялся, видимо представив меня в своей футболке.

— Ничего, — успокоила я его, — растянем. Снимай быстрее.

Дима растерянно оглянулся на бабушку, но её вдруг чрезвычайно заинтересовали птички за окном.

— Не сниму! — восстало дитя. — Это моя футболка, а не ваша.

— Ну и что? — удивилась я. — Раз она мне понравилась, я ее заберу себе. Так что снимай, да побыстрее! А я пока подумаю, чего бы мне ещё захотеть… У тебя и курточка красивая, наверное…

После секундного замешательства Дима вдруг выпилил:

— А я вот сейчас пойду и отдам Васе машинку!

Бабушка ахнула. А я обрадовалась: великолепно! Ребенок правильно оценил ситуацию, увидел аналогию, сделал перенос (ведь я о машинке и не заикалась).

— Не отдавай, вот еще! Ты же хотел ее себе взять — бери, играй. А футболку давай мне, — продолжала я настаивать.

Дима помчался в группу отдавать машинку.

Бабушка шокирована:

— Выходит, он знал, чья это машинка?!

Но и среди моих новых, не знакомых мне пока первоклассников наверняка есть похожие на Диму, и мне придётся осторожно, не подавляя их волю, направлять её в другое русло, с каждым днём увеличивать расстояние между «захотел» и «получил», наполнять его трудом и человеческими чувствами. Знаю, как нелегко будет и мне, и детям, привыкшим получать желаемое без усилий и сразу, — так чего ради они станут трудиться, а получать потом!

Перед глазами головки стриженые и с бантиками. А внутри? Никаких понятий о рамках, границах, полная анархии поведения и отношений. Потребности остаются неудовлетворенными, их место занимают капризы и прихоти. Мучает нехватка любви и внимания, но зато конфет — полные карманы: жуй целый день! Тормоза не действуют, но и активности — нормальной, здоровой — нет. Смена пассивности и нервозности.

Что делать? С чего начать?

Начинаем… с театра, юмора, игры. Это и язык, на котором мы будем разговаривать, это и инструмент нашей микропедагогики.

Стоит передо мной Алеша П.: руки в карманах, весь перекосился. Сделать замечание? Бесполезно. Во-первых, у него еще нет элементарной культуры поведения, нет мобилизованности мышц, подтянутости, «чувства осанки». И замечанием дела не поправишь, тут нужна тренировка до стадии привычных, автоматических действий. Во-вторых, сам себя он оценивает неадекватно, не умеет видеть со стороны (этому долго будем учиться). Алеше кажется, что стоит он просто великолепно: ведь не падает же! И я говорю с лёгкой завистью в голосе:

— Как жаль, что у меня нет карманов…

Алеша — весь внимание. Продолжаю:

— А то я бы тоже так же красиво встала, как ты.

Изображаю, слегка пародируя. Он засмеялся, попытался встать прямо — не получилось. Но попытка была — уже хорошо.

Читаю им весёлые, остроумные стихи А. Барто и Э. Успенского. Юмора не поняли — замечаю по лицам. Но вижу и заинтересованность, желание понять, а это главное. Понимание тонкого, умного юмора — дело очень непростое, требующее больших усилий ума и души.

— Прочитать еще раз?

Дружно: «Да!»

Читаю и второй, и третий раз, останавливаюсь на трудных для ребят фразах, объясняю. (А трудности-то в том, что у ребят мал ещё жизненный опыт и они только начинают овладевать мыслительными операциями.) Вот теперь все ясно: хохочут, просят читать ещё и ещё. Слушают, понимают, радуются.

Потом читаю стихотворение И. Кульской «Кто виноват?» и предлагаю его инсценировать, сыграть. От желающих нет отбоя. Приглашаю Инну М. и Олю Л., самых артистичных. С ними и разучиваем. Все остальные то смотрят и слушают, затаив дыхание, то шумят и галдят неимоверно: переживают, сами включаются в игру— мимикой, движениями, жестами, эмоциональными реакциями. Пусть шумят. Ведь между эмоцией и

ее внешним выражением существует обратная связь. Иногда бывает достаточно немного поулыбаться своему отражению в зеркале, как вспоминается что-то приятное, и настроение поднимается. А чувства и эмоции в этом стихотворении самые разнообразные.

— Объясни-ка, Люда,
Что это за чудо:
Ты уроки не учила,
А пятёрку получила?

Девочка (или мальчик)! спрашивает с удивлением. (А только ли с удивлением? Но это уже более тонкая работа: анализ ситуации с определённой нравственной позиции. Всё ещё будет, но потом. А пока — на первый раз — пусть будет только удивление.)

— Задали в субботу
Трудную работу.
Я себе не доверяла.
И у Светки все списала.
У меня и Светки
Хорошие отметки!

Люда отвечает хвастливо, гордится своей сообразительностью (а сообразительность ли это?). Разошлись. Снова встречаются.

— Объясни-ка, Люда,
Что это за чудо:
Ты вчера урок учила
Как же двойку получила?

В вопросе сочувствие. Люда рыдает. Отвечает сквозь всхлипывания, обиженно.

— Просто неудача!
Задали задачу.
Я себе не доверяла —
И у Зойки всё списала!
Вот откуда двойка:
Виновата Зойка!

Заканчивает гневно (такая несправедливость!).

Обсуждаем. Ребята спорят, наперебой высказывают спои суждения, чувства, отношения. (Так начинает складываться мнение общественное; вырабатываем эталон поступка, нравственные критерии его оценки. Первая «примерка»: а как бы поступил я? Идёт закладка фундамента.) И говорят-то неплохо, а ведь на уроках сплошное косноязычие, неразвитая речь. Вот как действует эмоциональная значимость «предмета» разговора!

Итак, 30 человек выучили стихотворение, поработали над артикуляцией, сообща искали и нашли наиболее выразительную интонацию, мимику, жесты, сделали первый шаг на пути к развитию чувства меры. А какая активность, какой интерес! Вот что может сделать театр сатирических миниатюр за 15 минут.

— Зачем вам этот театр? — доброжелательно спросила! меня З.М., учительница одного из параллельных классов, — У вас что, без него забот мало?

У неё забот хватало: дети «попались совершенно ужасные». И она искренне меня не понимала.

Через год она уже со злостью кричала, выражая мнение администрации, которое полностью разделяла:

— Кому он нужен, этот ваш театр!

Плохи наши учебные дела. Анализирую причины и делаю неожиданный вывод: успеваемостью как таковой… не стоит заниматься вообще. Почти все мои дети, как, наверное, и дети в любом другом классе, могут учиться на «4» и «5». Причины учебных неудач — в области воспитания. Кому из родителей не приходилось слышать: «Ваш ребенок мог бы учиться хорошо, если бы не ленился (варианты: работал активнее, слушал внимательнее, выполнял задания аккуратнее и т. д.)»?

Вот чем я и займусь: научу собранности, аккуратности, трудолюбию… Стоп! А если, например, мой Петя учиться не захочет? Вот не пожелает, и всё тут! Ну зачем, скажите на милость, ему нужно становиться трудолюбивым, если он и так живёт припеваючи на всем готовеньком? Может, заставить? Ничего хорошего из такой затеи не выйдет. Можно силой привести лошадь на водопой, но нельзя её силой напоить. Правильно говорят: «Научить нельзя, можно только научиться». Дети научатся, если сами захотят. А если нет? В таком случае все мои «гигантские» усилия пропадут напрасно.

Выход один: вызвать у детей желание учиться, стремление преодолевать все преграды на пути, радоваться своему движению вперед. Но как, как этого добиться? Перечитав горы теоретических опусов, обобщаю… Если мужественно продраться сквозь наукообразные дебри и выразить по-русски главную мысль,

получится следующее: «Ребёнка надо воспитывать так, чтобы он получился воспитанным».

Антон Семенович Макаренко… Бюрократическая педагогика била его, в бараний рог гнула, не то что палки — брёвна в колеса старательно засовывала сначала, а потом, прозрев, славила и превозносила и воровато из его выстраданных мыслей лепила себе уютные учёные званьица и чины, но так и не сумела его понять. Не доктор наук, не академик — Великий Педагог протянул через Время руку помощи.

На уроках добрая половина класса меня не слышит. Пока интересно и совсем просто — так и быть, послушаем, НО йот стало потруднее — всё, выключились. «Не интересно» — так объясняют сами дети. На самом же деле тут совсем другое. Помог мне в этом разобраться шестилетний Денис. На занятиях он хихикает, отвлекается, не слушает и, конечно, не понимает почти ничего. После уроков зову ребят, предлагаю поиграть в новую игру, Дети мчатся со всех ног. Окружили, ждут, даже на месте подпрыгивают от нетерпения. Денис отходит в сторону, ковыряет землю носком ботинка.

— Денис, пойдем с нами играть!

— Не пойду… Мне неинтересно…

Ему не может быть интересно или нет, поскольку, во что мы будем играть, он даже не догадывается. А дело-то в том, что Денис не привык напрягаться. Чтобы понять условия игры, надо постараться это сделать. Но всё, что связано с умственной работой, вызывает у мальчика отрицательные эмоции. (Он пришёл в школу, не зная ни одной игры.)

С Денисом решаю просто: хватаю его в охапку (к вопросу — можно или нет ребенка принуждать), ставлю и круг и объясняю несколько раз правила игры. Начинаем играть — он увлекается, потому что всё понял. Теперь его и силой не увести.

И театр помог. Сценка ну прямо для Дениса: в меру простая, в меру «автобиографичная». И выучить легко, и сыграть нетрудно… почти самого себя. Но тут он испытывает воздействие общественного мнения и — что очень важно — косвенное: мы не Дениса осуждаем, а сценического Колю. А Денис у нас просто молодец! Он очень похоже сыграл упрямого Колю из стихотворения С. Погорельского «Коля-Николай».

Дети собираются играть. Коля в сторонке.

— Коля! Коля!

— Николай!

— С нами вместе погуляй!

— Не буду.

— Коля! Коля!
— Николай!
— С нами вместе поиграй!
— Не буду.
(Ребята совещаются.)
— Как его уговорить?
— А попробуем схитрить!
— Коля! Коля!
— Николай!
— С нами вместе не гуляй!
(Коля наконец заинтересовался.)
— Буду.
— Коля! Коля!
— Николай!
— С нами вместе не играй!
— Буду! (Подбегает, встает в круг.)
Ребята (с веселой иронией):
— Ай да Коля — молодец. Согласился наконец! Сыграл наш Денис на сцене раз, другой, заработал аплодисменты зрителей. Осудил этого Колю уже внутри себя, поскольку играл с хорошей долей насмешки.
— Кто хочет играть в новой сценке?
Сколько рук! Но выше всех — рука Дениса!
— Можно я?! Ну можно, а?!
Ему уже интересно, хотя он еще не знает, какие роли я собираюсь предложить.

Но вернемся к уроку. Объясняю ребятам задание. Чтобы его понять, надо по крайней мере напрячь внимание и постараться понять. Но беда в том, что многим детям, как и Денису, противна сама мысль о каком-либо умственном усилии. Они не хотят понять — так легче. (Младенец, пару раз попробовавший молоко из бутылочки с соской, отказывается от материнской груди: из неё молоко надо добывать, а из соски льется само, только рот подставляй).

Вот сидит Варя и не то что понимать, но и слушать меня не желает. Она так привыкла — делать то, что захочет сама. Сейчас вот пожелала написать упражнение в тетради, не зная задания. Захотела — сделала. Взяла ручку, пишет.

Я замолкаю, прервав объяснение. Повисает пауза, тяжёлая, как булыжник. Варя пишет, не реагируя на мой булыжник. Она ещё не понимает язык театра: пауза, жест, взгляд, нюанс интонации. И даже если я попытаюсь сейчас испепелить взглядом нарушительницу порядка, раскалив нервы до 1000 °С, она этого даже не заметит. Поберегу топливо…

— Варя, положи ручку.

Мимолётный взгляд в мою сторону, недовольное выражение лица. Продолжает писать. Все ждут.

Оставить её в покое? Потом все начнут выполнять задание, а Варя — донимать соседей вопросами: «А что делать? А как делать?» Шум выбьет всех из колеи. Добиться послушания? Но как? Девочка привыкла к сильным раздражителям и на слабые не реагирует. Да и на сильные не очень-то…

Мама кричит с балкона:

— Варюша, иди домой!

Та играет в песочнице, делает вид, что не слышит.

— Варя, я кому сказала, иди домой!

Ноль внимания. Мама добавляет децибелы:

— Тебе сколько раз говорить?! Сейчас же иди домой!!

Тот же результат. Мама вне себя:

— Варька, чёрт бы тебя побрал, до каких пор я буду кричать! Вот возьму ремень, спущусь во двор, тогда узнаешь!!!

— Сейчас, — отвечает дочь невозмутимо. — Доиграю и приду.

— Ах ты… (Тут идут слова, которые не рекомендуется применять в воспитательных целях, но тем не менее отдельные родители в отдельных случаях, когда слов не хватает…)

Варя встает, отряхивает руки. (Наконец-то объяснив ли доходчиво.)

— Иду (громко)! Вот пристала… (шепотом).

Там по крайней мере разнообразные слова, вокал фортиссимо, в перспективе — ремень. А тут у нас что? Спокойная учительница, говорит что-то такое негромко, ремня у нее нет. Да и любому ребенку известно: детей в школе бить нельзя. Так стоит ли ее слушать?

Надо научить ребят воспринимать мою речь, постоянно держать меня в поле зрения, видеть и понимать, быстро и гибко отзываться на изменение обстановки.

— Поиграем?

— Да! Да!

— Игра такая. Вы, сидя за партами, можете разговаривать, вертеться, прыгать, даже кричать и петь. Но как только я скажу «раз-два-три», вы должны сесть «образцово-показательно» — говорить буду тихо… Выигрывает тот ряд, который выполнит все быстро и точно.

Играют с упоением. Скачут и болтают, а сами краем глаза следят, краем уха слушают. Направлены на меня. Вот эту направленность, гибкую произвольную переключаемость торможения и активности мы и тренируем. С каждым разом

упражнение усложняем: надо не просто «собрать» себя за партой и привести в приличное состояние, а примчаться из противоположного угла класса и при этом ни с кем не столкнуться. Так постепенно вырабатывается привычка.

Звонок на урок. Вхожу в класс — и меня замечают все. Но не сразу так стало получаться, а в несколько этапов. Вначале появились «переводчики». Вхожу, останавливаюсь у порога. В классе шум. Молчу. Жду. Но это только кажется, что молчу, я уже многое сказала взглядом, выражением лица. Более приметливые, «переводчики», уже «прочитали» и переключились. Другие оглядываются на них: в чем дело? Поняли, встали. Ну а третьих, тех, которые, кроме себя, не видят и не слышат вообще никого и ничего, попросту развернули и поставили сами ребята.

«Раз-два-три» — шесть секунд на перестройку, и класс готов к работе. Настраиваются охотно и весело, играючи.

В сентябре пришла ко мне домой Л. А., новый классный руководитель моих, теперь уже её, четвероклассников. Состояние её наводило на мысль о том, что сейчас будут прикончены все наличные запасы валерьянки в доме, она никак не могла успокоиться: плакала, жаловалась, возмущалась.

— Я с ними больше не могу! Они такие идиоты! Ничего не понимают! Я со всех сторон только и слышала: «Третий «Б» ах, третий «Б»! А они оказались такие… такие… Я на них кричу, кричу, уже голос сорвала, а им хоть бы хны! Меня вообще не замечают, вроде я — пустое место!

Знаешь, я никогда на них не то что не кричала — голоса не повышала. Криком и оскорблениями в человеке достоинство не вырастишь. Ты пробовала говорить с ребятами спокойно и уважительно, как ты говоришь в учительской?

— Нечего сравнивать! То учителя, а то дети. Какое там ещё уважение — они же шумят! Отношения были безнадежно испорчены с первого дня. Класс попал в трудные условия. Разъехались многие ребята (родители получили квартиры), уехала и Лена Щ., лидер, Остались 20 человек, да прибыло пополнение — 15 новеньких. Разных… Конфронтация с классным руководителем. Меня в школе уже нет. Но коллектив сумел выстоять и победить обстоятельства, заслужить уважение. «Доброжелательные, дружные, трудолюбивые, умелые, ответственные, учатся радостно и охотно» — так отзывались о ребятах учителя. Появился новый лидер — Таня М. (В V классе она уже возглавила пионерскую дружину.) Оказалось, что у многих ребят сформировалось замечательное качество: они не рвутся к власти, но в нужный момент могут взять на себя самое трудное, подставят плечо, выручат.

Через год ребят взяла Раиса Федоровна, прекрасный человек и педагог, а Л. А. нашла себя в пионерской работе, ведь она обладает многими ценными качествами, многое знает и умеет… Не может только управлять классным коллективом (ей давали и VIII, и V классы — везде такой же итог, так как действовала она только силовыми методами). А ведь этому можно научиться, хотя предмета такого — увы! — нет в вузе.

Знаю многих хороших учителей, которые до срока седеют, зарабатывают весь букет болезней, вырастающих на крепко политой нервной почве.

Как-то на курсах повышения квалификации преподаватель предложил нам игру: кто больше вспомнит и запишет слов на н за пять минут. Читали по очереди под горький смех остальных: почти у всех список открывался словами нарушение, наказание, наглядность, неприятность, неврастения. У кого что болит… А ведь вообще-то работа в школе — дело весёлое, радостное, если знать, как за него взяться. Обидно, что иные бегут из школы куда глаза глядят, и только потому, что не умеют управлять классом, не нашли с ребятами общего языка. Но это вопрос техники.

Порой технику общения заменяют совсем другими методами… Они позволяют создать видимость благополучия, тишь, гладь и божью благодать, к великой радости проверяющих всех рангов. А в глубине, силой загнанные под гладь, копятся и бурлят такие темные силы, что вместо божьей благодати вдруг высунутся наружу рога и запахнет серой.

А. С., добрый, мягкий человек (когда-то она учила нас — спасибо ей за все!), рассказывая в учительской о IV классе, не находит слов:

— Я не знаю… Это какие-то звереныши…

А три года назад мне ставили в пример их учительницу.

— Что-то шумно у вас… Вы посмотрите, какой класс у Л. И. Сидят — не шелохнутся, ловят каждое её слово. Вот как надо воспитывать детей!

Поскольку устроена я самым что ни на есть скептическим образом и не способна поверить как в скоростное выращивание яблок, так и в скоростное воспитание детей, то пошла выяснять, в чём же там дело. Посидела пару дней на уроках и была вежливо выставлена за дверь вконец обессилившей от моего присутствия Л. И.:

— Поймите, я не могу работать, когда в классе посторонние!

Понимаю, понимаю… С методами познакомилась и удаляюсь на цыпочках, втянув голову в плечи по самую макушку. И потом не скоро еще обретаю присущую мне резвость. А Л. И. обхожу с тех пор по дуге с астрономическим радиусом.

Первоклассник уронил ручку. Она упала в полной тишине со страшным грохотом. Все обернулись. Л.И., пронзив чёрным глазом преступного нарушителя дисциплины, тихо и зловеще:

— Это еще ш-ш-Ш-ШТО?

Общее оцепенение. Даже мне, никоим образом не причастной к ронянию ручек, захотелось немедленно спрятаться в собственном кармане. На всякий случай…

Прозвучала фраза непередаваемо. Ш от самого маленького выросло до огромного и страшного. И тишина… Самая многоопытная кобра, услыхав этакое ШШШ, брякнулась бы и обморок.

А ручки у первоклашек падали и падают. И даже метод Л.И. бессилен против их страсти к акробатике. Падают с парт не только ручки. Падают пеналы, тетради, учебники и даже… сами дети. Причина — в недостаточной, а у некоторых в никудышной координации движений. Дети сталкиваются, натыкаются на косяки, стены, парты. Саша В. налетел на директора, чуть не сбил его с ног. Испуганно лепечет:

— Я не видел…

Но ведь бежал-то, глядя прямо перед собой!

Наташа Л. врезалась в учительский стол. Плачет — ударилась сильно. Тоже не видела.

Я стою возле первой парты. Между партой и доской трёхметровое свободное пространство. Его пересекает Денис Ф., направляется к двери. Вопрос: как Денис распорядится этим пространством? Ну для меня здесь и вопроса никакого нет. Денис непременно наткнется на меня, наступит па ногу, извинится и скажет, что нечаянно.

Тяну за ниточку. Что там дальше? А дальше травмы. И такое у нас было: Дима К., возвращаясь из школы домой, упал на ровном месте (зацепился одной ногой за другую) и сломал ногу. А дорожно-транспортные происшествия, жертвами и невольными виновниками которых становятся дети! Сейчас правила дорожного движения изучают и в школе, и в детском саду. Нет, наверное, ребенка, который их не знал бы. А происшествия есть. Если он привык не видеть вокруг себя людей и предметы, не учитывать их расположение в пространстве не, их скорость и направление движения, то с чего вдруг он начнёт это делать, переходя через дорогу?!

Другой конец ниточки причины. Почему наши дети такие неуклюжие? Да потому, что, только еще научившись ходить, слышат от нас бесконечное:

— Не бегай — упадешь! Не прыгай — провалишься! Не лазай — штаны порвёшь! Не… Не… Не…

А он нас не слушает — и правильно делает! Он лезет, прыгает, бежит — делает то, что велит голос природы. Тогда мы наказываем. Приходится слушаться нас. Послушался нас — наказала природа. И вот теперь мы, т. е. и я, и дети, тратим огромные усилия на то, что должно получаться само собой, без надрыва, легко, как у животных. Учу ориентироваться в пространстве. А ручки и карандаши пока продолжаю падать.

— Героические вы у меня личности; укротители диких ручек! Вижу, что у многих получается: ручки слушаются, выполняют волю хозяев — словом, ручные ручки. Но вот у Саши Ш. и у Алеши Щ. ну прямо какие-то бешеные — скачут по парте, прыгают вниз, катаются но полу. Саша: «А ну-ка, ручка, поди сюда!» А она из-под парты нахально: «Ну вот ещё! Опять работать заставишь! Не пойду. Мне и здесь неплохо». (Маленькая театрализация, шутливая разработка ситуации с дальним прицелом.)

Посмеялись, разрядились. До конца урока ручки под особым контролем, не падают. На это тратятся силы, которые пригодились бы для других, более важных дел.

А на следующий день то же самое… Мне плакать хочется от бестолковых движений моих слонят, а они — представьте себе! — довольны собой. В своих синяках и шишках, заработанных в бесчисленных, — столкновениях, винят косяки, двери, парты, стены и охотнее всего друг друга. Только не себя!

Итак, что мы имеем? Культуры движений нет в помине, критичность мышления не развита; дети не умеют видеть себя со стороны, как, впрочем, и многие взрослые. Такая способность сама собой не появится. Её тоже будем выращивать, пользуясь театральными методами. Как выстроить систему? С чего начать?

В мои одинокие терзания с разбойничьим посвистом врывается окружающая среда, для которой подобных проблем не существует. В ней вообще нет проблем, их с успехом заменяют инструкции.

Звонок на урок. Ребята стоят возле парт. Влетает разгневанная директриса, тащит за руку перепуганного Сережу Д. Истерически вопрошает:

— Это ваш?!

— Да, мой. А что случилось?

— Безобразие! Я иду, а он летит по коридору. Еле поймала! А он ещё и вырывается! Я его спрашиваю: «Да ты знаешь, кто я такая?!» А он мне знаете что ответил «Тетенька!»

И по сей день считаю, что проявила чудеса выдержки, не расхохотавшись тогда: картина была самая комичная.

— Я — директор! — продолжала она в пылу

административного гнева. — Почему ваши дети до сих пор не знают, что я директор школы?! Это я не знаю что такое: за два месяца не смогли воспитать детей! Работать не умеете!

Стремительно излив на меня свой начальственный гнев, она развернула орудия и начала палить из пушек по моим первоклашкам, при этом искренне считая, что не просто вопит, как торговка семечками на базаре, а осуществляет воспитательный процесс. Исправляет мои промахи, учит меня, как надо работать!

— Ты как стоишь?! Я тебя спрашиваю! А ну встань прямо! Опусти руки! С тобой директор говорит, а ты в носу ковыряешь!!!

Замерли мои перепуганные малышата, а я никак не могла выйти из шока: такая дикость творилась на моих глазах впервые. Что же мне делать? Ситуация на первый взгляд совсем проста, проще не бывает: человек, пять минут продемонстрировавший такое количество антипедагогических вывертов, от базарного хамства до полного непонимания азов педагогики, не должен быть директором. Не имеет права ни морального, ни по закону — как профнепригодный. Но это ясно мне. А она? Она несокрушимо уверена, что именно так и должен нести себя директор. И для подобной уверенности у нее есть основания: она сидит в директорском кабинете, ни с кем не здоровается — не обязана! — и получает солидную директорскую зарплату. А главное, что подогревает амбиции, — она на хорошем счету у начальства, поскольку подняла бумажно-воспитательную работу школы на головокружительную высоту.

Директриса выплыла из кабинета, чрезвычайно довольная собой. Мы молчим, каждый по-своему переваривая событие. В тишине Сережа выдает «блюдо» (у него любая мысль сразу на кончике языка).

— Какая тетка злющая!

Вот и все. И чихать ему на её высокий чин. (Нам бы научиться!) Он оценивает то, что видит перед собой. Остальные промолчали. Но след в душах остался глубокий. Не случайно через два года Наташа Л. напишет в творческой работе: «У директора должны быть добрая душа и справедливое слово».

При таком простом и ясном подходе, как у детей, надо менять директора. Но поскольку она в зените славы и снимать её никто не собирается, тут уж начинаются всякие тонкости, хитрости и философическая заумь: надо же подвести солидную базу под обыкновенное головотяпство!

Как же я должна была поступить? Сказать ей всё, что думаю о её поведении, и попросить выйти? А как же её авторитет, где педагогическая этика? Кстати, её этакие материи не волнуют…

Мягко, тактично урезонить? Как показал опыт, человеку с таким чванством и самомнением все резоны — что слону дробина. Так что же остается — поддержать ее дикую выходку и пойти против детей?

Время показало, что это не выходка, а политика…

Не стану я калечить их сознание, называя плохое хорошим, чёрное — белым, голого короля — нарядно одетым. Постараюсь научить бороться со злом (его много встретится в жизни каждого). Бороться, а не приспосабливаться. Бороться, а не сдаваться. Бороться, невзирая на чины и ранги, и верить в победу. Зло умеет маскироваться, оно может принимать любое обличье, даже обличье чиновника, обязанного — по долгу службы — сеять добро, поступать по совести. Я должна научить детей распознавать зло под любой маской.

Но всё это в будущем. А пока мои дети просто дерутся. В отношениях полное взаимонепонимание.

Вася хочет поиграть с Олей. Оля этого не замечает. Тогда Вася изо всех сил дергает Олю за косу, дабы привлечь внимание девочки к своей персоне. Та, не раздумывая даёт сдачи. Вася оскорблён в своих лучших чувствах! Сражение! В ход идут тычки, пинки, царапанье, кусание — словом, все средства общения, которыми владеют воюющие стороны. Визг, вопли — дым коромыслом. Подбегаю, разнимаю. Сразу выясняется, что виноватых здесь не стоит и искать: здесь все правы.

— А чё она меня стукнула!

— Ага, он первый полез! Я ему сдачи дала!

Так мама научила, еще в садике: обидят — не ходи, не жалуйся, а сразу давай сдачи, умей за себя постоять. Маму тоже можно понять…

Нет конца взаимным обидам и претензиям. Смысл их сводится к тому, что Вася просто хотел поиграть с Олей, а она его почему-то побила. А Оля, наоборот, шла себе спокойно, никого не трогала, как вдруг налетел этот Васька да как дёрнет за косу!

Всё понятно: люди хотят общаться, но не знают, как это делается. Доступно, с примерами рассказываю, как входить в контакт, искать базу общения и т. д. Вроде поняли… Не получается. Почему? Смущенно улыбаются:

— Стесняемся…

Вот те раз! Только что безо всякого стеснения колошматили друг друга!! Привычно делали то, что умели?..

Исправить положение тоже помогли театр и маленькие артисты — перчаточные куклы. Но об этом позже.

Как-то меня пытались убедить, что агрессивность у детей — свойство возрастное, заложенное природой: вырастут — и сами

переменятся. Разве мало взрослых людей общается на том же уровне! Вместе с тем если малышей не пасти, а именно воспитывать, то они очень быстро и охотно научатся технике общения.

Границы свободы… Они невидимы и не поддаются измерению приборами. Суть их прекрасно передаёт пословица: «Моя свобода махать кулаками кончается там, где начинается нос моего соседа». Эти границы ребенок должен чувствовать, ощущать всем своим существом. Должен впитать и сделать своим внутренним законом. Именно здесь и берет начало настоящее правовое воспитание. А когда подростка больше всего волнует вопрос, по какой статье УК сколько лет можно получить, тогда вести речь о правовом воспитании уже поздно. Воспитанный человек не преступает границ не из страха наказания, а потому, что совесть не позволяет.

Начинаем мы с реальных, хорошо видимых границ: границ парты, стола. На учительском столе ничего нельзя не то что брать, даже трогать. Но учитель не исключение, у каждого ребенка есть точно такая собственная территория: половина парты, своё место в классе. Тут лежат учебные вещи, а на переменах и игрушки. Но никто без разрешения хозяина этих вещей не имеет права что-то взять. Закон границы соблюдаем мы все, а я в первую очередь.

Ребята очень любят играть. Чего только не увидишь на партах и в руках во время перемены: зайчата, куклята, машинки. На парте у Лены Д. крохотная вязаная шапочка — для пупсика. Лена сама её связала — мама научила.

— Лена, можно я возьму посмотреть?

— Да, конечно!

Рассматриваю, восхищаюсь, расспрашиваю, кладу на место, говорю: «Спасибо». Ребята окружили: им все интересно. (А особенно интересно, как всегда, там, куда их не звали.) Сейчас они заняты шапочкой, а я — стилем отношений, границами свободы. Объяснила закон один раз — это очень важно. Если я, увидев, что не получается, стану объяснять еще 99 раз, то дети будут делать всё наоборот, а я приобрету печальную славу зануды. Но с одного раза и не получится, поэтому дальше — тренинг. Показываю на деле, как надо (т. е. даю эталон), но без комментариев, не нарочно, не в лоб. Вот я подошла, обратилась к Лене приветливо и с достоинством. Дети окружили, на ус мотают, но мне и дела нет до их внимания, я их не замечаю вовсе. Меня интересует только шапочка, исключительно шапочка!

Театр, сплошной театр. И у меня трудная роль: идти Вперёд твердо и уверенно, не интересуясь, пошли за мной или нет. И не

оглядываясь, видеть всё, что делается за спиной, точно реагировать на малейшее отклонение. У детей обязательно должна быть свобода выбора: хочу — следую эталону, не хочу — не следую. Но он такой привлекательный! И другим тоже нравится…

Отхожу. Дети наперебой просят Лену показать шапочку. Да вот же она, прямо под рукой, — хватай, смотри! Раньше так бы и сделали, да ещё подрались при этом. Сейчас даже не притрагиваются. Ждут разрешения. Эталон приняли.

Случай с шапочкой не единичный, это часть непрерывного тренинга, часть системы. Внутренняя перестройка — процесс долгий и трудный.

Следующий шаг — неприкосновенность личности. Нельзя не то что ударить человека, нельзя даже в шутку его задеть: а вдруг это будет ему неприятно? Может, у него тяжело на душе и он не расположен играть!

Не люблю, когда люди трутся друг около друга, обнимаются без всяких причин, виснут на шее. Замечаю, что и многие ребята этого не любят, просто молча терпят чужую навязчивость — из боязни обидеть, из подражания, желания быть, как все (все обнимаются, и я тоже… потерплю).

Строимся в столовую. Алеша и Максим, закадычные, «с детства», как они говорят, друзья, сидят на разных партах — вот досада! Им бы взяться за руки да встать и строй, но тогда кто-нибудь может усомниться в их горячей привязанности друг к другу. И вот начинаются объятья, лобызания и повисания. Ну прямо как футболисты после гола! Я на это бурное изъявление чувств реагирую насмешкой:

— Товарищи! Какая у нас радость! Наконец-то после долгой разлуки встретились друзья. Они так давно не виделись: целых сто лет, а может, даже целый урок! А знаете ли вы, как надо встречаться после такой разлуки? Нет?! Сейчас я вам покажу.

Дальше утрированно:

— Ах, Алексей, какая счастливая встреча! Ах, Максим! Сколько лет, сколько зим! Как же мы смогли пережить такую чудовищную разлуку! Давай расцелуемся! — И вполголоса, сварливым тоном: — Ну чего ты на мне сразу повис? Сегодня моя очередь виснуть на тебе!

Дети хохочут. Улыбаются и виновники мини-спектакля.

Потом ребята сами начинают применять этот приём. Надо сказать, приёмами они овладевают очень быстро, гораздо быстрее взрослых. Ирония становится одним из регуляторов отношений в классе, способным быстро и весело, без скандалов и обострений вернуть в рамки выпавшего из них товарища. И во многих случаях

мне уже не надо вмешиваться в конфликты, расставлять всё по местам. Работает общественное мнение: ребята сами умеют справляться с нарушениями границ, с беспорядком.

Может быть, именно поэтому у нас в классе никогда ничего не пропадало: отношения строились на основе полного доверия. Взять чужое было невозможно.

А в школе процветает воровство. Тащат всё, что плохо лежит. Что лежит хорошо — тоже тащат. Постоянно пропадают вещи в раздевалке: шапки, куртки, пальто. Пропадают вещи и деньги и из учительской раздевалки. Но директриса не дремлет. Она на посту. Бдит. Принимает меры. Для учителей вывешивается предупреждение:

> «Тов. учителя! Не оставляйте в раздевалке ценные вещи».

Интересно, шуба — ценная вещь? А шапка, сапоги? И если их нельзя оставлять, то что тогда можно?.. Перестала я задавать вопросы, когда пропали мои босоножки.

На ученические раздевалки повесили огромные до неприличия замки. Всем учителям велено было выводить детей, с I по X класс. Вам не приходилось видеть, как маленькая хрупкая учительница ведёт по коридору современных десятиклассников… парами? Прелюбопытное зрелище!

Отправила в раздевалку вторую «звездочку», самую самостоятельную. Знаю, что оденутся, помогая друг другу, И пойдут домой. Вдруг возвращается взволнованная Инна:

— С.Л., там опять та тетенька, забыла, как она называется — она опять сердитая и на вас кричит!

Иду. Около раздевалки директриса. Изливает на меня своё негодование:

— Вы почему нарушаете приказ?! Почему детей отпускаете одних?!

— Но почему бы мне их и не отпустить? Они люди взрослые, самостоятельные.

— А если они пойдут по карманам лазать или куртку украдут, кто будет отвечать?!

— Не смейте так говорить! — взорвалась я.

Вот тут она вдруг вспоминает о педагогической этике и немедленно обвиняет меня в том, что я растоптала святыню.

Малышата молча и как-то очень сосредоточенно слушают предложения главного воспитателя школы об их воровских наклонностях. О чём думают — не знаю…

В свете принятых мер — замки, объявления, приказы, запреты и нагоняи — как-то сама собой отпала надобность в воспитании.

Блестящий результат! Но радовал он администрацию недолго. Стало трудно красть — тогда ученики постарше начали грабить малышей прямо на школьном крыльце.

Я хотела писать только о театре, о юморе, об игре.

О долгом и непростом становлении коллектива и каждой личности в нем. Мы, наше поколение, росли и получали заряд в школе шестидесятых. С огромной благодарностью вспоминаю учителей своей школы в г. Энске. Нас учили интеллигенты — собой, своим отношением к труду, к человеку, к жизни. Нас пропитывала атмосфера школы — доброжелательная и радостная. Создавали её Вера Петровна, Ирина Ивановна, Валентина Ивановна, Христиан Христианович, Раиса Кузьминична и многие другие. Были и иные, которых не хочется называть, но они погоды не делали. Помню «битвы» за место на первой парте, возле стола нашего классного, Аркадия Григорьевича Тарасова: на том столе всегда лежали горы увлекательнейших математических книг, и на них разрешалось набрасываться, когда сделана классная и домашняя работа. Аркадий Григорьевич принял нас из добрых рук Анны Степановны Ключник в VII классе и звал только на «вы», как уважаемых сотрудников. Он и нас верил. Спокойный и деликатный Михаил Никитич Воронков учил нас физической культуре. Он устраивал соревнования, не уступающие Олимпийским играм по накалу страстей участников и болельщиков, которые часто менялись местами. А школьные концерты, смотры, вечера! Уходить из школы не хотелось. Мы её любили.

Но уже при нас, в конце шестидесятых, начали появляться «новые» люди. Сначала они были в тени, не вписывались в ансамбль, но через несколько лет стиль школы стал другим. Уходили настоящие учителя: они хотели учить детей, а не бороться или «выживать». Ушла радость учения. Появились грубость, подозрительность, лицемерие. Количество копилось, переходило в новое качество. Школу корежило, меняло до неузнаваемости. И в начале восьмидесятых приходится писать об идиотизме окружающей нас среды, где потихоньку исчезли нравственные ценности, где мораль перевернулась с ног на голову, где от одного человека ничего уже не зависело, так как его жестоко били за добросовестную работу. Превозносилось то, за что из школы гнать надо, и уничтожалось нормальное, человеческое. Безумной становилась школа, в которой молчали учителя, задавленные обстоятельствами, потому что тех, которые не молчали, давно «ушли». Но самое страшное, что школа привыкла к своему безумию, воспринимала его как норму и к тому же приучала детей. А сравнивать им не с чем.

Мы с детьми росли и крепли в ядовитой атмосфере. Боролись, сопротивлялись, как могли. Спасал театр, спасал юмор. Но отрава делала свое дело.

Чтобы перестать спотыкаться, чтобы научиться владеть своим телом, нужен тренинг. В школах перед началом занятий отводится время на зарядку. 10 минут ежедневно — это 35 часов за учебный год. Горы можно свернуть за это время, если не тратить его попусту, как это часто бывает. Дети покорно-нехотя машут руками, всячески пытаются схалтурить, а то и увильнуть от зарядки. Но учитель на страже порядка.

— Иванов, а ну делай зарядку! Я всё-ё-ё вижу! Петров, а ты почему там за партой присел и уже две минуты не встаешь? Долго я за вами буду следить?! Себе же приносите вред: зарядка полезна для здоровья, а вы не хотите быть здоровыми!

С теми моими ребятами мы делали под музыку полугимнастику-полутанец. Придумали сами и выполняли с большим удовольствием. (Через несколько лет ритмическая гимнастика стала очень популярна повсюду.) Здесь, в этой школе, уже два месяца хожу за директрисой, выпрашиваю проигрыватель. Она раздражается, видя моё упорство, но не даёт, хотя проигрыватель «в заначке» есть. Но я не отступала, и наконец нам дали загадочный аппарат. У него отсутствовал звукосниматель, но зато во все стороны в избытке торчали проводочки и детальки.

— Сумеете починить — ваше счастье.

Родители Тани Т. отремонтировали, и под эту старинную шарманку мы каждое утро проводили ритмику. Тоже часть театрального комплекса, в который входит владение своим телом.

Под весёлую ритмичную музыку мы делали красивые упражнения, которые… не получались, так как требовали хорошей координации движений, а где её взять-то, координацию… Разучивали медленно и вдумчиво, держали под контролем каждое движение, учились не путать правую руку с левой ногой, что оказалось делом весьма сложным. Но, преодолев трудности, мы вдруг увидели, как красиво двигаться под красивую музыку, да еще дружно и ладно — это здорово!

Вначале зарядку проводили самые ритмичные и пластичные ребята, но число их постепенно прибывало, и к концу года вели просто дежурные, т. е. все по очереди. Стало получаться — и охота появилась. Отыскивали и приносили в класс газеты и журналы с комплексами упражнений, разучивали по воскресеньям упражнения из телепрограмм и показывали остальным на занятиях.

Однажды шла зарядка своим чередом. Вели ее Слава и

Наташа Д. (у нас в классе пять Наташ), а я в сторонке любовалась ребятами: так красиво и слаженно получалось, такая радость на лица! Кончилась музыки — и вдруг за моей спиной раздался глубокий хоровой вздох. Оказывается, в дверях столпились старшеклассники: смотрели зарядку.

— Какие молодцы, правда?

— Нам бы такую зарядку!

Зрители разошлись. Малыши сели за парты, пытаясь сохранить на лицах невозмутимость. Меня поразило одно: ведь они видели зрителей, но никто, что называется, и бровью не повел. Продолжали гордо делать своё дело. Вот что значит театральное воспитание! Уже появляется какое-то самообладание, достоинство.

Но всё это проявилось в конце года, а пока — гигантский труд и никаких успехов.

Сама себе начинаю напоминать многострадального Сизифа: толкаю камень в гору, а он так и норовит свалиться в болото. Помощи ждать неоткуда.

Директриса злится: ей хочется видеть детей, ходящих по струночке, сидящих тихо и смирно (сидят же смирно куклы в магазине игрушек!). Главное, чтобы они не мешали ей осуществлять педагогический процесс. А они, мои первоклассники, — просто дети. Живые, непоседливые, почти ничего не знающие и не умеющие дети. Они её страшно раздражают. И она выплескивает своё раздражение на наши головы при каждом удобном случае.

И с родителями пока контакт не найден. Внешне всё в порядке, но в глубине души они не сторонники, не помощники в самом трудном — в воспитании.

На родительском собрании рассказываю о том, что детей необходимо приучать к труду, давать посильные разовые задания. И постоянные обязанности у них тоже должны быть: мыть посуду, стирать свои мелкие вещи, вытирать пыль, мыть пол и т. п. Никто мне не возражает, никто не собирается выращивать из своего ребёнка бездельника и тунеядца, напротив, все кивают и соглашаются… И ничего не меняется. Родители хотят, чтобы дети выросли трудолюбивыми и настойчивыми, но чтобы произошло это как-то так, само по себе… В итоге то, что со скрипом налаживаем в классе, разлаживается дома. В классе надо быть самостоятельным и упорным, ставить перед собой цель и добиваться её выполнения, преодолевая все внешние препятствия, да ещё своё нежелание и неумение. Но это в классе. А дома достаточно сказать маме: «У меня не получается» (лучше даже не сказать, а жалобно проныть), как мама прибежит и всё сделает.

Такие вот волшебные слова.

Дети, конечно же, выбирают что полегче: свалить свою работу на другого всегда легче, чем сделать самому. Они — создания природы и действуют по её великому закону экономии энергии. Они пока ещё не люди в полном смысле слова, им ещё только предстоит стать людьми. Если помогут взрослые. А они, взрослые, не помогают — мешают: выбирают сами что полегче. Заколдованный круг.

Опять прослеживаю всю нить. Привычка к безделью, ироде бы безобидная, приводит к полному разрушению человеческого в человеке. Ребенок должен освоить шов, или нарисовать цветок, или написать упражнение правильно, аккуратно, красиво. Он должен постирать свои носочки, решить примеры, прочитать рассказ. Любое дело требует усилий, преодоления — и инертности в себе, и внешних препятствий, Дело всегда сопротивляется. Самое простое — повторить русскую поговорку: «Ты меня, работушка, не бойся, я тебя, работушка, не трону!» — и завалиться на печь. Но если увильнул один, значит, другому придётся делать работу и за себя; и за него. Ребёнок не постирал своё белье, не вымыл посуду, значит, это сделает мама. А ребёнок приобретет первый опыт перекладывания своих обязанностей на плечи близкого человека. И делает вывод: а что, неплохо получилось! Я не стирал, а хожу в чистом — красота!

Так постепенно он учится уходить от работы. Мысли его вертятся в этом направлении — как бы увильнуть, улизнуть, самому не сделать, но устроить таким образом, чтобы работу сделал кто-то другой. Растёт лживым, хитрым, изворотливым и в конце концов обязательно совершает подлость.

Сколько семей распадается именно по той причине, что один или даже оба супруга привыкли перекладывать заботы и ответственность на чужие плечи! А сколько детей сиротеет при живых родителях, порхающих по жизни!

У человека много потребностей. Одна из них, чрезвычайно важная, — «пользоваться привязанностью и вниманием окружающих, быть объектом их уважения и любви» (Симонова П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. М.: Наука, 1984). Ребенок мал, у него крохотный социальный опыт. Он не постиг ещё, что реализовать эту важнейшую потребность можно только через труд, через преодоление. Только труд и ответственность дают человеку крепкий стержень, делают его уважаемым, необходимым другим людям.

Эту истину — не на словах, на деле — должны преподавать родители, должны помочь ребенку сделать её своим внутренним законом. Но им… некогда. Мама, например, занята. Она моет

посуду и стирает носки сыну и при этом не задумывается, что важнее — чистые носки или трудолюбивый сын. А вопрос именно так и стоит: или — или? Ей кажется, что сделать белье чистым может только она, а сын получится трудолюбивым сам по себе, без усилий, может, в результате созерцания её труда…

На одном из собраний мне всё же удалось расшевелить родителей, и одна мама, выражая общее мнение, воскликнула:

— Ну да, он намоет, настирает! Пробовала я, так потом дольше за ним переделывать пришлось. Уж лучше я сама всё сделаю, так легче!

Стоп! Вот она, причина нашего поражения: «Так легче». Было время, когда ребёнок сам тянулся к работе, лез помогать. Но он же маленький, не умеет! А учить — это долго и трудно. Проще отстранить. Отстранили… Теперь хоть за уши тяни — не хочет. И действительно, теперь легче сделать самому, чем его заставить.

Что ответить? Остается только показать абсурдность подобной позиции. Говорю обрадованно:

— Дорогие папы и мамы! Вы меня убедили, и с завтрашнего дня мы будем заниматься в классе по вашей системе. Я буду решать за ребят задачки, писать решение на доске, им же останется переписывать готовенькое в тетрадки. На уроках чтения читать буду тоже я, а дети — слушать или дремать. И диктанты буду писать я! Наши дети начнут утопать в пятёрках, ведь я привыкла всё делать качественно!

Засмеялись. (Им смешно!)

— Почему вы смеётесь? Разве вам не нравится такой учитель? Странно… Мы же с вами только что решили идти по пути наименьшего сопротивления… Вам, например, трудно научить сына добросовестно мыть посуду. Не играть в мытье посуды, а именно выполнять работу добросовестно и качественно. Мне трудно научить его решать задачи, не пасуя перед препятствиями. Далее. Вам трудно научить одного ребенка, а мне трудно научить целый класс. Вы сразу же, после первой неудачной попытки, отступили. Что делать мне?..

После этого собрания лёд тронулся. Мы вроде нашли общий язык. Бороться с потребительскими настроениями в классе стало гораздо легче. А они проявлялись, и довольно часто.

Урок русского языка. Нужно дописать предложения, вставив предлоги: «Уж живёт… воде. Бобик стоит… крыльце». Работа самостоятельная. Одни читают задание, думают, другие уже пишут. Таня Л., мельком глянув в учебник, радостно сообщает:

— А я ничего не поняла! Как делать-то?

Переводится так: «Не желаю ходить сама! Возьмите на ручки!»

Опять театр! Дети постоянно играют роли: для мамы — одну, для бабушки — другую, для воспитательницы детского сада — третью. Бывает, в садике это спокойный, весёлый ребёнок, а дома — скандалист и тиран. И вот сейчас моя Татьяна, которая не читала задания и не собирается его читать, выступает в роли наивного, непонятливого ребенка, совсем беспомощного перед этим жутким упражнением. Я услышала от неё текст, поняла подтекст. Сейчас выдам ей свой текст вместе с пудом подтекста!

Принимаю отведённую мне роль «скорой помощи» и искренне хлопочу вокруг Татьяны. В интонациях ни малейшего намека на иронию, всё совершенно простодушно. Как у неё.

— Ой, Танюша, извини, я чуть было не заставила тебя работать! А ведь думать каждый день очень вредно для твоего хрупкого здоровья. Давай я тебе буду диктовать, а ты записывай: «Уж живет за воде. Бобик стоит под крыльце»… Почему же ты не пишешь?

А лукавая Татьяна зашлась в хохоте.

— Нет, я уж лучше сама! Я поняла…

Недоумеваю:

— Да как же ты поняла, ведь я ничего не объясняла?!

Приходят родители, рассказывают о детях.

Наташа целый лень пробегала на улице и за уроки села только вечером, когда пришёл папа. Дочь сразу к нему:

— Папа, я не могу задачку решить…

— Какую?

— Вот эту, — показывает пальцем.

— Что, трудная попалась? — с сочувствием спрашивает папа.

— Трудная, — тяжело вздыхает Наталья. Слишком тяжело…

Папа, внимательно посмотрев на дочь, небрежно говорит:

— Сейчас мы её решим. Да, кстати, о чём наша задачка-то?

— Не знаю, я ее ещё не читала.

Но идут и с другим.

Олина мама просит пересадить дочь от Алеши:

— Он ей покоя не даёт! Она и учиться стала хуже.

На следующий день наносит визит Алешина мама. Просьба повторяется слово в слово, только пострадавшая сторона — Алёша. Ему Оля не даёт заниматься на уроках, всё время отвлекает. С подобными жалобами приходят родители и других моих ангелов. Обещаю принять меры.

И принимаю. Приглашаю всех родителей на наше театральное представление, руководствуясь принципом: лучше один раз увидеть, чем семь раз услышать. Дети ещё не готовы. Нет, сценки они сыграют хорошо, выступать будут с охотой, но у них ещё неважная дикция, не отрегулированы тормоза, а главное,

они не умеют себя вести. Знают, как надо, но не умеют. Между знанием и умением громадное расстояние: нужно желание, а оно не всегда есть, и тренинг, а это уже вопрос времени.

Таким образом, родители на 10 минут получили бесценную возможность посмотреть со стороны, со своих зрительских мест в зале, на свободное общение детей, оставшихся одних. Я ушла в класс. У меня там вдруг появилось срочное дело.

Сейчас папы и мамы редко получают возможность наблюдать за своим ребёнком со стороны, задуматься, сделать выводы. А ведь Женя за ручку с мамой и Женя во дворе с Серёжей — это два совсем разных Жени. Первый — паинька, умничка, а какой вежливый! Второй— полная для мамы неожиданность. И в результате поспешный, но тем не менее весьма категоричный вывод: «Не водись с Серёжкой! Он тебя плохому научит!» (Потом, в III классе, мы поставили сценки «Не водись с Сережкой» по рассказу Ф. Камова и «Вот придёт мама» по рассказу В. Медведева. В целях самокритики и как информацию к размышлению — для родителей.)

Дисциплина ещё не стала внутренней потребностью каждого «члена коллектива», да и коллектива ещё нет, только начинают образовываться связи и отношения. Всё у нас еще впереди. А пока то, что видят родители в моё отсутствие, здорово похоже на разгул анархии. Мама сидит в зале, она лишена, возможности одернуть, призвать к порядку свое чадо. Учительница ушла, Красота! Значит, можно делать то, чего вообще-то делать нельзя: побегать и попрыгать, покричать и подраться.

Я вернулась, успокоила своих анархистов, и мы начали представление. Точнее, второе его отделение, поскольку «первое отделение» мамы и редкие папы уже имели счастье увидеть.

После того как дети ушли переодеваться, спрашиваю:

— Надо ли ребят пересаживать от «плохих» соседей по парте?

— Что вы! Конечно, не надо!

— Мы сидели, не знали куда глаза девать.,

— Я-то думала, правда ему Оля мешает, а как посмотрела сегодня на Алёшку, ну, думаю, погоди: придём домой — я тебе объясню, как надо вести себя, да ещё и на других жаловаться!

— Дорогие мамы, не надо репрессий! Не для того мы вас сегодня пригласили. Дети просто не умеют себя вести. И каждому кажется, что во всех неприятностях виноват кто-то другой. Это пройдёт, они обязательно научатся: мы с вами вместе постараемся, правда? А теперь давайте поговорим об успехах наших детей.

В гостях у нас была Эльвира Вячеславовна, заведующая детской редакцией областного радио, — прекрасный педагог и

человек. Ей очень нравились мои дети, бывшие мои ученики, теперь уже пятиклассники другой школы. Действительно, они умели держаться приветливо и с достоинством. И вдруг — такой контраст. Ещё додумает, что я работать разучилась! Стыдобушка…

— Не расстраивайтесь, — успокоила она меня. — Я очень рада, что увидела, с чего всё начинается.

Я согласно кивала, а сама думала: «Это разве начало! Это уже начало середины. Сначала ещё не то было!»

Неугомонный Слава сломал руку. Драться стало гораздо сложнее… Но для Славы нет ничего невозможного… Бежит жаловаться Паша:

— Меня Слава душит!

— Как — душит?!

— Свободной рукой, — поясняет Паша.

Саша обижается:

— А мне Слава поставил подножку, я чуть не упал!

По натуре Слава очень добродушен. Это у него в такой форме проявляется общительность.

Идём на перемене в столовую. Я впереди, веду за руку Славу. Во-первых, чтобы его в толкучке никто не уронил, а во-вторых, чтобы никого не уронил он. Я спокойна: всё у ребенка занято, все руки-ноги. Но вдруг он азартно бросается вперёд и пытается боднуть идущую впереди девочку из другого класса.

— Слава, что это значит?!

Он охотно объясняет:

— Так это же моя знакомая! Ещё по детсаду!

Ну как его ругать, он же не со зла! Так же, как и Вася с Олей: хотели поиграть — получилось сражение.

Какая-то всеобщая беда: люди не могут общаться, дружить. И если выразить сочувствие ещё как-то способны (а что там, в душе?..), то разделить чей-то успех, чью-то радость — нет, ну никак, даже через силу! Зато унижают друг друга с большой охотой: для многих это единственный путь возвыситься. Пусть по головам… Странное время, породившее странных людей. Взрослые неистово гоняются за миражами, теряя в этой безумной гонке самое ценное, чем обладали, не замечая своих утрат. Не понимают, что финиш — одиночество в золотой клетке. Рвут связи с друзьями — некогда, некогда! — и налаживают с «нужниками». (Велик русский язык: припечатал «нужных людей»!) Забыты родители, брошены дети. Малыши неприкаянны и неумелы, отшвырнуты с дороги в сиротство и дикость потерявшими головы родителями. Живут и развиваются как умеют: одни побегут вслед за родителями догонять миражи,

другие ударятся в стихийный протест.

Я должна помочь им реализовать огромный человеческий потенциал, заложенный в каждом, помочь увидеть мир и друг друга, научить радоваться и радовать. В них — наша надежда. В них — наше завтра.

Налаживать общение помогли перчаточные куклы. Потребность в них у детей очень велика, гораздо больше, чем в обычных игрушках. Хитрая это вещь — перчаточная кукла! Надеваешь её на руку — и оживает, поднимает голову, машет руками и начинает действовать. Сначала она отправляется на поиски другой куклы (зайца, лисицы, собаки и т. п.), чтобы познакомиться с ней. Она совершенно не может быть одна! Кукла ищет партнера, ищет взаимодействия. Ей непременно надо с кем-то поговорить, поиграть или поссориться — словом, кукла общается так, как представляет себе общение ребёнок, надевший её на руку.

Встретились котёнок и заяц (сразу же после того, как подрались Вася с Олей). Разговорились, всё мирно, спокойно. Но вот сбой, обострение: котёнку не нравятся зайкины уши — слишком длинные, и наш невоспитанный котёнок полагает, что это прекрасный повод подразнить бедного зайку. Тот обиделся всерьёз и не намерен оставаться в долгу: его мама, зайчиха, учила всегда давать сдачи…

Вмешиваюсь, даю пару советов… забияке-котёнку. Нет, не Васе, да и нет здесь никакого Васи. Он бы меня и слушать не стал, а завёл своё нудное «а чё, он первый…». С самокритичностью дела у Васи обстоят пока никак. А вот котёнок — молодец какой! — внимательно слушает, «головой согласно кивает. Да и зайка готов забыть обиду. Мир восстановлен при активном участии сторон.

И так каждый день. Звонок с урока, и к шкафу очередь за куклами. Играть. Развивать воображение и фантазию в игре-импровизации. Учиться общению.

Постепенно становились обиходными слова спасибо, пожалуйста, извините… среди кукольной братии. У кукол учились и дети. Добрые слова становились привычными. Но вот фокус: после каникул они вдруг бесследно исчезали из речи моих детей — как и не было! Считают, что привычка вырабатывается у человека за 21 день. Любопытно, что «отвычка» — дело моментальное: раз — и на четвереньках!

Кстати, о зайкиных ушах. Они не похожи на котёнкины. «Раз он не такой, как я, значит, он хуже меня», — делает легкомысленный вывод котёнок, которого надел на руку Вася. Вывод с печальными последствиями…

Для многих детей пребывание в стенах школы становится невыносимым именно по этой причине: их дразнят, обзывают, травят одноклассники. Каких только кличек не дают! Но ведь кличка — это то, что вылезло на всеобщее обозрение, а что там, в глубине?..

Надо помочь детям увидеть неповторимость каждого человека, научить радоваться разнообразию характеров, радоваться непохожести людей друг на друга. Надо сделать своевременную прививку против дикости, против стремления к уравниловке и серости, гармонично развить два чувства: собственного достоинства и уважения достоинства других. («Я — единственный и неповторимый» и «любой человек — единственный и неповторимый».)

Жду привычных возражений: «Они же ещё маленькие! Что они там понимают! Честь, достоинство, низость — они ничего того не поймут, рано говорить с ними о таких материях!» А когда не рано? В V классе? Перед армией? При вступлении в брак? После развода? Может, при выходе на пенсию в самый раз?

Да, мы сейчас, в I классе, все вместе строим коллектив, вырабатываем сообща моральные законы (не умозрительно, нам их подсказывает жизнь); которым каждый охотно подчиняется: сам же вырабатывал! Да, диалектика входит в человека через чувства — сначала — и разум — потом. Сначала через чувства, и именно в том возрасте, когда разум совсем ещё не готов понимать подобные сложности. Да, мы к любому явлению подходим диалектически; учимся наблюдать, чувствовать, понимать и прогнозировать. И всё это сейчас, в I классе, и то поздновато, надо бы пораньше…

При нынешнем, положении дел в школе в результате наших мучительных попыток «сформировать материалистическое мировоззрение» получается довольно печальная картина: диалектика сама по себе, вроде удобной вещицы (можно взять, а можно и на полку убрать за ненадобностью), а ребёнок сам по себе. Многие студенты; спихнув кое-как диамат на экзамене, напрочь забывают, что это такое на всю оставшуюся жизнь… (В институте нас учил философии замечательный преподаватель Михал Михалыч Григорьев, но далеко не все взяли для себя то, что он давал: поздно, лет бы на 10 раньше…) Знаю я и учителей, пребывающих в стойкой и непоколебимой уверенности: диалектику придумали Маркс и Энгельс специально для докладов и лекций; дабы сделать их скучнее, но в жизни она не встречается. Конечно, можно допустить, что где-то и встречается, кто её знает, но на их-то школу её действие не распространяется — это они знают точно!

Моя задача — пропитать детей этой самой диалектикой насквозь, на уровне чувств и мыслей. Добиться, чтобы они ощущали себя частью природы и общественной среды; чувствовали законы, взаимосвязи, отношения, чтобы научились видеть их в любом проявлении и в развитии.

Репетируем сценку «Кто виноват?», с которой начинался наш репертуар. Играет первые исполнительницы Инна и Оля. В их трактовке девочка полна сочувствия, ей жаль несчастную Люду. Люда же огорчена до глубины души, она искренне считает, что двойку получила несправедливо.

Но вот на сцене Лена Д. и Наташа Д., и совсем другая картина получается. Эта Люда не хнычет, она в бешенстве. Попадись ей теперь Зойка, у которой она списала, — ух, что будет! А в тоне девочки звучит явная насмешка.

Другая трактовка — другие образы. Сравниваем и обсуждаем. Но сравниваем не по шкале «лучше — хуже», нет, ни в коем случае! Это бы уже получилось соревнование между исполнителями, что недопустимо. (И вообще ко всякого рода соревнованиям — между «звездочками», между классами, особенно в начальной школе, т. е. среди людей, не созревших нравственно, я отношусь с превеликим подозрением и опаской. Извращаются мотивы деятельности, а это уже прямой вред. Польза только в отчетах да рапортах получается.)

Каждый вариант по-своему интересен. У каждой исполнительницы — своё лицо, своя точка зрения на события. Вот мы и учимся уважать и ценить это «своё». Ещё отвечаем на вопрос: «А как бы я поступил в такой ситуации?» Учимся ставить себя на место другого человека. Пока «другой» — действующее лицо в сценке, потом — товарищи, родители, просто знакомые. В таком умении — основа взаимопонимания и взаимодействия.

Сценка по стихотворению А. Шибаева «Забыл».

Маша. Федя. Сбегай к тёте Оле, принеси немного соли.

Федя. Соли?

Мама. Соли.

Федя (обрадованно). Я сейчас!

Его как ветром сдувает. Мама что-то готовит, нетерпеливо поглядывает на часы (время идёт, а сына всё нет).

Мама. Ох, и долог Федин час! (Вваливается сын. Волосы растрёпанные, рубаха вылезла, шнурки болтаются. Не сын — загляденье!) Ну явился наконец. Где ты бродишь, сорванец?

Федя (охотно просвещает маму). Встретил Мишку и

Серёжку…

Мама (сердито). А потом?

Федя. Искали кошку!

Мама (накаляясь). А потом?

Федя. Потом нашли.

Мама (разгневанно). А потом?!

Федя (радостно). На пруд пошли.

Мама (вне себя). А потом?!!

Федя (с восторгом, разводит руки). Поймали щуку! Еле вытянули злюку!

Мама (с сарказмом). Щуку?

Федя (ликуя). Щуку!

Мама (гневно). Но позволь, где же соль?!

(Пауза. Федя в полной растерянности, мучительно что-то вспоминает, точнее, пытается вспомнить, но не может…)

Федя. Какая соль?..

Вроде бы обыкновенная шутка: сыграли, посмеялись, забыли. Но в ней заложены большие возможности. Их надо раскрыть, пусть поработают на нас. Событие — несколько кадров — имеет свои причины в некоторых свойствах характера мальчика: безответственности, невнимании к матери. Как он выполнил пустяковое поручение — принести соли, так он сделает и большое дело И ещё. Мать огорчена, возмущена, разгневала, но сынок настолько занят собой, что замечать её состояния не желает и вины за собой не чувствует. Он глух и слеп, а это уже не смешно. Вот до каких шекспировских высот мы добрались в анализе маленькой сценки. Пора спускаться обратно. В конце концов это просто шутка, не будем забывать.

Посмотрим ещё раз, опять посмеемся. Но это уже другой смех, с другим подтекстом. В основе его иной, более глубокий уровень понимания, сочувствия и осуждения.

Мы на время отделили форму от содержания, рассмотрели печальный факт, опять соединили. Дети сейчас, в I классе, готовятся воспринимать и понимать такие трагические по сути, но комические по форме произведения, как «Записки сумасшедшего» или «Шинель» Гоголя. Подобный анализ не убивает юмора, не надо этого бояться. Да и юмор-то разный бывает, и дикий, и даже чёрный. (Однажды я видела, как покатывались со смеху семиклассники, листая какую-то книгу. Подошла, заинтересовавшись, что же их так насмешило. Фотографии Бухенвальда…) То, что мы делаем, — прививка. И если она поможет задавить в зародыше бездумье, желание похихикать над чем угодно, не вникая в суть, лишь бы себя

потешить, считаю, что цель будет достигнута.

Редкими стали драки, всё чаще проявляют дети внимание друг к другу. Рады мамы: заботливыми становятся чада. И сумку помогут донести, и за домашнюю работу берутся, и на 8 Марта подарком порадуют, да не каким-нибудь, а сделанным своими руками.

Трудный праздник 8 Марта… Должен он стать главным праздником в году для ребенка. Не Новый год и не день рождения, когда дитя нежится в лучах доброты и ласки взрослых да получает подарки, а именно 8 Марта, когда дарит он, праздник устраивает он. А сделать праздник — это работа! Надо освободить маму от забот, взять ответственность на себя. Надо своими руками приготовить подарок, вложив в него труд и душу, а не купить в магазине первую попавшуюся безделушку на деньги, заработанные мамой же! Саму мысль о такой возможности помогает отмести стихотворение А. Барто «Как на мамины именины».

Готова к празднику семья.
Подарки клеят сыновья
Для мамы, не жалея
сил своих, ни клея.

— Я по-другому поступлю! —
Придумал, старший самый.
— Подарок маме я куплю.
— А деньги где? — У мамы.

У мамы просит денег
Сынок лет десяти:
— Подарок в день рожденья
Тебе преподнести.

Хоть мама, скажем прямо,
Растерянно слегка
Взглянула на сынка,
Дала полтинник мама
Ему из кошелька.

— Теперь, — сказал сыночек, —
Ты для такого дня
Купи себе что хочешь
В подарок от меня.

Но этих денег мало,
Прибавь себе сама.
Тут мама простонала:
— Нет, я сойду с ума!..

Не сразу доходит стихотворение до ребят. Учим текст, вникаем в смысл. Анализируем каждую фразу — и тут же синтез, чтобы не распался живой юмор на умозрительные построения, не затрагивающие душу. «Придумал старший самый…» А как придумал, как именно сообщил, что купит подарок на мамины деньги? С восторгом от собственной потрясающей сообразительности или с сомнением и некоторым чувством стыда?

И сразу тренинг.

— Представьте себе, что вы — это мама. Вы любите своих сыновей, делаете всё для того, чтобы жилось им счастливо. Вы устаёте на работе, но дети требует постоянной заботы: дома надо постирать, погладить, приготовить что-нибудь вкусненькое для сыновей, сшить им новые рубашки — да мало ли дел дома! И так изо дня в день. Но завтра ваш праздник — только раз в году! Вы надеетесь, что сыновья позаботятся о вас так же, как и вы о них. И вот старший… «позаботился».

Молчат. Думают. Переживают.

— Как бы вам это понравилось?

Реплики самые гневные.

Мы опять забрались в область трагедии. Страсти шекспировские — по накалу. Да и по теме — чем не «Король Лир»!

Высказались. Пора вернуться в наш жанр — комедию. Наверное, почти каждую тему можно разработать средствами любого жанра. Но очень важно, чтобы дети чувствовали за комедией драму. Смех может быть саркастический и горький, весёлый и сквозь слезы. Оттенков смеха очень много — в зависимости от того, что за ним. Только пустоты быть не должно, не хочу услышать глупый первобытный гогот.

Играют исполнители уже на новом уровне, на основе нового знания, новых переживаний. Хорошо, правдиво получается. Их игра вызывает у ребят иной смех, осмысленный: смех-жалость, смех-осуждение.

Существовала у нас с прежними моими учениками хорошая традиция: давать 8 Марта праздничное представление театра «Смешинка». В нём участвовали все ребята. Заранее рисовали эмблему на пригласительных билетах, вручали билеты мамам,

бабушкам, учителям, техничкам, медсестрам, поварам, — словом, женщинам, которым хотели выразить благодарность за их труд, заботу и любовь. После представления дети поздравляли всех женщин и преподносили им подарки, сделанные своими руками. Не буду уточнять, сколько времени требуется на подготовку такого праздника (попробуйте сами!), главное — дети в течение всего этого времени живут мыслями о других. Их заботы сосредоточены вокруг одного: как принести радость людям.

Девочек мы в этот день никогда не поздравляли, полагая, что, во-первых, это не международный день девочек, а во-вторых, праздник надо заслужить. Сначала стать хорошей дочерью, сестрой, матерью, труженицей, а потом уже праздновать. Авансы мы не раздавали.

Но в этом классе я столкнулась с неожиданными затруднениями. Все мои ученики, как выяснилось, очень любят своих мам и бабушек, страстно хотят их порадовать, поздравить с праздником и просто-таки мечтают что-то подарить. Они искренни в своих чувствах, они на все готовы для любимой мамы! Но, оказывается, любовь — это не словоизвержение, а такая тяжелая работа! И на пути к цели столько препятствий! А где работа, там нас нет…

«Я маму, конечно, люблю, хочу ее поздравить, но хорошо если бы мой подарок моей маме сделался как-то сам, что ли…» — такова позиция каждого второго в классе. Откуда она?.. Интересно, откладывала ли мама когда-нибудь все дела, чтобы сесть рядом с сыном или дочкой и помочь маленькому неумейке сделать подарок бабушке или воспитательнице детского сада? Нет? Ей некогда? Ей трудно научить? Ей легче купить подарок в магазине, чем показать ребенку, как можно его сотворить своими руками? Значит, она не понимает, что неблагодарность — бумеранг…

Накануне праздника в школах суета: внимательные мальчики собираются поздравлять девочек. Порой так захлопочутся, стараясь блеснуть перед одноклассницами, что и о мамах позабудут. А мамы и не обижаются — привыкли. Тем более у них свои заботы: они собирают деньги на подарок учительнице. Одни вносят рубль с раздражением (то ДОСААФ, то охрана природы, то спасение на водах, то эта школа!), другие — с облегчением (выразили признательность — и с плеч долой), третьи — от души. А учителя решают свои проблемы: как и от подарка отказаться, и родителей не обидеть. Не нужны учителю дорогие хрустальные вазы, ему нужна вещь бесценная — благодарность учеников, их добрая память. Память на добро. Но ведь этому тоже надо научить…

Учим мы ребят в школе чему угодно: и задачку заковыристую они решат (из учебника, не из жизни), и объяснят непосвященному, что там внутри у дождевого червя, и укажут, в чём ошибался Белинский и чего недопонимал Гоголь. Ищем, что бы ещё такое же необходимо в программу вставить. Благодарности не учим. Полагаем, что она сама вот-вот вырастет на поле, которое мы не засеяли. Сидим, ждём… И наивно удивляемся и обижаемся, увидев вдруг вместо долгожданных незабудок дремучие заросли чертополоха…

Но вот, преодолев своё «не могу» и «не хочу», ребята с моей помощью сделали подарки. Какой был радостный день! Улыбались мамы, гордо сияли дети. Праздник! А для меня в этом празднике — горечь.

Нет в зале Васиной мамы. Пришла бабушка, глаз не сводит с внука, а мамы нет. Она жива и здорова, но ей некогда заниматься детьми, выполнять какие-то там ещё обязанности. Она сына оставила бабушке, кроху дочку сдала в дом малютки, и всё — полная свобода и никаких забот. (Её, наверное, когда-то в школе поздравляли с 8 Марта одноклассники…) Такие раны у детей не заживают. Никогда.

Во втором ряду сидит мама Сережи П. Недавно ей вернули родительские права. Сына она забрала из детдома, но он искалечен непоправимо: тяжелая умственная отсталость. Он не может учиться, не способен контролировать себя, прогнозировать результаты своих действий. Поэтому я в постоянном напряжении: как бы чего не натворил — не со зла, нет, по неразумению.

Всякое у нас бывало… Перемена, надо готовиться к следующему уроку. Отвернулась к доске, выпустив Сережу из поля зрения, — вдруг тонкий отчаянный крик; от которого всё внутри похолодело. Женя Н. согнулся, схватившись за голову. Руки, голова в крови. Рядом Сережа с метром в руках. Он-то и ударил Женю концом тяжёлой металлической линейки по голове, причём не со зла, а «просто так». Но уж силы-то у него хватает. Тогда всё обошлось, рана оказалась неопасная. Но ведь Сережа не виноват, что родители ещё до появления сына на свет утопили его разум в водке.

Сейчас мальчик выступает вместе со всеми, поёт, как умеет, песню о маме «Самая хорошая», поздравляет свою мать, дарит ей поделку.

Тяжёлый день 8 Марта…

Живём дальше. Не готовим себя к жизни, а именно? живём. С оптимизмом смотрим в будущее. Тренируем чувства, развиваем их. Нет, не рекомендуемые много-мудрой методикой «чувство патриотизма», «чувство интернационализма», «чувство

коллективизма», а также «чувство глубокого уважения к людям труда». Честное слово, понятия не имею, как можно в детях безо всякого фундамента «строить» подобные высокие чувства, и умираю от зависти к составителям методических: пособий, которые с уверенностью, свободой и даже некоторой изящной небрежностью запросто оперируют этими понятиями, включая их в длинные перечни, смысл которых опять сводится к сакраментальному: ребёнка надо воспитывать, так, чтобы он получился воспитанным. Как жаль, что сидят они со своим богатым багажом знаний и умений в кабинетах, книжки пишут. А ведь скольких строителей коммунизма могли бы воспитать, следуя своим собственным рекомендациям! Но почему-то не идут работать в школу…

«Первоклассники прежде всего должны усвоить понятия о доброте, доброжелательности, отзывчивости, справедливости, научиться их различать». Как все просто! И зачем нужна диалектика с её законами, зачем психология с её категориями установки, мотивов, потребностей? А уж литература, мучительно размышляющая над вопросами добра и зла, справедливости, — и подавно, на все эти вопросы запросто дадут ответы теоретически подкованные первоклассники. И не важно, что между их правильными словами и поступками будет лежать пропасть.

Мы не можем позволить себе витать в предлагаемых нам эмпиреях. Нам бы решить свои земные проблемы, одна из которых по-прежнему — учиться движению, да и долго ещё учиться. Такая вот банальность, хотя 12 декабря я торжественно заявила:

— Сегодня у меня большой праздник. Сегодня, впервые со дня нашего знакомства, мне никто из вас не наступил на ногу. Этот факт надо расценивать как крупное достижение.

Дети смущенно заулыбались. А Алёша П. подошёл и тихо сказал:

— Знаете, я очень буду стараться хорошо себя вести.

Знаю, знаю, что все хотят, но многие не умеют. Научиться поможет театр. Он даст возможность остановиться на особенностях каждого движения, проанализировать его целесообразность и выразительность, отработать, отрепетировать. И главное — незаметно, радостно, без всякого нажима с моей стороны, а значит, и без сопротивления. Играя. Но это совсем не значит, что мы труд заменяем игрой, — нет! Трудимся мы в поте лица, но это труд, приносящий радость: не только результат, но и сам процесс. Начинаем с театра, но потом ребята научатся находить радость в любой работе: умственной, физической, духовной.

Кстати, я часто пишу слова дети, ребята. В классе я их не употребляю никогда. Не из каких-то педагогических соображений, а просто почему-то язык не поворачивается. Обращаюсь «товарищи», «граждане» или «гражданята», «товарищи сотрудники» или «господа» — в зависимости от их трудолюбия или лени в данный момент. В особых случаях могу и «вашим сиятельством» назвать, если вдруг вылезли у кого-то барские замашки.

Берём стихотворение Э. Успенского «Всё в порядке».

На сцене творится нечто невообразимое: безпорядок, вопли, толкотня, прыжки. Похоже, идёт сражение, поскольку слышны выкрики: «Пиу! Падай!» Правда, на войне не принято поражать противника путем бросания в него подушек.

Безобразия творят Вася, Денис и Серёжа. Именно творят, создают. Задача перед ними стоит грандиозная. Они должны непосредственно играть в войны, импровизируя реплики и движение на основе взаимодействия, и непременно забыть о зрителях. Но вместе с тем создать художественный образ, ни в коем случае не забывая о зрителях. Как же это надо себя контролировать, чтобы и играть, и критически следить за своей игрой! Да ещё и реплики Автора не прозевать. Вот он заговорил:

Мама приходит с работы,
Мама снимает боты,
Мама заходит в дом,
Мама глядит кругом.

При первых же словах Серёжка убегает. Ему-то хорошо: погостил ребенок — пора и домой. Сыновья мечутся по квартире, лихорадочно пытаясь навести порядок. Но Автор неумолимо продолжает… Всё кончено. Остаётся только замереть посреди комнаты по стойке «смирно», плечом к плечу и опустить головы как можно ниже. Входит мама.

— Был на квартиру налёт?

(Сыновья отвечали хором. Дальше оправдываются поодиночке.)

— Просто приходил Серёжка,
— Поиграли мы немножко.
— Значит, это не обвал?
— Нет.

— Слон у нас не танцевал?
— Нет.
— Очень рада. Оказалось,
Я напрасно волновалась.

Дети думают, что мы просто ставим интересную сценку, а мы-то отрабатываем точность реакции, произвольность движений, гибкость переключения. Пытаемся сочетать жёсткую заданность со свободой импровизации, а это фантазия и вдохновение. Словом, укладываем на ложку кучу горошков.

Эта самая импровизация сыграла с нами шутку год спустя. Вася, сказав: «Поиграли мы немножко», простодушно развёл руками, шмыгнул носом, грациозно утёр его рукавом и непередаваемым движением локтей и туловища подтянул штанишки. Ни один артист не смог бы проделать всю процедуру с такой непринуждённостью. Вася смог: он играл себя. Он сам такой: славный, наивный.

Народу было много. Принимали нас хорошо — смех не умолкал. А тут зрители буквально застонали. Наташа Л. — она играла маму — со смеху согнулась пополам, и ей пришлось оправдывать позу: делать вид, что она еще не доснимала свои боты до конца (т. е. она их давно уже сняла, но, так сказать, не полностью, частично). Героически взяв себя в руки, исполнители закончили выступление, поклонились, а за кулисами попадали от хохота.

(Брать себя в руки, владеть проявлением своих эмоций, сдерживаться — этому тоже учил театр. И учил находить выход из положения.)

Горячие аплодисменты заработали в тот день все ребята. Но с особым удовольствием зрители приветствовали Васю. Того самого, которого бросила мать…

Не могу понять, каким надо быть человеком (да и человеком ли!), чтобы бросить своего ребенка. У меня дома одна — своя, да здесь тридцать два — тоже своих. Это, конечно, многовато, лучше бы учить человек двадцать пять. На всё, что хотелось бы сделать, просто не хватает ни сил, ни времени, ни возможностей. Задумываюсь: а вот пришла бы какая комиссия (предположим, спустилась с неба на облаке) и предложила перевести от нас в другой класс пять человек… нет, троих… нет, кого-то одного. Интересно, кого бы я отдала? Самого «трудного»? (Есть такой «термин» в школе.) Но у меня все трудные, сложные, особенные, неповторимые. Обыкновенных нет, тем и интересны. А то, что они с таким трудом обретают себя, не вина их, а беда. Беда детей

восьмидесятых. Общество болеет — страдают в первую очередь дети.

Таня Г. Складывается впечатление, что внутри у неё какая-то злая пружина, которая и толкает ни в чём не повинную Таню на злые дела. Никто из нас ни разу не видел улыбки на её лице. Она довольно скалится, если кто-то упал и ушибся или ещё что нехорошее случилось. В столовую ходит одна, в пару ни с кем вставать не желает. В конфликтных ситуациях раньше кусала оппонента, но могла и плюнуть, если не в состоянии была дотянуться, чтобы укусить. Потом стала лягаться и царапаться. К концу года, исчерпав все средства общения, только ругалась и шипела. И ничегошеньки за год не изменилось к лучшему. Но я мыслю диалектически: накапливается положительное количество, значит, будет и качественный скачок — куда он денется! Надо работать и ждать. У меня такое ощущение, что все эти фортели — нечто внешнее, неглубокое, вроде коросты, от которой больше всех мучается сама Таня. И если коросту снять, под ней откроется вполне милая девочка. |Так потом и оказалось.)

Лена Д. Тихая, очень добросовестная, старательная, спокойная на вид, но внутри — какое-то постоянное напряжение, настороженность. Учится отлично. Ребята её любят и уважают. Казалось бы, все в порядке, но для меня Лена нисколько не легче других.|

Вырастили мы на подоконнике лук. Обсуждаем проблему: что делать с таким богатым урожаем?

— Домой унесём!

— Нет, лучше отдадим в столовую!

Бурный спор «на местах».

— Давайте проголосуем. Кто за то, чтобы унести домой?

Первой решительно подняла руку Лена. За ней ещё четверо. Остальные проголосовали за столовую.

— А что мы попросим сделать в столовой из нашего лука?

— Салат!

— Да, для всей школы!

Вот это размах, я понимаю! И задачка для поваров: как 30 луковицами накормить 2 тысячи человек?

— Нет, лучше в суп его!

Лена молчит, думает. Потом скромно предлагает:

— Мы его для учителей отдадим.

Это ж надо! Спрогнозировала, какой ответ, по её мнению, мне должен понравиться, и выдала его. Первое её предложение, домой унести, было искренним, второе — рассчитанным. Она сразу отказалась от своего мнения, увидев, что его почти никто не поддержал, а я ведь не выказала никакой эмоциональной оценки,

держала полный нейтралитет. Лена не только не стала спорить, но даже сделала иначе: «забежала вперед» и возглавила группу противников своей же собственной идеи. Вот где работы!

И ещё деталь. Самостоятельное задание. Варианты написаны на доске, но силачи решают по карточкам задачи потруднее. Их я не навязываю, напротив, дети сами просят дать им трудные задачи. Предлагаю карточку и Лене.

— Нет, мне не надо…. Я не знаю, как решать…

На задачу даже не взглянула. Тут уже читаются определенные мотивы: не хочет рисковать. Вариант на доске она решит наверняка и получит «5»…

Мама Лену очень любит: не заласкивает, а старается понять и помочь, направить развитие девочки. Лена — умная и чуткая, она мгновенно улавливает и усваивает всё, что происходит вокруг. Неужели Время, в котором пока царят карьеристы, приспособленцы и бездари, сомнёт ее, подчинит своим бесчеловечным правилам, и мы с мамой окажемся безсильны? Но сдаваться мы не собираемся.

Наташа Д. Умная, трудолюбивая, умелая. Но кокетства! То ноготки лаком покроет, то волосы распустит («Ленточку потеряла». А ленточка в кармане). Ну до учебы ли тут, когда рядом сидит прекрасный Алёша, решает какие-то там задачки и на свою соседку по парте не обращает ровным счётом никакого внимания, хотя волосы у неё распущены точно так же, как у журнальной красавицы, и взгляды она на него бросает, как в кино (Детям до шестнадцати…)!

В театр её, в театр — такая актриса пропадает! Да не просто в какую попало сценку, а в сценку «Забыл». И не одну, а вместе с Алешей. Наташа играет маму, Алеша — сына. Помните:

— Федя! Сбегай к тете Оле,
Принеси немного соли…

Отношение мамы, к растеряхе сыну совсем не то, что отношение Наташи к Алеше. Мама, уперев руки в бока, вовсю распекает недотёпу Федю. И Наташа перестает видеть в Алеше объект кокетства. Оба прекрасно, самозабвенно играют роли.

Но это только первый шаг. Будут еще срывы и обострения: «подруги» Наташи, к которым её тянет, как магнитом, учатся в V классе, они нагловатые, развязные (наша же школа их вырастила!), знают гораздо больше из взрослой жизни, чем нужно для девочек их возраста. Наташина мама целыми днями на работе: папа умер, и она одна растит двоих детей. Наташа на распутье, ей очень трудно: в классе одно, на улице другое — кого

слушать, за кем идти?..

Алёша Щ. Внутри у него моторчик, управлять которым Алёша совершенно не умеет. В начале года у него всё падало с парты. Сам он тоже падал, натыкался, спотыкался, сталкивался и прочими малопривлекательными средствами демонстрировал свою — не то что плохую — ужасную координацию движений и полное отсутствие всякого желания как-то её улучшить. Такой ребёнок в классе — не самый большой подарок для учителя… (Через два года это уже был один из уважаемых людей в классе: умный, справедливый, настойчивый, умелый. Он научился организовывать и себя, и других. «Мы с мамой, мы с бабушкой», — часто звучало в его речи.)

Как-то утром, перед началом занятий, Алёша подлетел с листком. На нём схема.

— Ура! Я придумал электрический автомобиль!

— Что ты говоришь?! Вот хорошо, наконец-то! Ну-ка покажи.

И мы оживленно обсуждаем его проект.

Он долго думал, рисовал и зачёркивал. Еле дождался утра, чтобы поделиться радостью.

— А то, знаете, эти автомобили так сильно воздух загрязняют! Скоро человеку нечем будет дышать. Надо же что-то делать…

И он принял посильное участие в решении экологической проблемы.

А на следующий день у Алёши опять радость: приехал папа. В гости…

Эльмира Т. Мать пьёт. Отца нет. Девочка часто оказывалась ночью на лестничной площадке, её забирали к себе соседи, так как добудиться в квартире никого не могли.

Что узнала эта девочка к семи годам? Но самое страшное — ребёнок всё, что видит вокруг, к чему привык с первых дней, считает нормой. И мы должны показать ей совершенно иные нормы жизни и отношений, открыть глаза на их привлекательность и полную несовместимость с теми, среди которых она выросла.

Эльмира охотно и радостно учит все сценки подряд, но выступать пока не может. Ничего, всему своё время, не будем торопиться.

Денис Ф. Огромные голубые глаза, до такой степени детски-невинные, что даже не верится, что Денис обыкновенный мальчик, а не ангел, спустившийся каким-то непостижимым образом с неба к нам в класс. И тем более не верится, что ангел этот может дёргать девочек За косы и — ах! — даже драться.

В раздевалке Денис идёт мимо вешалки, с которой упало чьё-

то пальто. Я стою в стороне, и меня он не (видит. Думаю, что у него сейчас два варианта поведения: первый — поднять и повесить, второй — пройти мимо. Какой вариант он выберет при условии, что его никто не видит? Над чем мне работать?

Считаю принципиально важным именно такой подход. Не подсказывать ребёнку — он и сам знает, как надо поступить, с нормами давно знаком, и тем более не заставлять — принуждение обязательно вызовет сопротивление. У него должна быть свобода выбора, а моё дело — изучать поведение, анализировать мотивы, делать для себя выводы.

(Бюрократическая педагогика брала факт и, мучительно наморщив узкий лобик, так и эдак вертела его, пытаясь всунуть с тесные рамки параграфа или инструкции. Факт не укладывался. Что с ним делать дальше, она не знала, посему отшвыривала прочь. И в дальнейшем не удостаивала вниманием бедный факт, наивно полагая, что он от этого перестанет существовать.)

Но пока я в сторонке философствую, Денис делает выбор, которого я и предположить не могла бы при всей фантазии. Он оглядывается и, удостоверившись, что его никто не видит, с каким-то даже злорадством вытирает ноги о чужое пальто.

Тут я бурно обнаруживаю свое присутствие, поскольку моя педагогическая и человеческая реакции полностью совпадают. Подробно останавливаться на них не буду, и так понятно. Денис поднимает на меня обезоруживающе ясный взор:

— Так это же не моё пальто…

Ну и артист!

Есть у детей такой приём педагогического воздействия на взрослых. Применяют они его чисто интуитивно и, как правило, достигают неплохих результатов: взрослый, всерьёз полагая, что воспитывает ребенка, сам незаметно оказывается под его влиянием. Так, по сценарию Дениса, я сейчас должна долго, назидательно и нудно втолковывать дитятке, что так делать нехорошо, некрасиво и неприлично. Что неважно, чьё пальто, и что не должен хорошо воспитанный мальчик вытирать об него свои грязные сапоги только потому, то оно чужое, Денис же будет внимательно и даже почтительно слушать и кивать головой, показывая тем самым, что он прямо на моих глазах меняется к лучшему. А маленькая пакость, которую он отлично сознаёт, сойдёт с рук. Она, эта пакость, просто утонет в море моих словоизлияний!

Прелестная роль мне отведена, ничего не скажешь…

Но я надежд не оправдываю, и Денис, тяжело вздохнув, идёт чистить пальто.

Нет, Дениса я бы тоже не отдала.

Серёжа Д. Это его искалечила мать, ещё не родив на свет. Но именно он первым подошёл мне помочь.

На каждой перемене к шкафу выстраивается очередь за перчаточными куклами — играть, общаться. И перед уроками тоже. Я открываю шкаф. Вдруг вперёд продирается Серёжа — его не пускают, требуют, чтобы он встал в очередь, — и протягивает руки.

— Серёжа, ребята правы, за куклой встань в очередь.

— Я нет… я это… книжки., туда, — и показывает на стол.

Перевожу: «Я хочу вам помочь перенести на стол книги и тетради».

Долго ждала я этого момента. Ждала, когда кто-нибудь из ребят по своей инициативе подойдёт помочь. Наконец-то! Первой ласточкой нового уровня, уровня понимания не только своих хотений, но и нужд другого человека, оказался Серёжа. Ребёнок, лишенный даже капли той заботы и любви, которой перекормлены мои «благополучные» дети.

Я выразила радость, поблагодарила Серёжу за внимание, похвалила его. Вокруг было много распахнутых настежь ушей и глаз, но я их не замечала. Обращалась только к Серёже, к нему одному. (Расставила акценты в спонтанной ситуации и «отвернулась» — пусть усваивают.)

Книги и тетради он торжественно и гордо переносил на стол, никому не доверяя столь ответственного дела, не обращая внимания на мольбы и просьбы поделиться таким счастьем — нести тетрадки. Вчера, позавчера и много дней до этого момента я переносила всё сама, и никто этого не замечал, тем более не почитал за счастье помочь. Сегодня положение в корне изменилось благодаря Серёже. Он повернул общественное мнение, направил ценностные ориентации в нужное русло.

Нет, никого не отдала бы, ни этих, ни других. Такие они разные, столько загадок и неожиданностей в каждом. А вот если бы добавили нам ещё человек пять… или семь… тоже интересных, неповторимых…

Домечталась! Пришли к нам новенькие — и всё начинай сначала! Оказалось, что говорим мы на разных языках и они нас просто не понимают. Путь к взаимопониманию оказался трудным и долгим. Но это было уже во II классе.

Общий язык у нас к концу года выработался. Это язык слова и жеста, позы, движения, мимики, взгляда. И юмора. Как же без него! (Думаю, то в скором времени методика развития чувства юмора у детей и методика применения приемов остроумия в обучении и воспитании займут достойное место в педагогике нового уровня — микропедагогике.)

Развить у ребят чувство юмора помог наш замечательный писатель Эдуард Николаевич Успенский. Его герои триумфально идут по свету. Найдётся ли сегодня человек, который не знает Гену и Чебурашку, дядю Федора и Матроскина! А вот автора почему-то многие не знают. Неужели и его мы сумеем оценить когда-нибудь, потом, в будущем?..

Мне надо было научить ребят понимать намёк, иронию и парадокс, видеть нелепость и абсурд, поскольку именно приёмы остроумия способны реализовать мои стратегические планы. По книге «Крокодил Гена и его друзья» я собиралась дать эталон межличностных отношений — да, ни больше, ни меньше! Но книги Э. Успенского есть далеко не в каждой библиотеке, достать их невозможно (слово «купить» попросту неуместно). И я, набравшись нахальства, написала письмо Эдуарду Николаевичу, в котором заявила, что в моей работе без его книг— никак! Честно говоря, на ответ и не рассчитывала. Но он пришёл: письмо и новая книга — «Школа клоунов».

Мы начали читать, и с первых же страниц книга ошеломила, захватила и покорила. В ней всё необычно. По содержанию это учебник, точнее, необходимое дополнение к нему. Здесь есть и математика, и русский язык, и правила дорожного движения, и правила вежливости, и… чего только нет! А главное — никакой назидательности. Очень своеобразная структура книги. В этом деле «соучастником» Э. Успенского стал фантазер и художник А. Семёнов. Я увидела в «Школе клоунов» прообраз учебника будущего.

Мы сразу поняли, что книга о нас. Мы не желали учиться читать, умываться по утрам, отрываться от телевизора ради уроков и вообще сознательно преодолевать какие-то трудности — ах, как похожи на нас герои книги — клоуны!

Дети учились понимать и ценить глубокий, умный юмор. А ведь юмор дело возрастное. Мы, взрослые, наслаждаемся парадоксами Бернарда Шоу: «Разумный человек приспосабливается к миру, а неразумный пытается приспособить мир для себя. Поэтому прогресс зависит от людей неразумных». Трёхлетний малыш хохочет над перевертышами: «Воробышек прискакал и коровой замычал: «Му-у-у!», а мы только плечами пожмём. Каждому своё. Так вот, юмор Э. Успенского уникален. Во-первых, он отличного качества, во-вторых, имеет точный адрес: младших школьников, а в-третьих, этот юмор «работает» в зоне ближайшего развития ребёнка, поднимает его на ступеньку выше.

Вот маленькое упражнение на ассоциирование по сходству.

«— На что похожа буква М?

— На сломанную скамеечку! — закричал Саня.

И все представили себе скамеечку, на которую привёл слон».

А это уже остроумная методическая подсказка для меня.

«— Звуки бывают гласные и согласные. Гласные можно петь… Она запела:

В лесу родилась А-А-А.

В лесу она У-У.

Зимой и летом Ы-Ы-Ы,

Зеленая О-О.

А согласные не поются. Это такие звуки, как П, М, Ш, Н. Попробуйте их пропеть.

Клоуны затянули…

В лесу родилась П-П-П.

В лесу она Н-И.

Зимой и летом Р-Р-Р.

Зелёная Ш-Ш.

Ничего-то у них не пелось, а всё время спотыкалось. «Как раз Ирина Вадимовна подъехала.

— Поёте? — спросила она.

— Поём.

— А что поёте?

— Разницу между гласными и согласными».

«Школу клоунов» мои ребята сразу поняли и приняли. Они не просто слушали, как я читаю (очень жаль, что не лежала книга на каждой парте). Приходилось что-то рисовать на доске, на листочках. Останавливаться, вникать, разбираться в том, что с налету не поняли. Писать и считать, внимательно смотреть и видеть, Сравнивать и удивляться. И думать, думать. Ничего — «в лоб», чтобы догадаться, надо голову поломать. Много смеялись, и это был прекрасный смех, смех как результат сложной работы ума и чувств, как радость постижения: я понял, я сообразил, я могу!

Книга закрыта. С лиц не сходят счастливые улыбки.

— Ну а теперь какую книгу будем читать?

— Эту же! Сначала!

Чутье у «рецензентов» безошибочное: книга — на вырост, и дети сразу это уловили. Мы обязательно к ней вернёмся, и не раз. Запас велик. Когда ещё ребята поймут, например, всю «прелесть» газетных экзерсисов корреспондента Жувачкина!

Тов. Дынин рассказывает корреспонденту:

«Я с детства любил наблюдать огонь. Потому и пошёл в пожарные. Тушка пожаров у нас постоянно растёт. Если раньше мы тушили пять пожаров в месяц, то теперь тушим десять».

«В вагон (метро) вошёл отлично сложенный юноша, ведя на поводке прекрасное гордое животное. Это была служебная коза».

Тов. Помидоров должен посещать курсы повышения завхозности, но по ошибке попал в школу клоунов.

«— Меня прислало руководство.

— Руководство ошиблось. Вам нужен соседний дом.

— Моё руководство не может ошибаться!»

Ну до чего жизненная ситуация! Сколько раз приходилось участвовать в таких диалогах и в ИУУ, и в отделах народного образования. Как-то в ИУУ пришёл текст для контрольного изложения. Там была опечатка, превратившая текст в полную бессмыслицу. Но ответственное лицо ИУУ категорически отказалось её исправить: «там» не могут ошибаться! Текст разослали по школам, дети покорно писали то, что слышали, даже не пытаясь докапываться до смысла: школа давно у них отбила от этого охоту.

Книга учила и научила творчеству.

Сочиняем сказку для кукольного театра. С месяц назад я между прочим подбросила им мысль: неплохо было бы придумать сказку о дне рождения бабушки. О том, как Жучка и Мышка готовили праздник, а хитрая Мурка присвоила лавры себе. И что из этого получилось. Сейчас проросло. Дети наперебой предлагают детали сюжета, разрабатывают диалоги. Обуял их творческий азарт. Уже всё сочинили и всё записали, но никак не могли разойтись по домам: распирало моих детей от идей и замыслов. Наташа Ч. предложила придумать сказку о том, как котёнок и щенок играли в догонялки: сначала котёнок догоняет, а щенок убегает, потом наоборот. Но Инна решительно забраковала:

— Это будет неинтересно.

— Почему ты так считаешь?

— Не знаю… Только Скучная сказка будет, вот увидите!

(А сколько книг для детей написано именно по такой схеме!)

Действительно, нет конфликта, борьбы, нет и напряжения, действия. Скучно… Режиссерское чутье? В I классе?

Ещё мы замахнулись на изобретательские задачи, которые публикует Г. Альтов на страницах «Пионерской правды». Чуть было не решили задачку про светофоры на одном энтузиазме, да знаний пока не хватило и ассоциативный аппарат недостаточно подвижный и гибкий. А подсказывать я не стала: пусть сами созреют.

Появился у нас и урок умных вопросов. Проводили мы его по мере накопления вопросов у детей. А вопросы задавали такие, что только держись! Институтского образования не хватит, чтобы ответить. Иногда мы могли обсудить вопрос и сообща найти ответ — сколько радости было! Но порой просила тайм-аут на

подготовку.

— Почему на той стороне Земли, которая внизу, дома, люди и всё остальное вниз не падает?

— Почему кажется, что Солнце или Луна всегда идут за тобой? Мы даже проверяли: расходились в разные стороны, а потом опять сходились.

— В часе 60 минут, в минуте 60 секунд, а почему в секунде ничего нет?

— Учёный — это человек, который всё знает. А разве можно всё-всё на свете знать?

— Люди построили заводы с трубами, так? Эти трубы дымят и воздух отравляют, так? Но ведь люди этим воздухом дышат! Получается, что они сами себя хотят отравить?!

Долго зрели умные вопросы в головах моих детей. Много времени прошло, пока они поняли: чтобы задать умный вопрос, надо потрудиться. Надо стать внимательным, наблюдательным. Не глазеть по сторонам, а учиться видеть, замечать противоречия. Не скользить по поверхности явления, а заглядывать вглубь. Этому же кристальному, умному взгляду учит программа Д. Кабалевского по музыке и программа Б. Неменского по изобразительному искусству.

На таких уроках ориентирую ребят на чтение научно-популярной литературы, учу самостоятельно добывать информацию.

Формируются ценностные ориентации: мы поощряем самостоятельное мышление, умные вопросы как результат наблюдений и раздумий и осуждаем и даже высмеиваем «тихое сидение». В этом тоже помогает театр.

Стихотворение Л. Фадеевой «Поведенье».

Я весь урок сидела без движенья
И получила «пять» за поведенье.
А кто сидел с движеньем — те «четыре»,
А те, кто дрались, тройки получили.
А Жене «два» поставили в дневник,
Хоть он у нас хороший ученик.
Но весь урок смеялся этот Женя
Над тем, как я сидела без движенья.

Тоже «слоёный пирог». Над чем дети смеются — понятно. А над чем мы, уважаемые коллеги?..

Учимся и культуре спора: ждать, не перебивая, пока дадут слово, внимательно выслушивать речь оппонента, отвечать доказательно и сдержанно, точно формулировать вопросы и ответы.

Такой урок — бальзам для моих бедных ушей, истерзанных совсем другими вопросами. Вспоминаю начало нашей совместной работы.

— Товарищи, сейчас мы выполним следующее задание. Прочитайте упражнение 17.

Далее подробно всё разъясняю. Повторяю для верности. Вроде всё.

— Вопросы есть?

И тут начинается!

— А какое упражнение делать?

— А его писать, да?

— А что, 17-е упражнение писать?

— А что, 17-е упражнение делать, да?

— А писать в тетради, да?

— А какое упражнение делать?

Скажите, пожалуйста, может ли человек ответить на эти вопросы десять раз подряд и при этом остаться в добром здравии?! Казалось бы, ничего особенного, просто дети не поняли. Но беда в том, что дети и не старались понять. И тогда мы разделили вопросы на умные и глупые. Ребята научились видеть грань между ними, сами высмеивали «задавателей» нелепых вопросов. Но предметом моей особой заботы было то, чтобы они, высмеивая отдельные негативные проявления друг у друга, никогда не переходили на личности.

Взаимоотношения в классе мы строили на уважении. Строили с большим трудом, так как жили не в вакууме окружающая среда не была инертной по отношению к нам. Много раз мы подвергались атакам, как спонтанным, так и организованным, с целью сломить, уничтожить. И мы обязаны были не просто устоять и выжить, но и бороться и побеждать.

На лестнице какой-то старшеклассник сбил с ног Алешу Щ., тот сильно ударился головой. А этот акселерат, с восторгом безнаказанности нахамив мне на ходу, помчался дальше.

В туалете рыдает девочка: одноклассники насыпали ей за шиворот опилки.

Старшие обижают малышей — так принято в школе. Их самих тоже били, когда они были маленькими и без-защитными, и теперь они продолжают традицию. Издевательства, унижения, воровство, дикость отношений — всё это считается в школе нормой. Но у моих малышей такие нормы, контрастные нашим,

рождали вопросы.

— Скажите, а пионеры и комсомольцы это ведь самые лучшие, правда?

— Конечно.

— Почему же тогда они нас всегда бьют?! Знаете, вот просто идут мимо по коридору и обязательно стукнут или собьют с ног. Так же нельзя!

Что мне ответить?..

Пришлось ввести в обиход новое определение: ненастоящий пионер. Ребята учились узнавать ненастоящих по поступкам, вырабатывали своё к ним отношение. И через театр тоже. На репетициях перед детьми чередой проходят персонажи — носители грубости, жадности, хитрости, нахальства и прочих проявлений безнравственности. У ребят есть бесценная возможность создать как бы черновик жизни: примерить на себя чужое поведение, побывать в шкуре другого человека, умом и душой оценить его позицию, сделать свой выбор на основании наших нравственных норм. Театр — своего рода тренажёр поведения. Здесь идут ежедневные репетиции жизни, моделируются поступки, меняются установки, формируется отношение к людям, к труду, к различным явлениям жизни.

В апреле выступаем на родительском лектории. Программа уже вполне приличная, 10 номеров. Заняты в них 14 человек — крепкое надёжное ядро. Оно втягивает в свою орбиту и остальных. Сейчас все ребята знают все роли, но выступать пока по разным причинам не готовы. Дозревают.

Перед самым началом концерта примчался Антон, весь взмыленный: мама увезла его в центр, а оттуда не могли выбраться — много народу на автобусной остановке, не сесть в автобус. Антон очень переживал, что подведёт нас и ребята его осудят.

— Что ты, Антон, мы же знаем, что ты не подведёшь!

Как же, как же! Я думала, что он по своему фантастическому легкомыслию и по причинам возрастным — ему недавно только 7 лет исполнилось, он в классе самый младший — носится по улицам, а про концерт и думать забыл.

Любопытная деталь: если дети объединены общим увлекательным делом — не игрой в дело, а именно делом, которое нужно другим людям, — у них очень рано появляется хорошее, крепкое чувство ответственности и подвести товарищей становится для них внутренне невозможным.

Вечер состоял из трех частей.

Первая — лекция для родителей по эстетическому воспитанию. Часто этот вопрос понимают очень узко: сходили 10

раз в кино, 2 раза в театр, посетили музей, порисовали, спели «датскую» (т. е. написанную к какой-то дате) песню — всё, можно ставить галочку, отметить выдающиеся достижения в области эстетического воспитания. Эстетика — наука не только о прекрасном, но и о безобразном тоже. Эти понятия диалектически неразделимы. А греческое aisthetikos означает «относящийся к чувственному восприятию». Воспитывать эстетически — это значит в первую очередь развивать чувства, чтобы по крайней мере было чем воспринимать это самое «прекрасное», и развивать не какие попало чувства, а только те, которые возвышают человека, а не разрушают его, как, скажем, зависть или злорадство.

Вторая часть — «резиновый» монтаж. Это такой вид педагогической работы в школе, когда выводят на сцену 10–15 нормальных, живых и неглупых ребят и представляют залу в качестве заводных игрушек, этаких усовершенствованных шарманок.

Делается это следующим образом. За неделю до выступления, а иногда и накануне учительница раздает самым звонкоголосым детям настриженные листочки «со словами». Как правило, слова смысла не имеют, чувства тоже, сляпаны наспех «к подходящему случаю» слегка зарифмованы, но тем не менее звучат громко и высокопарно. Примерно так:

1-й. Родине наш октябрятский…

Все. Привет!!!

1-й. Над всею землей…

Все. Пронесись!!! -

2-й, Во славу былых и грядущих…

Все. Побед!!!

2-й. Утренник, посвященный тридцатилетию организации наших дорогих шефов, стружечно-опилочной фабрики…

Все (на пределе возможного). Начнись!!!

Главное в столь торжественном мероприятии — космический масштаб. Октябрятский привет просто обязан пронестись непременно над всей страной, а может, планетой, а ещё лучше — долететь до Луны. Потом трогательные куколки в белых фартучках и с громадными, больше головы бантами так же звонко и бездумно выкрикивают слова о том, что они в ближайшем будущем собираются полететь в космос, освоить там парочку планет, а на Земле построить с десяток новых городов, ну, на худой конец, заводов с трубами. Все реки, сколько их есть, они повернут вспять. (И ведь повернут!..) И, таким образом, станут похожими на взрослых, с которых они, октябрята, без устали берут пример.

В своем плане воспитательной работы учитель с сознанием выполненного долга ставит галочку. В графе «Эстетическое воспитание». Поразмыслив, заодно и в графе «Патриотическое воспитание». А надо бы написать совсем другое: мы делаем вредное для общества дело, приучая ребят болтать и попусту трепать высокие слова, обозначающие дорогие для нас понятия. Мы не покладая рук учим их гнать показуху, развиваем словоблудие, неразборчивость, безвкусицу. С детства и, возможно, навсегда отвращаемся от поэзии. Здесь же один из приспособленчества и карьеризма: за выступление ведь ещё и похвалят, а как же! Такой молодец: говорил громко, и с «выражением», и ни разу не сбился. А того, кто запинался (на особо бредовых строчках), поругают. Вот и готовы «ценностные ориентации».

Третья часть — выступление нашего театра «Смешинка». Держались ребята образцово: сдержанно, с достоинством и уважением к зрителям. Играли радостно и старательно, показали, что первоклассники — это не заводные глупые куклы, а интересные, остроумные люди.

Две последние части были глубоко контрастными по содержанию. Это отметили и родители. После выступления забросали вопросами. Чаще всего звучало с обидой: «А почему наши дети не выступают?» У нас в параллели 6 классов. Вопрос я предвидела и хотела предупредить. Предлагала дать от каждого класса концертные номера. Н. И., выражая общее мнение, дала… нет, не номер, а резкий отпор моим происка м:

— Вы у нас человек новый и свои порядки тут но заводите. Вам поручили отвечать за концерт, вы и готовьте! И отвечайте.

(Ответ в лучших традициях школы.)

— Мы-то подготовим, и охотно, но что вы ответите родителям?

Так и получилось. И на вопросы родителей трудно было дать вразумительный ответ.

Неприязнь к нам, и ко мне и к детям, со стороны иных коллег усилилась (к счастью, не у всех. Нашлись и доброжелательно настроенные к нам люди).

В конце года окружающая среда пошла в наступление. Посетила нас представитель облоно. Правда, детей не застала, но отчёт потребовала. На всякий случай пригрозила закрыть эксперимент, но забыла при этом поинтересоваться, хотя бы из чисто женского любопытства, что же, собственно, она собралась закрывать. Может быть, работа у нее такая многотрудная — обходить город, узнавать, кто и где пытается работать по-новому, чтобы потом запрещать и закрывать?

Через день пригласили в облоно, предложили принести все материалы эксперимента. За столом — М. С. Мы с ней поиграли в настольный футбол. Это такая забавная (для начальника — хозяина поля) бюрократическая игра.

Я двигаю папку М. С. Она, не заглядывая в материалы, — мне. И при этом еще и сетует:

— Затеяли вы свой эксперимент, а нам теперь отчитываться. Почему не спросили у нас разрешения?

— А вы бы разрешили? — двигаю ей папку.

— Нет, конечно! — пылко отвечает она, ловким движением избавляясь от папки. И решительно добавляет!

— Эксперимент мы закроем!

— На каком основании? — делаю попытку двинуть папку на её половину, но безуспешно: она начеку.

— На очень простом. С нас спросят, а как мы отчитаемся?

— Ну это же совсем просто: приходите в класс, изучайте, наблюдайте, делайте выводы — вот и отчитаетесь.

Она, язвительно:

— У нас, знаете ли, есть более важные дела, чем ваш эксперимент.

— Но тогда хоть познакомьтесь с материалами, — пробую (увы, безнадежно) заинтересовать её делом.

Она самым решительным образом пресекает мою попытку:

— А что это даст? Мы же детей-то не видели!

— Так приходите, посмотрите!

— Нам что, по-вашему, делать нечего?

Гранитная логика.

Закончился учебный год. Я была уверена, что каторжный труд позади, что впереди светлое будущее: работа во II классе и отдых в III. Отдых — это когда создан, живёт, хорошеет и крепнет коллектив, когда любая работа выполняется слаженно и весело. Каторга I класса — это когда нет коллектива, нет общих целей, нормального человеческого общения, а вместо этого сумма капризов и прихотей, помноженная на неумение, незнание, непонимание и нежелание.

Но я ошиблась. Да, коллектив был создан, он рос и креп. Мою работу поддержали и одобрили в лаборатории театра НИИ художественного воспитания АПН СССР. С Александрой Петровной Ершовой, моим научным руководителем, мы запланировали продолжение эксперимента, насколько можно планировать шаги человека, идущего неизвестным путем к светлой цели. В меня верили, и это придавало сил. Тем не менее впереди нас ждали серьёзные испытания: крутые повороты, неожиданные удары. И если в той школе доставалось только мне,

то здесь бюрократическая педагогика всей мощью обрушилась на нас — на детей тоже.

Изменился мой стратегический план. Главным в нём стало не только воспитание гармонической личности, а то направление, в котором эта личность идёт, т. е. за что, против чего и с чем борется, какими методами борьбы владеет, обладает ли необходимой гибкостью и стойкостью, умеет ли переносить поражения, собираться с силами и снова и снова идти в бой — до победы.

Главные сражения были впереди.

II класс

В начале II класса к нам прибыло пополнение, и в результате всех перестановок коллектив обновился на одну треть.

Новенькие в коллективе — это целая проблема. У них свои, не известные нам стереотипы поведения, свои представлении, своя позиция. С их приходом меняется структура коллектива, взвихряются привычные отношения, возникают напряжения. От меня требуется «привести всех к общему знаменателю» — так я называю долгую и непростую процедуру их вхождения в коллектив. И ещё выявлять и развивать индивидуальность каждого из новеньких.

С чем они к нам пришли?

Витя Ч. Растёт без отца. Данное обстоятельство я выяснила в первую очередь, так как дети из так называемых неполных семей, как правило, растут травмированными, с различными перекосами натуры. Притом сам ребенок чаще всего не осознает причин своей боли. Порой и острой боли не чувствует — она загнана внутрь и незаметно делает свое чёрное дело. Витя — мальчик флегматичный, неуклюжий, с некоторыми странностями в поведении. Чувствуется крепкий характер. С мамой они большие друзья.

Сережа О. Оставлен на второй год, наблюдается у психиатра. Тормоза отсутствуют. Схема его поведения: импульс — немедленное действие — неприятность — обдумывание — раскаяние (самое искреннее!) — и всё сначала. Как бы это мне поменять местами звенья цепи? Интеллект-то у ребенка в норме, не в норме эмоциональная и волевая сферы.

Лена О. Тонкая и лёгкая, с синими глазищами в пол-лица. Они смотрят на мир ангельски-кротко, но, когда в нём что-то происходит не так, как захотела Лена, эти глаза начинают метать молнии. Елена вошла в нашу жизнь со страшным грохотом, принесла с собой целый чемодан капризов, прихотей, дурных привычек и позицию пупа Земли. В семье она занимала место красна солнышка, вокруг которого послушно вертелись по своим орбитам остальные члены семьи. Папа полагал, что держит дочь в строгости. Вот, например, когда она в чем-то провинится, он ей не разрешает вечером вместе со всеми смотреть телевизор, а если она настаивает — выключает его, а если Елена включит — вытаскивает предохранитель и надежно прячет.

Н-да…

Света. Какая-то оцепеневшая, рыхлая и внешне, и внутренне. Основные ее занятия — жевать и дремать. Толком ничего не

умеет: ни писать, ни читать, ни считать. О решении задач, о каком-то думании я и не говорю. И если у Елены есть на что опереться — у неё ого-го какой характер! — то здесь даже не представляю, за что ухватиться: вместо характера какой-то кисель. В ушах серьги (немаловажная деталь). Растёт без отца.

С Еленой они подруги: та любит повелевать, эта подчиняться.

Приходим в столовую. Елена, поковыряв ложкой манную кашу, изображает на лице крайнюю степень отвращения и во всеуслышание заявляет:

— Фу, какая гадость! Что это ещё за каша! Детей хотят отравить!

Света с радостью вторит своему кумиру:

— Да, какая гадость!

Ребята с недоумением смотрят на них. У нас принято уважительное отношение к еде. Если у кого-то нет аппетита, может, дома хорошо позавтракал, он часть порции или даже всю отдаёт товарищу: некоторые дети охотно съедают добавку. Елена нарушила наше правило: «Не хочешь — не ешь, но портить аппетит другим людям ты не имеешь права».

Дома моя дочь ещё в пятилетием возрасте раз и навсегда избавилась от кривлянья за столом. До этого у нас не было никаких проблем с едой: пища простая и здоровая, без излишеств — у ребенка хороший аппетит. А тут она с брезгливой миной (явно кого-то копируя) отодвинула борщ, воткнула вилку в котлету и потянулась за компотом. В ответ на моё недоумение пояснила, что борщ она есть не желает, гарнир ей противен, котлетку, так и быть, съест, а к компоту надо бы выдать ей пирожное, оставленное на ужин. Я молча сняла её со стула и отправила из кухни.

— А компот?!

— Ты сказала, что есть не хочешь.

— Почему? Я хочу… пирожное… и котлету… — дочь не оставляла попытки утвердить своё меню.

— Правда? — удивилась я. — Хорошо, но только сначала я составлю план твоего кормления. Надо будет туда включить мороженое, мармелад, зефир, конфеты, шоколад — знаешь, очень уж хочется тебе угодить! Так что ты пока так погуляй, голодная, а через недельку приходи.

— Ну и ладно! — фыркнула она. (Характер-то надо показать, хоть и не права.)

Правда, через полчаса пришла извиняться: она умела взглянуть на себя со стороны с насмешкой, а значит, подняться над ситуацией. И потом, как известно, мама уговаривать не будет, да ещё меню собирается неделю составлять… За ужином дочь

продемонстрировала отменный аппетит и образцовое поведение за столом.

И здесь я охотно отправила бы Елену из столовой и попросила бы и дома не кормить её до ужина. Но ведь меня могут обвинить в страшных грехах: ребенка решила голодом уморить! Хотя я считаю, что недоесть и даже немножко поголодать гораздо полезнее, чем регулярно объедаться или нормальную пищу заменять конфетами или жвачкой… И Елена ест очень плохо только потому, что её кормят очень хорошо.

Дима Л. Маленький, тихий, со старческим личиком. Давно, с I класса, курит. Знания на нуле. В первом диктанте среди немыслимого количества ошибок сделал и такую: «ВиСна».

— Дима, почему ты большую букву написал в середине слова?

— А что, надо маленькую, да? Сейчас исправлю!

Нам пока не до безударных гласных…

Женя М. Высокий, сильный. Мимики никакой. Все жизненные проблемы привык решать с помощью кулака, На уроках донимает разговорами соседа по парте, хотя для меня полная загадка: что же он может сказать? Не улыбается.

Гоша. Вот с кем хлопот будет! «Держать» надо несколько лет. Сколько — не знаю. Но если отпустить после III класса — пропадёт. Правильные черты лица. Вялый, лживо-изворотливый характер. Полное отсутствие какого-либо стержня. Мальчик сообразительный, но к учебе уже выработано небрежно-наплевательское отношение Отчим заменил мальчику отца, уделяет ему много внимания, пытается изменить к лучшему, но, мать защищает его от любых положительных воздействий, оправдывает во всем.

Гоша без конца опаздывает, что у нас тоже не принято. Причины предъявляет — заслушаешься. Явился ко второму уроку: «Удаляли зуб». И сразу отправился с нами в столовую.

— А тебе есть-то можно?

— Да.

— Ну-ка, покажи, где тебе зуб удалили.

Он открыл рот и продемонстрировал совершенно гладкую десну. Зуб там если и был, то давно.

Назавтра снова опоздание, но причина уже другая:

— Я пришёл вовремя, а ворота были закрыты…

И опять одаривает ясным детским взглядом. (Дежурные закрывают ворота, когда все звонки прозвенели, все опоздавшие опоздали и некого больше ждать.)

Все «уважительные» причины излагает достойно и серьёзно, честно глядя прямо в глаза. Натренировался.

Надо добавить, что большинство новеньких — из расформированного класса: учительница пила. Говорят, что когда-то она учила ребят очень хорошо.

Это ещё не все новенькие…

Здесь, мне кажется, многие ахнут: «Пишет о детях, но она же не любит детей!» Правильно. Нет у меня любви. Более того, не верю людям, которые заявляют, что любят, например, классическую музыку — всю! — или детей — всех! Любить детей и любить с ними сюсюкать — это совсем разные вещи. Мне этих детей просто жалко. Сижу и злюсь на наш взрослый мир: до какого состояния довели человеческих детёнышей! До безобразного! А смириться с безобразиями я не могу. Злюсь и работаю. И всё. И когда трудно, с болью сходит короста и под ней показывается симпатичная личность — маленький человечек во всей красе — ох, как я люблю всё красивое, особенно человека!

Принесли с собой новенькие новые проблемы. Нам бы со старыми разобраться! Одна из таких проблем — Таня Г. Та самая, от которой мы ждём качественного диалектического скачка. Но она никуда не собирается скакать, напрочь опровергая всякую там диалектику своим вызывающим поведением. На уроках куролесит и вроде вообще не слушает, но иногда поднимает руку и правильно отвечает. Значит, на уроке всё же присутствует. Но стоит сказать ей, что плохо написано в тетради, — начинает писать ещё хуже, хотя, казалось бы хуже некуда. В каждой букве ясно читается отношение: «Вот вам, получайте!» Всё делает наоборот, да не просто так, а старательно. Мне кажется, что она ждёт взрыва, скандала, шума-гама. Но скандала нет, и Татьяна крайне недовольна моим поведением, хотя я, как самая прилежная ученица, крепко усвоила урок, который она мне дала. И теперь я никогда не хвалю за просто так, для поддержки духа бедных малюток. Только за дело, за действительный, хоть и маленький, успех. Иначе получается игра в поддавашки, она унижает и ребенка, и взрослого. (Как уничтожающе посмотрела на меня Таня год назад, когда я пыталась похвалить ее за одну букву, написанную менее кошмарно, чем все остальные, как презрительно проволокла тетрадь по моему столу и дальше — чуть ли не по полу — к своей парте! Как она потом калякала!) Кто кого в школе учит — это ещё вопрос. Порой долго приходится ждать успеха, но заслуженная похвала дороже, — чем свалившаяся ни за что.

На уроках изо Таня малюет что-то немыслимое, причём крайне небрежно: «Получите и отвяжитесь!» И только в середине октября я впервые увидела две приличные работы. Хорош эскиз спортивной сумки: желто-сиреневая, красивой формы. Но

наляпано много, и я предложила переделать. Таня сразу согласилась — впервые! Другая работа — обои для спальни. Вижу, что старалась. Но, наверное, в подборе цветов, как и в почерке, в походке, проявляются черты характера? По зелено-лазурному полю — кроваво-красные цветы и зигзаги. Каким-то непостижимым образом всё это умудряется гармонировать, но в такой спальне не спать, а только вешаться, поглядев на обои.

— Таня, я бы не решилась ночевать в такой спальне: всю ночь будут сниться кошмары! Но тем не менее видно, что ты старалась. Думаю, что скоро начнёт получаться.

Она выслушала молча и непроницаемо, как всегда, и отошла. Но после уроков в школу прибегает папа и Сообщает:

— Пришла дочь из школы и велела срочно идти в класс прибивать на окно уличный термометр.

— ???.

А рядом стоит Татьяна и довольно скалится (улыбаться она пока не умеет). Вспоминаю, что неделю назад она подошла и спросила, нужен ли нам термометр. Я ответила; что не нужен, и забыла об этом разговоре. И вот сегодня вдруг такой реверанс. (Произошел, наконец, сдвиг «коросты»?) Но самое интересное было в театре, на репетиции.

Занимаемся мы в этом году в «подвесную» смену: с 12 до 15.30, существуем в подвешенном состоянии. День разбит так, что посещать кружки невозможно ни до уроков, ни после. Время — самое непродуктивное для занятий: когда все нормальные дети обедают, нас кормят завтраком. Перемены наши по 5 минут. Кабинет занят и до нас, и после нас, а уборка — во время урока. Поместить класс, в котором идёт театральный эксперимент, в такие невыносимые условия — это «перекрыть кислород». Наш «кислород» — свободное место и время. Теперь у нас нет ни того, ни другого: администрация знает, что делает, видимо, ставит свой «эксперимент». На нас. Выживет ли театр в таких условиях?

Но работу мы всё-таки продолжали — по требованию народа Эти жёсткие условия учили нас ценить каждую минуту, использовать её с толком, находить выход из безвыходного, казалось бы, положения. Они, как потом Показалось, нас укрепили, сделали более жизнеспособными.

Искала я что-нибудь подходящее для моей Татьяны и наконец нашла. Мы соединили стихотворения А. Шибаева и А. Барто и добавили отсебятинки. Получилось то, что нужно для Тани.

На сцене столик и два стула. Мальчики зубрят уроки.

— Дуд-ду, ду-ду, ду-ду, ду, — глядя в учебник.

— Дуд-ду, ду-ду, ду-ду, ду, — повторяют, уперев взгляд в потолок.

Продолжают в том же духе.

Младшая сестра одного из них, Лида (Таня Г.), выходит и, маясь от безделья, начинает приставать к труженикам. Ерошит волосы гостя (Алеша П.).

— Отстань!

— Не! — вредным голосом.

Толкает в бок брата (Витя Ч.).

— Отойди!

— Не!

Поразмыслив, идёт к гостю и дергает его за уши.

— Да уйди же ты!!

Брат, резко захлопнув учебник, встаёт.

— Из-за маленькой сестрицы
я не выучил частицы.
Мне запомнилась вполне
лишь одна частица «не».

В это время за спиной брата Лида, развернув стул, влезает на него и, кривляясь, строит брату рожки. Тот, не заметив её проделки, садится мимо стула. Лида в восторге. Она приплясывает на стуле, тычет в брата пальцем и злорадно приговаривает:

— Так тебе и надо! Так тебе и надо!

Брат (сердито). Замолчи!

Лида (кривляясь). Не замолчу!

Брат (приказывая). Слезь со стула!

Лида (упрямо). Не хочу!

Брат (заботливо). Упадёшь…

Лида (перебивает). Не упаду!

Но со стула слезает, подбегает к гостю и пытается закрыть его учебник.

Гость (выходит из себя). Отойди!!

Лида (отбегает к брату). Не отойду!

Брат (приобняв ее за плечи, другу).

Я свою сестренку Лиду
Никому не дам в обиду.
Мы живём с ней очёнь дружно,
Очень я её люблю.

Лида, чувствуя рядом защитника, продолжает куролесить: корчит рожи, показывает гостю язык. Тот ей — кулак. Брат, видя

это, продолжает с насмешливой угрозой:

Ну а если будет нужно,
Я и сам её побью.

Лида, охнув, убегает.

Таня моментально выучила текст роли и вошла в предлагаемые обстоятельства так быстро и ловко, как будто находилась в них испокон веку. Она сразу поняла, что от неё требуется, и сыграла свободно и раскованно, добавляя свои весьма удачные импровизации — благо есть откуда черпать материал для них,

Обсудили ситуацию, осудили Лиду и расхвалили Таню: она прекрасно сыграла роль, замечательно импровизировала и прямо-таки здорово высмеяла эту ужасно вредную девчонку с её фокусами! Такая у нас Таня молодец! И тут мы впервые увидели, как Таня засмеялась — открыто и весело.

Потом было всякое. Одним пинком она разрушала всё, что мы с ней строили долго и мучительно. Плакала на мамином плече, тихо жалуясь:

— У меня несчастливое детство: со мной никто не хочет играть.

Строили отношения снова и снова. И через год Таня порадовала нас чудной фразой, выразившей прелестное состояние души. Во время урока в класс заглянули мальчишки-подростки (они часто шатались по школе во время уроков, курили в туалетах, маялись бездельем), покривлялись, прокричали что-то невнятное и захлопнули дверь. В классе повисло тяжёлое молчание: нас выбили из работы, а насильственное прерывание интересной работы нас очень расстраивало. И тут Таня возмущенно и искренне сказала:

— Какие неинтеллигентные!

Мы дружно засмеялись. На душе вдруг стало легко: это сказала не та Таня, которая… Так подумать и сказать могла только НАША Таня!

Занимались мы в библиотечной кладовке, где лётом хранятся все учебники, в двух её углах. В одном учили частицу не, а в другом Инна М., Наташа Л., Слава Б. и Антон Г. сами ставили стихотворение Э. Успенского «Разноцветная семейка». К них присоединился и Дима Л., новенький. Он очень старался, но потом подошёл и признался мне, что «не тянет». (Курение даром не проходит. Этот ребенок к 8 годам потерял половину здоровья, данного природой.)

В начале года все новенькие «не тянули» на уроках, не

успевали за «старичками», хотя и среди «старичков» были любители подремать, да и темп уроков я задавала средний, неторопливый. Но постепенно они втянулись, перестали зевать и тратить время попусту.

Дима ушёл с репетиции, почувствовав, что не справляется. Моё поражение. Не в том, что ущёл Дима, а в том, что мы загнаны в эту кладовку. Ещё спасибо библиотекарше, что она нас сюда пускала! Ведь главное в нашем театре — это то, что учат все вместе. Каждый в меру своей активности, способностей, желания, хотя желания и у ребят — хоть отбавляй! А тут мы учим в закутке двумя маленькими группками. Такая работа, можно сказать, не имеет смысла. Смысл-то в том, что создаётся этакий театральный бульон, в котором варятся все ребята. Одни впитывают, перерабатывают и усваивают в кратчайший срок (более подготовленные), другим требуется больше времени (кто пока еще не созрел). Но в конце концов до нужной кондиции дойдёт каждый — это проверено. Я никого не тороплю, не подгоняю, не форсирую события: рост и созревание требуют бережного отношения.

Театр продолжал жить и работать, хотя заботливая администрация создала нам полное отсутствие всяких условий. Но, как известно, голь на выдумки хитра.

Сначала я читала новую сценку, а дети брали мою интонацию, потом же, когда голос у детей стал достаточно модулированным, когда появилась база, запас разных интонаций и было из чего выбирать, я читала крайне монотонно. И предлагала детям самим интонировать текст по смыслу. На таких занятиях мы и учились вникать в тончайшие оттенки, слушать интонацию и переводить её, расшифровывать.

Вот простое «да». А какое разнообразие эмоций и чувств! «Да» грустное, «да» нерешительное, «да» ехидное, «да» — вопль души, и так далее. Или обыкновенная запятая, та самая, которую так часто пропускают и в тетради, и при чтении, — подумаешь, важность какая! Может, забыл или не заметил!

Понять подобные тонкости помогла очень интересная книга Х. Мякеля «Господин Ау» (сокращенный пересказ Э. Успенского).

Господин Ау нашёл в чулане какие-то семена. В мешочке лежала записка: «Поливать супом нельзя поливать водой. Будит беда». Дядюшка Ау все понял неправильно. Он посадил семечко и стал регулярно поливать его супом. Выросло супное растение, весьма нахальное, которое сначала питалось дефицитными продуктами, а потом чуть было не съело своего кормильца дядюшку Ау. И всё потому, что дедушка, написавший записку, забыл поставить запятую, поскольку «не был маяком разума. И

лучом света в лесном царстве он не являлся».

Привыкали ребята слушать речь вдумчиво, вариативно, т. е. творчески перерабатывать информацию, заключённую и в лексике, и в интонации. А они ведь могут друг другу противоречить. И тогда появляется интонационный подтекст.

Жить нам стало намного легче: иметь дело с мыслящими людьми чрезвычайно приятно! Высвободилось время, которое я раньше тратила на так называемые оргмоменты. Для того чтобы призвать к порядку Пашу, достаточно взгляда — иронично-удивленного. Он умеет читать и переводить такие вещи. И делать выводы — тоже. Чтобы вернуть из заоблачный высот воспарившую Эльмиру, достаточно сделать паузу — не простую, многозначительную.

С новенькими гораздо сложнее. «Старички» ведь тренируются (ежедневно!) в понимании всяких нюансов уже второй год, а новички привыкли к сильным раздражителям, да не каким-то там- заковыристым, а прямым и крепким. Как палка.

Скачет за партой Серёжа О. Он бы и рад сидеть нормально, да водит ребенка непонятная сила: то вертит во все стороны, то под парту запихнёт, то голову ему развернет на немыслимое количество градусов. Он знает, как надо вести себя на уроках. Теоретически подкован. Но пока ещё не дорос до понимания того, что есть настоящий учебный труд. Серёжа со страхом — хроническим, застарелым — ждёт моего прямого педагогического воздействия, точнее, возмездия, которое, по его понятиям, выглядит примерно так: «А ну встань! Я кому сказала?! Давай дневник!» И так далее. Но я почему-то молчу (наверное, ничего не замечаю), значит, можно вертеться. Глядя на него, выпадают из работы ещё несколько человек: выпасть легче, чем преодолевать сопротивление задачи, а мои гражданята пока ещё предпочитают путь наименьшего сопротивления.

Рявкнула. Сережа моментально преобразился: вместо нарушителя порядка мы видим образцово-показательного мальчика!

— О, какой эффект! Наш Сережа, оказывается, хорошо реагирует на рявканье! Как видишь, я могу, но никогда этого не делаю. С людьми я разговариваю по-человечески, уважительно. И меня понимают. Правда? — обращаюсь за поддержкой к «старичкам».

В ответ дружное «да!».

— Вот видите, теперь к нам пришёл Серёжа и решил меня перевоспитать. Подумал: «почему это С.Л. всегда говорит тихо да спокойно, вежливо да деликатно? Аж слушать противно! Нет чтобы прикрикнуть на меня, Серёжу, да погромче. А потом ногой

топнуть, да кулаком об стол, нет, лучше сразу по спине! Вот это урок, я понимаю! Тогда и учиться приятно».

В классе хохот, а я продолжаю атаковать безделье. Подхожу к Жене М., забираю машинку, которую он увлеченно катал по сиденью в то время, когда весь класс увлечённо решал задачи. Он сжался, ожидая неминуемой кары за такое потрясение основ школьного Устава (Женя уверен, что нарушать-то его, конечно, можно и даже нужно, но так, чтобы учительница не видела. Вкуса к настоящей работе у него ещё нет).

Молча иду с машинкой к своему столу, молча ставлю её на стол и тоскливо начинаю катать её и занудливо бибикать. Позволяю себе эксцентрику, потому что задача решена, ребята заканчивают её оформление. Им можно передохнуть, отключиться, пока я делаю прививку. Мои труженики вовсю резвятся. Робко улыбаются даже выдавшие из работы товарищи, хотя и ожидают ещё грома и молнии на свои провинившиеся головы. А я смотрю серьёзно и удивлённо.

— Ну и что тут смешного? Надоели мне ваши уроки — работай да работай! Тоска! Вы учитесь там… как-нибудь… сами. А я машинкой поиграю… в-ж-ж-ж… би-би-и-и-и…

Ребята весело протестуют:

— Нет уж, С. Л., давайте лучше займёмся делом!

— Да ну, вот ещё — дело какое-то придумали. С вами неинтересно. Вот с Женей — другое дело: он девять лет будет под партой машинку катать. И вырастет такой… такой… ну прямо не знаю какой: у-умненький, образо-ованненький…

В классе смех, идёт оживлённое комментирование идеи ничегонеделанья. Женя смущён, чувствует себя крайне неуютно: вроде и не ругают, наоборот, как бы хвалят, но до чего глупое положение!

Не раз и не два ещё повторю подобные прививки в разных формах, пока новенькие не почувствуют, что умственный труд — самый тяжёлый, но зато и самый радостный, пока не поймут, что он требует к себе огромного уважения и полной тишины.

Если бы это еще понимала администрация! Но — увы… Во время урока в класс может войти кто угодно и а) проверить, промаркированы ли парты (директриса почему-то убеждена, что промаркировать парты — это значит поставить на них номер кабинета, в котором они стоят);

б) выяснить, сколько учащихся отсутствует;

в) сообщить, что после третьего урока совещание в учительской;

г) велеть всем срочно идти на прививку;

…….

я) выявить тех учащихся, у которых не обёрнуты учебники.

Много раз я закрывала дверь перед уважаемыми комиссиями, заработала печальную славу человека с несносным характером, но отрывать нас от работы — не скажу прекратили — стали намного реже. Самое печальное — они никак не могли взять в толк: из-за чего это я, собственно?..

На уроках не устаю расхваливать тех, кто думает, ищет, задаёт умные вопросы, храбро преодолевает и внешние трудности, и своё неумение, свою лень. Эстетическая оценка тесно переплетена с нравственной, неотделима от неё.

— Какое красивое лицо у думающего человека! Как прекрасны умные глаза! Всякий труженик, мастер своего дела, вызывает у меня глубокое чувство уважения, даже почтения.

Эти слова уже можно отнести к доброй трети класса. «Силачей» я посадила на 3-й ряд, «серединка» занимает середину, а на 1-м ряду самые рыхлые детки, за которыми нужен глаз да глаз. Между 1-м и 3-м рядом громадная дистанция: «силачи» уже самостоятельно изучают новую тему, к которой мы, правда, давно готовимся, решают заковыристые задачки и горы примеров. Они трудятся увлечённо, они цепкие и активные, да ещё и индуцируют друг друга. Эти же шагу без меня ступить не могут: стоит мне переключить внимание на другой ряд, они сразу «разбредаются» кто куда и — под кусток, на бочок. Для них пока умственный труд принудителен.

Такое деление на данном этапе совершенно необходимо: выучить всех, т. е. 37 человек, в наших условиях я не могу. После уроков мы никогда уроками не занимаемся — из принципиальных соображений: считаю это вредным и для ребят, и для учителя. И на второй год не оставляю: мне дали нормального ребенка, — значит, я должна его научить.

Вот ведь положение: научить невозможно, и не научить нельзя! Потому и выращиваю на третьей «грядке» помощников: без них — никак, пропаду, не справлюсь. И они об этом знают.

Много раз слышала мнение: надо вводить раздельное обучение для сильных и слабых детей, так как при совместном учатся только средние, сильные теряют интерес к учебе, слабые отстают, потому что не успевают усваивать.

Но у С.Н. Лысенковой учатся все! Многому и я у неё научилась, а потом решила поискать свои пути.

Когда помощники мои закалились и окрепли в бурных спорах и тихих обсуждениях, я спросила:

— Кто из вас хотел бы помочь товарищам, тем, кому учиться пока трудно?

Нет, они не просто хотели, они дружно бросились помогать!

Ребята эти накопили достаточно сил и знаний, и потребность образовалась — помочь, поделиться, сделать добро. Так они и сидели потом до конца года, «вели» товарищей при помощи диалога, системы наводящих вопросов. И со временем одинаково высоко стали цениться обе позиции: «Давай помогу» и «Спасибо, я сам». Почётно и прийти на помощь, и справиться своими силами.

Но это всё потом. А пока третья «грядка» не умеет владеть собой. Решил задачу Серёжа Щ. и сразу полез к соседям в тетрадки: интересно, а они решили? Нет, сидят, пыхтят. Ого-го! Серёжа стремительно вырастает в собственных глазах, становится великим, могучим и недосягаемым —

|досягаемым — ну по крайней мере в математике! А на прочь лишённые какой бы то ни было чуткости соседи не обращают никакого внимания, ковыряются в своих задачах, а там и делать-то нечего — для умного мальчика!

А потом и Егор справился — и те же заботы его одолевают. Всё, никакой работы. Зашебуршили, заговорили всё громче и громче. Ни на кого уже и внимания не обращают — собой заняты, хвалятся друг перед дружкой. Ишь, элита завелась на «грядке»!

Отругала:

— Ах, какой я молодец, умник и, можно сказать, вундеркинд! Задачу решил — надо же! Быстрее всех! Теперь я желаю поговорить, вот. Правда, этим я помешаю другим ребятам думать, решать — какие пустяки! (Главное — я решил. А до остальных мне, умнице, и дела нет.

Всё утрированно и наглядно. На самом-то деле не совсем так. Они не понимают, что говорят громко, всем мешают. Не умеют адекватно оценивать себя, оптимально вписываться в ситуацию. Всё эго так, но и элемент наплевательства тоже есть. Главное — не дать ему разрастись. А остальному научатся, и тоже при помощи театра.

Научить разговаривать на уроке ох как непросто! Вот запретить — другое дело: раз — и готово. И все молчат. Речь развивают. Мысленно.

А потом вдруг оказывается, что дети ни говорить, ни думать не научились.

В августе я занималась с третьеклассниками, оставленными на осень. Набралось 8 человек, из них двое — с отставанием в умственном развитии, а остальные просто запущенные: вроде нормальные ребята, но с каким-то задавленным воображением, со стойким, неодолимым страхом перед думанием. Оказывается, они ничего на уроках не проговаривали. Их призывали, думать, но не учили этому нелёгкому делу. Скованность, напряжённость, страх мы снимали при помощи юмора. И уже со свободными детьми

вслух думали, хором проговаривали алгоритмы. И дело пошло.

Я разделила ребят на две группы: с одними занималась русским языком, с другими— математикой. Но они как-то сразу объединились: одни не хотели уходить, а другие приходили пораньше, и получалось, что все занимались и русским языком, и математикой. Добровольное сидение за уроками летом, когда на дворе столько соблазнов! Значит, и эти, самые слабые дети, «лентяи», тоже хотят учиться, хотят знать, хотят думать?

А мы думать не учим. Но зато преуспели в требовании так называемых полных ответов.

— Дети, сколько будет, если к пяти прибавить три?

— Восемь.

— Нет, Федя, ты неправильно ответил. Надо полным ответом: «Если к пяти прибавить три, получится восемь».

Можно подумать, что если за урок ребёнок скажет семь слов вместо одного, то у него и вправду речь разовьётся! Да на уроках дети должны говорить постоянно, так как мышления без речи нет и быть не может. Да не просто повторять за учительницей, как попугаи, — нет! Речь должна быть прежде всего мотивированной. А то Федя садится на место, повторив семь слов, а сам думает: «И зачем я все это говорил? Ведь проще сказать «восемь» — и всё…» И это ещё хорошо. Гораздо хуже, если он об этом не задумается.

Если мы хотим развить речь, она должна быть нужной ребёнку, ну просто позарез необходимой. Потребность в речи у детей есть, да только мы её не развиваем; не направляем в нужное русло (не умеем?). Мы, умницы такие, с ней боремся. Героически: круглые бревна носим, а квадратные катаем.

— А ну, Иванов, замолчи сейчас же!

— Петров, опять болтаешь? Давай сюда дневник!

Я разрешила детям разговаривать, более того, поощряла разговоры на уроках. Все алгоритмы мы повторяли вслух: сами себе давали команды, сами их выполняли. Читали, обсуждали и книги, и случаи из жизни, и фильмы. Задавали вопросы, а ведь лаконично сформулировать умный вопрос или дать на него достойный ответ очень непросто!

Многие ребята не умеют пока думать вместе, но шум, разговоры слышат и сами начинают попусту молоть языками. Подхожу, подталкиваю мысли, они со скрипом сдвигаются, некоторое время идут — и опять встали. Тяжёлая работа! Но ничего, приходится ждать, терпеть «не те» разговоры, разворачивать их на путь решения проблем. Эта цель достижима, просто скорость движения у всех ребят разная и разный старт.

Наташа Д. и Алёша П. решают, как и все остальные, изобретательскую задачу «Пионерской правды». Как облегчить

труд путевых рабочих, которые меняют трамвайные рельсы? Легче всего рельс катить, но тогда он должен быть круглым. А такой рельс уже не нужен, так как он не отвечает своему назначению. Как устранить противоречие, на первый взгляд неразрешимое?

Наташа. Я придумала! Тут надо приделать колесики… или нет, лучше тележки с колёсиками, на них положить и катить.

Алёша (с замечательной иронией). А положить-то ломиком, ломиком…

Наташа смеётся. И правда, не подходит.

Задачу решили три группы почти одновременно. Потом вместе доводили, отвечали на другие вопросы задания, составляли черновик письма в «Пионерскую правду» Г. Альтову.

Через некоторое время в газете были опубликованы ответы. Кричали «ура» и гордились собой: вот что мы можем! (Г. Альтов предлагает пионерам задачи, задачи, за решение которых взрослые люди получили авторские свидетельства.)

Учились думать и параллельно развивали тормоза. В случаях столкновений стороны обычно заявляли хором: «А я ничё, это он…»

В пустяках мы не копались, не выясняли, кто прав, кто виноват, а просто поднимали на смех, утверждая мнение: умные люди скандалить по таким мелочам не станут.

Для подобных происшествий я предложила выучить наизусть оправдательную формулу: «А я чё, я ничё! Другие вон чё, и то ничё, а как чё — так сразу вон чё, вон чё!» Это одна оболочка без смысла, форма без содержания. Произносить её рекомендовали жалобным тоном. Ребята сразу пустили её в ход — гасили конфликты смехом, т. е. поднимались над ситуацией.

Дала ещё совет: — прежде чем предпринять что-либо воинственное, остановите себя и спросите: «Зачем я это собираюсь делать?» И окажется, что не надо ставить подножку, бить, толкать, кричать. Верно?

Соглашаются со мной, улыбаются — приняли. Но, к сожалению, не всегда получается. Вот, например, Антон. Только соберётся сам себя вдумчиво спросить, глядь — а руки-ноги уже что-то натворили. Ну прямо беда с ними! Но Антон за своё воспитание взялся всерьёз, тут мне делать нечего. И многие другие тоже. А вот за моё перевоспитание взялась администрация.

Ещё в I классе, год назад, я месяца полтора ходила следом за директрисой — требовала, чтобы в кабинет поставили нормальные парты (просить бесполезно). Парты были детям чуть ли не до подбородка, и некоторые ребята к моменту моего

прихода в школу уже привыкли держать ручку вертикально: впору на китайскую грамоту переходить! Про осанку, зрение и не говорю. Начальство от меня отмахивалось, а недовольство копилось, хотя вопрос не решался. Но я не отступала — и парты малышовые все же нашлись. За ними десятиклассники сидели. От комментариев я удержаться не смогла — со всеми вытекающими последствиями…

Почти год вела уроки музыки и пения… «на пальцах», так как проигрывателя не было, а в кабинет пения не пускали. Тут я заработала славу конфликтного человека, который всё время высовывается: наверное, себя показать хочет. Все молчат, а ей всё не так!

Потом мои планы. Они были до неприличия короткими и до отвращения неэстетичными: тема не выделена красной пастой, цель не написана зелёной. Более того, я кощунственно презрела триединство обучающей, воспитывающей и развивающей задач, а писала что-то совершенно непонятное. При таких планах дети, конечно, ничему не могли научиться и никак не могли воспитаться. Какое уж там развитие!

Меня не понимали. Упорно, активно, на всех уровнях не понимали. Пыталась достучаться, рассказать, объяснить — безполезно. Только усиливалось раздражение.

Но я, по-моему, смогла понять проверяющих. Их всю жизнь учили работать с планами — желательно перевыполненными, жить по инструкциям и приказам и свято чтить Её Величество Бумажку. Читать бумажку, смотреть в бумажку, оценивать бумажку. Так тепло и удобно существовалось в этом бумажном мире! Наверное, чтобы приспособиться к нему, многим пришлось себя поломать и искорежить.

А тут вдруг бумажки нет! (Есть какая-то, но в ней ничего не понять, там всё не так, как положено.) Но без неё они совершенно беспомощны! Работу они оценивать не умеют, так как страшно далеки от неё. Но если попытаться прыгнуть выше головы и вдуматься, понять, тогда придётся высказать собственное мнение, а где его взять-то…

Чиновник любит подробный план, в котором все разложено по полочкам: работать по такому плану безопасно — всё оговорено заранее. И даже если многообразная хитроумная жизнь вдруг подсунет что-то неожиданное, это «вдруг» можно просто проигнорировать, сославшись на всемогущий план: нет там никакого «вдруг»! Но если идти не от планов, а от жизни, придётся мгновенно и точно прореагировать на изменения, оптимально разработать ситуацию, не отклоняясь от цели, т. е. нужны изрядная гибкость, находчивость, смелость. Вот тут-то и

кроется опасность оказаться несостоятельным, обанкротиться: в ситуации неопределенности бумажкой уже не прикроешься, а значит, останешься голеньким. Из всех приёмов чиновник в совершенстве овладел только одним: запретить! Проверяя чужую работу, он всё, что видит, сравнивает с эталоном. Бумажным. Процесс проверки для него заключается в категорическом, бездумном отбрасываний всего, что не соответствует его заплесневелому эталону… Но если ты имеешь смелость не соответствовать да еще и стойкость не «отбрасываться» — ну, тогда держись!

В этом году над нами поставили нового завуча: директриса подбирала кадры по своему вкусу. Завуч энергично взялась за дело и в кратчайший срок нашу и без того тяжёлую жизнь сделала невыносимой. Никакой диалог с ней был в принципе невозможен: мы говорили на разных языках и цели наши были противоположны: наша — выстоять, её — уничтожить. Когда отношения раскалились до предела, я обратилась за помощью… куда только не обращалась. Потом поняла, что учитель перед лицом чиновника абсолютно бесправен и беззащитен. Одна опытная учительница сказала:

— Обращаться за помощью к вышестоящим чинушам может только наивный человек. Они же все одной породы. Вспомните русскую пословицу: «Завуч завучу глаз не выклюет» — и смиритесь.

— Нет, не смирюсь с оскорблениями и унижением. Бросить все и уехать? Не могу. У меня 37 детей.

Выручал юмор.

Ловит меня директриса в коридоре и раздраженно выговаривает:

— Почему это ваши дети так рано приходят в школу? И после уроков никак не выгонишь! А что это они делают на втором этаже? Нечего им тут лазать!

Это она случайно наткнулась на Катю, которая в коридоре у окна учила роль.

Отчитала и пошла дальше. Все вопросы у неё риторические, ответа она не ждёт и слушать не станет.

Спасаю остатки нервов — представляю себе картину: мы занимаемся и кладовке, Катя вышла в коридор, учит роль. Мимо идет директриса. Увидев девочку, заинтересованно спрашивает, чем она занята. Учит роль? Молодец. Директриса гладит Катю по головке, обещает прийти на спектакль и, поправив нимб и взмахнув белоснежными крылами, впархивает в голубой кабинет с розовой табличкой «Душа школы».

Именно так и представилось, потому что проявление

внимания к ребёнку и деликатного обращения, с одной стороны, и появление нимба с крыльями, с другой, — события равно невероятные. Из области фантастики. В жизни всё проще.

В учительскую заглядывает мальчик (реликтовый мальчик, в нашей школе такие уже не встречаются) и вежливо спрашивает:

— Скажите, пожалуйста, Л.В. здесь?

Директриса жизнерадостно:

— Да, под столом сидит!

Мальчик смутился, извинился (!) и исчез.

Она обладает крайне своеобразным чувством юмора…

Доходило и до курьёзов.

— С.Л., вы слышали, что в теплице перебиты все стекла? Так вот, среди тех, кто бил, был мальчик из вашего класса.

— Не может быть. Мои могли нечаянно угодить снежком в окно, но сознательно устроить подлость не могли.

— А у меня фамилии записаны! — тихо ликует завуч.

И показывает мне листок с признанием одного из участников. Класс указан наш, а фамилия и имя незнакомые.

— Это не мой ученик. У нас такого нет.

Завуч разволновалась и… начала меня уговаривать:

— Ну как же не ваш, вы вспомните, посмотрите лучше…

Такой сюжет пропадает! Второй «Д» — варвары!

— Вынуждена вас огорчить: это всё-таки не наш мальчик.

Это она запомнит. И припомнит.

Или маленькая сценка для театра сатиры.

Прошу у директрисы ключ от зала — провести там урок пения. Она настораживается: ключ — это такая штучка, которой что-то от кого-то можно запереть. Славная вещица!

— Проводите в кабинете пения.

— Там покрасили пол.

— Тогда в классе.

— Нам нужен инструмент, пианино.

— Не дам!

— Но почему? — спрашиваю я, хотя и так ясно: она не может разрешить, если может не разрешить.

Она так устроена. Знает, что для дела, понимает, что надо дать, — и всё равно не даст. Тяжёлый случай.

Но урок-то надо проводить, никуда не денешься. Я настаиваю — у неё усиливается раздражение, которое и без того имеет хроническое прогрессирующее течение. Она постоянно натыкается то на наши идеи и новшества, то на наши подозрительные связи с детсадами и школами, с ТЮЗом и Театром кукол, с фотошколой и Дворцом культуры, то на моих активных детей. Да, нас тут слишком много. Но вместе с тем мы

ничего, ну вот ничегошеньки противоправного не совершаем. Ничего такого, за что можно было бы объявить выговор или вынести приговор, в крайнем случае просто отругать за дело. Поэтому приходится вот так: -

— С.Л.! А почему это вы идёте в столовую впереди класса?

Или так:

— С.Л.! А почему это вы идёте в столовую позади класса?

Диалог по поводу ключа продолжается.

— Нечего делать в зале! Вечно там насорят…

— Мы ни одной бумажки никогда не оставляем.

— Нет! Не дам! Все кресла поломали!

— Но ведь не мы!

— Я сказала — не дам! В классе проведёте, ничего с вами не сделается!

— Это нецелесообразно! Если есть возможность провести хороший урок в зале, так почему я должна объяснять музыку на пальцах в классе?

— Не дам!! Всё!!!

Это уже крик души. Мне остаётся только уйти.

Администрация преуспела в своём стремлении всё от нас закрыть. Но, хотя в течение полутора лет у нас не было ни одного нормального урока пения, дети каким-то загадочным образом учились петь, слушать музыку, чисто интонировать. Правда, сомневаюсь, что сумела научить их по-настоящему любить музыку. Музыка требует покоя и тишины, а у нас…

В начале I класса верно интонировали только двое, во втором — уже 15 человек, да ещё 10 — на подходе к концу третьего — почти все. Да ещё и песни стали сочинять. Как это получилось при таких неполноценных уроках — сама не знаю. Сильна программа Д. Кабалевского: такие перегрузки выдержала!

За изо я тоже спокойна: летом я ездила в Москву и раздобыла там программу Б. Неменского. Как — не скажу. Контрабандно. Под покровом ночи. Потому что при свете дня эту замечательную программу в школу не пускают. Она во многом похожа на программу Д. Кабалевского: учит смотреть и видеть, развивает наблюдательность и фантазию, открывает души перед прекрасным в жизни и в искусстве.

Пошли мы после уроков на экскурсию по нашему микрорайону. Кругом каменные коробки — серые, наводящие тоску. Но остались у нас и старые улочки с деревянными домами. Тысячу раз пробегали по ним ребята, а сегодня увидели красоту, созданную умелыми руками: деревянные резные наличники и ставни. Мы любовались, ахали, запоминали — собирались дома по памяти нарисовать да ещё что-нибудь своё придумать. На

следующий день Слава сообщил нам, что не выдержал и пошёл к тем домам снова — рисовать с натуры. А на улице-то минус 25°!

Разбудила ребят эта программа: несут в школу страницы журналов с репродукциями и рассказами о художниках. У некоторых уже полные папки. Приносят марки, наборы открыток. Стали внимательнее ко всему, что их окружает. Предметом обсуждения становятся ткани, обои, плакаты, посуда, игрушки, витрины, композиции из цветов и т. д. В речи все чаще звучит эстетическая оценка. Замечают, кто как одет: идёт— не идёт, хорошо или плохо подобраны цвета, гармонируют— «рычат». И конечно, эмоции и чувства: ах, как красиво! Или, наоборот, безобразно. Прямо по Платону: «От красивых образов мы перейдём к красивым мыслям, а от красивых мыслей — к красивой жизни».

Идут за советом.

Инна:

— С.Л., мы тут с Наташей Л. подумали: а не поменяться ли нам шарфами? К её ансамблю больше подходит мой шарфик, а к моему — её, правда?

Жизнь моя усложнилась: иной раз сошью себе обновку — бегут с комплиментами, иной раз молчат — деликатно… Ох! Задала уровень — изволь соответствовать.

Друг с другом обсуждают наряды, дают советы. Но ни разу я не слышала, чтобы разговор скользил по шкале «богатое — бедное», «заграничное — наше». Оценка одежды с точки зрения вкуса исключает погоню за вещами, исключает зависть к тем, кто побогаче, одет, так как- практически любую вещь можно купить в магазине или на толкучке, тем самым обогнать ближнего своего, которому люто завидовал, а вот вкус не купишь. Его можно только развить в себе.

Работай — и всё получится: научишься рисовать, разовьёшь вкус, начнёшь видеть красоту вокруг. (Правда, у этой медали есть и оборотная сторона. Научишься рисовать — и не сможешь купить хорошие краски и кисти, разовьёшь вкус — и увидишь, сколько безобразного вокруг, ты уже не сумеешь смотреть равнодушно, тебя будет от этого корежить. Не хочешь мириться — засучи рукава и работай.)

Ребята на практике постигали законы диалектики. Саша Ш. мучился целый год: какие-то немыслимые каракули выходили из-под руки — и всё тут! У него нелады с пространством, Саша его не чувствует. Координации никакой и жуткая зажатость, скованность. А почерк! Такие загогулины вырисовывал, что часто и сам не мог прочитать. Не стала я воевать с Сашиным почерком, а постаралась наладить его отношения с пространством. Помогли

театр да ещё бальные танцы, где надо контролировать каждое движение. Дело пошло на лад.

И вот мы оформили выставку рисунков «Искусство на улицах нашего города». Украшением ее стала работа Саши Ш. «Обелиск». Прямо на уроке мы увидели, как действует закон перехода количественных изменений в качественные. В Сашином исполнении. Рисовал он до этого из рук вон плохо, но не сдавался, прислушивался к советам, преодолевал себя. И вдруг:

— С.Л.! У меня, кажется, получается!

Да, получилось! Памятник погибшим героям, стройные ели, красные цветы на ступенях. Печально и строго.

Нас очень порадовала и Сашина победа, и… незыблемость закона диалектики.

Любопытно, что никто не стал рисовать монументальную скульптуру, хотя ограничений никаких не было. Тема «Памятник» — и всё. Дети сами почувствовали, что изобразить фигуру человека хорошо они пока не смогут, а плохо — нельзя. Можно плохо нарисовать колесо обозрений, качели-карусели, дерево или дом, но погибшего воина — нельзя.

Неумелый рисунок часто вызывает смех, но ребята выросли на хорошем юморе и знали: область страданий и смерти другого человека не тема для смеха. Значит, это знание проросло в чувства, стало частью их личности.

Много хорошего можно сказать о программе Б. Неменского. И если бы предложили голосовать, я бы обе руки подняла «за». Но не предлагают. Всё еще сравнивают со старой, спорят, перестреливаясь профессиональными терминами.

Дети, которых обучают по старой программе, не учатся видеть и любить — за одно это от неё стоило бы отказаться.

Рисовать полюбили все, а Лена Д. всерьёз увлеклась изобразительным искусством. Мы устроили в классе её персональную выставку. Лена стала заниматься во Дворце пионеров под руководством специалиста. За ней потянулись и другие ребята. Работали радостно, увлечённо. Их рисунки мы потом видели на выставке во Дворце.

Прежде чем мы расстанемся (через год…), хочу помочь каждому увлечься каким-то нужным и интересным Делом. Стараюсь пошире раскрыть двери в мир, познакомить ребят с умными, талантливыми, порядочными людьми. Не допустить, чтобы они были замкнуты только на школе, на этой школе! Тому классу, моим старшим, повезло больше: они попали в хорошие руки — после III класса, а первые три года они «паслись» в ТЮЗе, часто встречались с Сергеем Павловичем Денисенко, завлитом. Это удивительно богатая личность, человек широкого кругозора и

яркого таланта. Каждый наш поход в ТЮЗ мы разбирали «по косточкам», начиная с программок — ничего подобного ни в одном театре я никогда не видела. В них были тонкий юмор, раешный стих, загадка и тайна, густо замешанные на иронии, — поди разбери, чего больше. И игра, зовущая окунуться в атмосферу театра, подсказывающая зрителям его законы.

С этими ребятами мы редко бывали в театре — «подвесная» смена… Жизнь наша была — сплошной театр.

Известна детская фраза: «Я для тебя плачу!», т. е. если нет зрителя, то и плакать нет никакого смысла. Дети — артисты. Мы много говорим о значении игры в жизни ребенка, но почему-то забываем об игре-театре. Это нечто находящееся на полпути между ролевыми играми (в дочки-матери, в «магазин» и т. д.) и социальными ролями. У каждой игры свои законы, у каждого актера свое амплуа.

Моя Таня Л. — актриса «широкого профиля». Она обожает работать на публику, причём в буквальном смысле. На сцене это тихая скромница, практически безголосый ребенок, которому, чтобы молвить относительно громкое слово, этак меццо-форте, надо основательно поднапрячь непривычные связки. На перемене… о, на перемене!.. Слов не хватает! Ракета — с соответствующим звуковым оформлением. К счастью, Татьяна обладает незаурядным чувством юмора, поэтому мы с ней ладим.

В I классе они с подружкой Наташей Г. подвергали меня мощным атакам, массированному воздействию. Пользовались приёмом, который я называю «брать измором». Приём этот был у них отработан на ближайших родственниках и отшлифован до полного блеска. Если рассматривать атаку с позиции житейской — можно озвереть, но если с позиции театра — получаешь большое удовольствие. (К вопросу о том, что недостатки — это такие достоинства…)

Подходит на перемене Татьяна:

— С.Л., можно Наташа со мной сядет?

— Нет.

Они славные девочки — каждая в отдельности. Вместе они составляют новое качество, взрывоопасное сочетание — а я жить хочу!

Совещание в уголке. На переговоры отправляется Наталья. Услышав «нет», возвращается и подталкивает Татьяну. Та подходит уже с более несчастным лицом, чем прежде: надо как-то тронуть мою зачерствелую педагогическую душу. Опять «нет». Атакуют с двух сторон. Вокальное оформление бесподобно!

— Ну С. Л.! Ну мо-о-жно, а-а-а?..

Нет, это надо записывать на нотной бумаге. Вокализ!

Ноют уже несколько минут. Ноют в полной уверенности, которую породил весь предшествующий опыт; для того чтобы «нет» превратилось в «да», надо просто добавить оттенков в вокал, проныть чувствительнее. Такая игра пропадает! Такой спектакль — для одного зрителя, да и тот неблагодарный!

Сели вместе — сделали по-своему. Поглядывают на меня: как отреагирую. Молча взяла Наталью за руку, молча отвела на место.

А вот на сцене у них пока не идёт.

В этом году жизненный репертуар заметно расширился. Опоздала на 10 минут Татьяна. Опаздывать на работу у нас не принято, это уже ЧП — для «старичков», новенькие пока таких вещей не понимают. Входит — наготове полные глаза слёз:

— У меня иголка в животе! — и слёзы пролились.

— Покажи, а? — говорю весьма заинтересованно и с долей сочувствия: надо же проявить участие к человеку, у которого иголка в животе!

— А её уже нет, мне тетенька вытащила, — и слезы мгновенно высохли.

На уроке изо проверяю, как они дома закончили эскиз витрины. Наталья поднимает на меня честнейшие в мире глаза.

— С. Л., я всё нарисовала, только у меня склеилось!

И на лице досада: эх, пятерка сорвалась!

— Это ужасно! — я опечалена ещё больше Натальи.

Печаль моя не имеет границ! Бросаюсь выручать несчастного ребенка: пытаюсь разъединить листы — куда там, сделано на совесть… А как же пятёрка?! Все-таки разнимаю: белый лист основательно измазан белой же краской и склеен с предыдущим…

Каждый такой случай становился объектом самого подробного, самого пристального коллективного анализа, изрядно сатирического по форме. Ну, кому захочется хотя бы раз в месяц быть в центре ТАКОГО внимания!

На сей раз Наталья стала жертвой собственной лени. Она не приучена преодолевать препятствия, а эскиз витрины требовал кроме полета фантазии немалой дозы пыхтения, на что моя Наталья пока не способна. Выкрутиться — это и проще, и привычнее.

Как неимоверно тяжело заставить себя трудиться! Искренне сочувствую и Наташе, и другим детям, Понимаю их, потому что сама — необыкновенно ленивый человек. Правда, никто об этом не знает, потому что жизнь складывалась странно: всё время надо было работать. И ни разу не представилась возможность развернуться моей безграничной лени во всей красе и полноте.

Так вот и живу двойной жизнью: снаружи вроде труженица, а внутри — о! — на боку лежать и то лень.

Ну как я могу ругать детей за лень?! По правилам ведь надо сначала отругать, и хорошенько, а потом привести светлый, оптимистический, положительный пример: «Вот я в ваши годы…» Или так: «Вот я на вашем месте…»

Лучше промолчать. Пусть выручает театр.

Есть у нас в репертуаре прелестное стихотворение Л. Квитко «Лемеле хозяйничает».

Мама уходит, спешит в магазин:
— Лемеле, ты остаешься один. —

Мама сказала: — Ты мне услужи:
Вымой тарелки, сестру уложи.

Дрова наколоть не забудь, мой сынок.
Поймай петуха и запри на замок,

Сестрёнка, тарелки, петух и дрова…
У Лемеле только одна голова!

Схватил он сестренку и запер в сарай.
Сказал он сестренке — Ты здесь поиграй!

Дрова он усердно промыл кипятком,
Четыре тарелки разбил молотком.

Но долго пришлось с петухом воевать —
Ему не хотелось ложиться в кровать.

Это «театр одного актера». Учили мы стихотворение в I классе, а всерьёз разрабатывали уже во II, когда артисты научились гибко переключаться, свободно интонировать. Учили все, а выступала Инна. Но её многие могли заменить и заменяли при необходимости.

Выучить слова — только первый шаг. Потом и начинается работа: интонация, темп речи, мимика, взгляд, жест, пауза, переходы от одной роли к другой. И всё это не по причине чьей-то прихоти, не на пустом месте, а от характера персонажа. Есть у Лемели определенные качества, которые мы обнаружили при обсуждении. Как их донести до зрителя? Какие понадобятся средства?

Вот эта самая надобность и порождала удивительную.

интонационную и пластическую выразительность. Получился любопытный сплав: потребность + интерес + умение, который и поражает зрителя.

Готовят монтаж (тот самый, «резиновый»):

— Петя, читай выразительнее!

Но выразительность-то идёт от чувства, чувство — от интереса, интерес — от потребности. Так откуда возьмётся выразительность у Пети, читающего такое:

> Москва взметнула кроны и поднебесье,
> В цеха свои торопится Москва.
> Она любой из тысячи профессий
> Открыла горизонты мастерства.

(Хотелось бы узнать, какие чувства испытывал поэт, сочиняя такое… Или увидеть сам процесс, поприсутствовать, услышать, как читает автор. Интересно, смог ли он сам выучить наизусть?)

Кричит малыш, связки надрывает, чтобы хоть количеством возместить отсутствие качества, а учительница не унимается:

— Петя, а ещё выразительнее можешь? Постарайся! Ты бери пример с Маши. Послушай, как выразительно у неё получается.

Нет, Петя, не бери пример с Маши. Она копирует. В сочетании с косичками и бантиком её рулады вроде и производят умилительное впечатление, но ведь фальшиво всё это! Девочку учат — и научат-таки! — имитировать, изображать чувства, которых нет в помине. Научат на свою голову: многих уже научили…

В стихотворении Л. Квитко Лемеле — смешной, бестолковый, неумелый (главное определение, с которого начинается анализ). Потом это имя стало нарицательным.

— Сидит наш лемеле Вася и укоризненно смотрит на иголку. И думает: «Что же ты, такая-сякая иголка, не шьёшь?» А иголка лежит себе — и ни с места. Не шьёт— и всё тут! Очень трудная работа попалась ребенку: сама не делается. И тут Вася догадался: надо позвать С.Л. и сказать ей, что лемеле Вася не понял, как шить, Абсолютно ничего не понял. И тогда С.Л. всё за Васю сделает.

Смеются.

— Вижу, что сейчас найдутся ещё желающие свалить свою работу на других, поэтому мы с Васей вам покажем… фокус. Кто тоже не понял, как шить, слушайте Васю.

Вася работает и отвечает на мои наводящие вопросы.

— С чего начнёшь? Так, верно. Делай. Что дальше? Молодец. Следующая ступень? (И т. д.)

Сделали, показали ребятам. Получилось вполне прилично.

— А теперь скажи, я хоть раз подсказала тебе?

— Может, показала?

— Не-ет, — во весь рот улыбается Вася.

— Ты всё сделал сам, да ещё и другим объяснил? Так?

— Ага!

— Выходит, ты и знал, и мог сделать сам?

— Ну да!

— Так зачем же ты просил меня помочь?!

Пожимает плечами, улыбается.

— Вот, оказывается, какая помощь нужна ребёнку!

Ему лень было шевелиться, и он пригласил С.Л.!

Такие прививки делаю довольно часто.

Ох, как тяжело научиться и научить преодолевать лень, воспитать чувство ответственности за дело и за свои поступки! По всем вопросам у нас среди педагогов дискуссии: кто виноват? С какого возраста приучать к ответственности? И т. п. Много, слишком много разговоров, мне кажется, ведь ответы совсем просты: виноват сам, а приучать — с пелёнок.

На первом уроке нет Татьяны.

— Почему нет Тани? Заболела?

— Я за ней зашла, а она сказала, что в школу не пойдёт, а будет смотреть по телевизору фильм, — сообщает Наталья.

У нас шок. Такого никогда не бывало — работу променять на развлечение. Еле успокоила возмущённых сотрудников.

Татьяна явилась ко второму уроку.

— Что случилось сегодня? Хочу напомнить, что иголка в животе уже была.

Она, мгновенно уловив общий настрой, — рыдать:

— Наталья всё наврала! Это ей мой брат сказал, что я буду кино смотреть, а я такого не говорила!

— Мы так и подумали. Не мог уважающий себя человек ради кино прогулять работу, верно? Так что нам просто показалось, что тебя не было на уроке. На самом деле ты, конечно, была и трудилась не покладая рук.

Со всех сторон посыпалось то, что накопилось:

— Она в шапке-невидимке сидела!

— Тане надо «пять» поставить за работу!

— Ой, покажите мне её работу, что-то не вижу…

— И не увидишь. У неё работа-невидимка получилась!

Попались таким на язычок! Никакого сочувствия у этих детей! Эх, сюда бы парочку методистов воспитательной работы! Они бы пристыдили нечутких, беспощадных детей, приголубили плачущую девочку и объяснили ей, что прогуливать нехорошо. И

непременно бы спросили, будет ли она ещё прогуливать. (Этот вопрос вообще среди них очень популярен.) Дитя, осушив слезы, с облегчением заверило бы, что прогуливать не будет. А назавтра явилось бы в школу не ко второму уроку, а к третьему, потому что фильм по телевизору двухсерийный. Тогда методисты сделали бы вывод, что метод, безусловно, правильный, просто доза мала. И прописали бы ребенку еще 57 бесед…

А меня бы сурово осудили и отметили, что всё я делаю не так, т. е. не по-книжновоспитательному. «Работать вы не умеете. Вам просто повезло: дети попались замечательные». Это заключение я храню как образец педагогической премудрости (а что дети замечательные — так это я и сама знаю).

Татьяна больше не прогуливала и даже умудрялась не опаздывать, что стоило больших усилий. Их с Наташей путь в школу был настолько извилист, что больше смахивал на лабиринт. Надо обойти все дворы, перепрыгнуть через все лужи, а тут ещё и стройку затеяли — там каждый день что-нибудь новенькое, — словом, много, очень много важных дел у двух девочек по дороге в школу.

До чего трудно вырабатывать привычку (именно привычку!) к добросовестному выполнению своих обязанностей. Всё рывками, всё через силу. В конце I класса, вроде, дело пошло на лад, а сейчас треть — новенькие, да и «старички» далеко на все в порядке: отступать-то легче. Опять не чувствую поддержки дома. Перед уроками труда приходится выслушивать длинный перечень уважительных причин, по которым детей безусловно надо освободить от всяких трудовых усилий, немедленно предоставить им возможность всласть побездельничать на уроке, но при этом единицу, конечно, не ставить.

— Я забыл…

— Я потерял…

— Я положил, но не знаю куда…

— Нечаянно порвал…

— Случайно сломал….

И тому подобное.

Работа с тканью. Делаем книжечку для талонов. (Мы делаем только нужные, полезные вещи: игольницу, футляр для ключей, газетницу, прихват, шкатулку для всякой мелочи и т. д. И только из отходов: тряпочек, коробок, банок, — словом, из того, что люди обычно выбрасывают. Именно такое мышление, только в более широких масштабах, понадобится будущему.)

— У нас дома нет кнопок…

— А у нас ниток нет. Никаких…

Послушаешь — руки опускаются. Контроля дома нет, а в

одиночку такую махину не сдвинешь.

Ввела тематический учет по труду. Каждый обязан сделать и сдать все изделия. Троечные, сляпанные кое-как, не принимаю, всеми средствами давлю в этом направлении, чтобы стыдно было даже приближаться к контролеру с недоделкой в руках. Требуется помощь — пожалуйста, направляю консультантов, их у нас уже много. В трудных случаях помогаю сама. Но халтуре — никаких послаблений.

Идёт к столу Алёша П. Идёт и глаза прячет: вместо красивой, тщательно сделанной игрушки, каких уже много на столе, несёт сдавать какой-то утиль. Да ещё «в нагрузку» пытается вручить целый список причин и объяснений.

— Алексей, эти игрушки — ты же знаешь — мы подарим малышам из детского сада. Посмотри, какие замечательные вещи лежат — ребята постарались. А теперь представь: приходим мы в детсад, показываем малышам сценки, потом дарим игрушки — одному грузовик, другому коляску (беру в руки, любуюсь, показываю Алёше), а третьему что достанется, вот этот хлам? А может, подарим твои объяснения? Или парочку причин, по которым ты не смог — не сумел — не захотел — поленился сделать? Ну, что, может, всем покажем твоё «произведение»?

— Ой, нет, не надо! — Алеша бежит переделывать.

Вот так понемножку учимся прогнозировать, предвидеть результаты своих действий: страшен человек, не видящий ничего дальше своего носа.

Стараюсь пропитать моих тружеников мыслью: всякая халтура недопустима, — её всё равно придётся исправлять, но уже с большими затратами усилий, времени, а то и с крупными неприятностями. Брак в работе должен стать вначале крайне невыгодным, а потом и внутренне невозможным. Не умеешь — научим, не получается — поможем, но если не хочешь — сам себя накажешь. И никаких послаблений и скидок: он ещё маленький. Вырастет — поздно будет. Стараемся полностью исключить вариант «авось сойдёт».

Это внешнее давление — ровное, постоянное, основательное. Усиливается и внутреннее давление. Помогают театральные методы.

Хочу процитировать небольшой отрывок из повести-сказки Э. Успенского «Гарантийные человечки».

> «В этот день хозяйская девочка Таня очень устала. Потому что её хорошая половинка Юшечка всё время помогала маме: стирала платьице, испекла блинчик, вынесла на помойку разбитую чашку и протерла пол на

кухне. Плохая половинка Яна тоже очень устала. Она весь день лазила куда не надо. Разбила чашку, испачкала платьице, пролила воду на кухне и кидалась блинчиком в соседскую девочку».

Для того чтобы легче было в себе что-то перебороть, надо отделить это качество от своего «я» и дать ему имя, персонифицировать. А бороться с другим гораздо приятнее, чем с собой.

— Как в девочке Тане было две половинки, плохая и хорошая, так и в нашем Алёше, да не только в нём, а в каждом человеке сидит целая компания: умный и глупый, добрый и злой, трудолюбивый и ленивый, храбрый и трусливый. Сегодня в Алеше проснулась Лень. Проснулась, зевнула, потянулась и пошла командовать: «Не делай ты эти игрушку! Вот ещё, для какого-то там малыша стараться. Ты же совсем переутомился: целую полоску приклеил к коробочке, да ещё и криво! — разве можно так надрываться! Отдыхай. А сладим — как сляпали, авось не заметят». Тут заговорила Гордость: «Ну нет, нам наша рабочая честь дорога. Не можем мы вместо вещи хлам сдавать, а потом стоять и краснеть». Послушал Алеша их спор и думает: «Конечно, Гордость права, но ведь она заставляет работать, а Лень предлагает отдохнуть. Надо её послушаться».

Всё это говорю после того, как Алёша сделал отличную игрушку, победил Лень. Он сидит смущённый и гордый, ребята слушают о его борьбе с большим интересом, потому что касается это каждого, все через это проходят.

Хороший приём. Помогает усилить внутреннее давление, вызывает желание бороться со своей «не такой» половиной, делать себя человеком.

Но где бы найти панацею?.. Через некоторое время с заранее виноватым видом идёт — всё-таки идёт! — сдавать собаку без ушей Виталик. Знает, что не приму, но идёт. (Силён внутренний враг!) Виталик — человек добросовестный, но вот не устоял…

Учитывая былые заслуги его на трудовом поприще, меняю тактику.

— Ой, бедная собачка! Это кто же тебя без ушей-то оставил? Неужели Виталик?!

Собачка (у неё подвижная голова) грустно кивает.

— Ах, он такой-сякой! Сам-го, небось, с ушами…

Картонная собака уныло кивает. Морда у неё печальная, хвост опущен.

Виталик голову опустил, уши — помидорного цвета.

— Что мы с собакой тебе скажем, знаешь?

— Переделать халтуру! — Виталик точно скопировал мои гневные интонации.

Я расхохоталась — так похоже получилось.

— Совершенно верно! А ты ожидал чего-то другого? — С восторгом: — Ах, какая восхитительная халтурочка! — А дальше ласково и сладко: — Давай, деточка, мы её, у-тю-тюшечку, чуточку переделаем.

Тут уж расхохотался Виталик. Минут через десять принёс не собаку — загляденье.

Опять пытаюсь положить на ложку два горошка: Виталину гордость расшевелить и научить ребят разрабатывать ситуацию театральными методами. Есть стоп-кадр — собака без ушей. Из него можно сделать целое кино, причём продолжений у кадра много. Сколько разработчиков, столько и продолжений.

В III классе мои усилия дали неожиданный урожай.

А пока я бьюсь, стараясь разорвать порочную цепь, чтобы заменить в ней звенья. Цепь такая: начал работу — наткнулся на препятствие — появились отрицательные эмоции — пропал интерес — бросил работу. Главное звено, с которого начинается поломка, — препятствие. Расположить бы после него другие звенья: препятствие — появились положительные эмоции — усилился интерес — волевое усилие — радость (дело сделано) — уверенность в своих силах и гордость.

Только так и может образоваться крепкий, надежный стержень личности. В основе его — дело, преодоление, гордость. На жиденькой основе мечтаний, самокопаний и прожектов, замешанной на безделье, никогда ещё не вырастало ничего порядочного. Мои сотрудники таких материй пока ещё не понимают — и не надо. Пускай лучше переживут и прочувствуют на собственном опыте, что этот путь к Человеку единственный. Иного нет.

В конце года мама Наташи Л. рассказала:

— Были мы в гостях. Дочка хозяев тоже во II классе. Пошли они с Натальей играть в другую комнату. Через некоторое время девочка бежит: «Мама, ты только посмотри, что Наташа умеет!» И показывает целую кучу самодельных игрушек. Все начали смотреть и хвалить Наталью. Спрашивают, где научилась, а она: «В школе, на уроках труда».

Хорошее чувство пережила Наташа — гордость умельца. И ведь не стала хвалиться, никому ничего не рассказала, т. е. приняла как должное.

…Какую-то странную суету мы устроили: спорим до хрипоты о так называемых молодежных проблемах, проблемах подростков и т. д. Да нет их, этих проблем! Все мы решаем в течение всей

своей жизни один вопрос: как прожить её радостно и с пользой? Конечно, если здорово постараться, поставив всё с ног на голову, с малолетства и до седых волос внушать человеку, что он не живёт, а «готовится к жизни» (в колбе сидит, что ли?), тогда-то уж можно получить целый букет проблем, на радость теоретикам от педагогики: проблему досуга, а точнее, пустоты и скуки, проблему общения, а точнее, полного неумения общаться, проблему самоутверждения (не знаю, как можно самоутверждаться без дела и мастерства в нём), проблему отцов и детей, которая, кстати, благополучно отмирает сама, если и отцы и дети заняты интересным и полезным делом.

В процессе увлекательной и трудной работы как-то всё само собой налаживается — и общение, и эмоции. И отпадает надобность самоутверждаться путём чесания правой ногой за левым ухом. Работа естественна и всё вокруг себя делает естественным и простым.

Во второй четверти мы взялись за еще одно дело (мало нам театра!) — стали учиться бальным танцам. Всем классом. Цель поставили высокую, как всегда: принести пользу и радость себе и другим. Во Дворце культуры открыли хозрасчетный кружок специально для нас — Витина мама постаралась.

Первое занятие прошло на «ура»: ритмика, которую они давно полюбили, бальные и эстрадные танцы, и над всем этим великолепием — неотразимый Андрей Юрьевич. Но на следующий день заныли руки-ноги: не привыкли к таким нагрузкам. Собрались было заныть и дети, да передумали: засмеют. Энтузиазма поубавилось, но зато резко возросло количество уважительных причин:

— Я забыл, когда занятия…

— А я не знал…

— У меня нога болела.

— А у меня — голова.

Как обычно.

30 ноября трамваи не ходили. Наши трамваи — это чудо техники. Думаю, что только в одном случае они хорошо себя будут чувствовать — если их уложить в коробку и перевязать ленточкой. От наших, пока ещё даже не сибирских морозов доблестные трамваи цепенеют. И чем крепче мороз, тем больше шансов прогуляться на работу пешком.

В школу меня принесло ветром. Ветер жуткий и t –32°. Занятия в школе отменили, хотя все дети живут рядом, и ничего бы не случилось, если бы пришли и учились.

(Помню в детстве, когда по радио объявляли, что в связи с морозами занятия в школах отменяются, мы отправлялись на

лыжах в рощу. Бояться морозов, считалось верхом неприличия. Такие же эталоны ввожу в классе.)

Мои дети, как обычно, явились все. И занимались без всяких скидок на погодные условия. После уроков сказала:

— Товарищи, на нас свалилась большая радость. Сегодня мороз, детям надо сидеть дома, чтобы носы не отвалились, так что на танцы не пойдём. Ура!

(«Слабо!» — приём «улицы».)

Что тут началось!

— Как это не пойдём! Это маленьким надо дома сидеть, а мы ведь взрослые.

— Не отвалятся наши носы, не бойтесь.

— Это что, из-за какого-то мороза пропускать занятия, что ли?!

— А если всю зиму будут морозы, мы так и будем дома сидеть?

— Сегодня совсем даже и не холодно. Никакого мороза и нет.

Забили аргументами. Голосуем. Все «за». Подчиняюсь большинству. И тихо ликую.

Идём на танцы и попутно проводим практическое занятие на тему «Что такое мороз и как с ним обращаться». Наши теоретически подкованные дети полностью беспомощны во многих житейских вопросах. Я бы сказала: опасно беспомощны. Они теряют варежки, шапки, сменную обувь и даже пальто, не говоря уж о карандашах и резинках. Они могут пойти гулять под дождём в сандаликах. У них плохой аппетит на всё, кроме конфет, которые они сосут не переставая. Они не стригут ногти и не моют руки, пока кто-то не заставит. В сухую погоду они умудряются найти-таки лужу, единственную на весь микрорайон, и перемазаться в ней до ушей. Они простывают неизвестно где и болеют неизвестно сколько. А детский травматизм! Это страшная тема. Но у нас в моде умилительно-смешливый тон, когда речь заходит о детских проделках и ошибках. В моде примерно такое же отношение, как к алкоголикам. Сидит в трамвае пьяный, куражится, несёт ахинею, а вокруг смеются его плоским шуткам, подбивают на новые «подвиги». Так было. Человек втоптал в грязь самое лучшее, что дано природой, — свой мозг, стал жалким и ничтожным — это не смешно. Наконец-то мы это поняли. Но бездумное, легкомысленное отношение к детям, точнее к миру детства, внешне благополучному, осталось. По сути, мы смеёмся над тем, что дети не умеют «вписываться» в жизнь, не могут сохранить себя, своё здоровье, не в состоянии обслужить себя, помочь себе. Ничего не изменится к лучшему, пока мы, взрослые, не поймем, что это НЕ СМЕШНО, и не подойдём к проблеме по-

новому.

Мы с ребятами вырабатываем сейчас новое мышление, новую систему ценностей. Работа эта идёт второй год, не прекращаясь ни на один день. В нашем сегодняшнем окружении всё это кажется нелепым, непонятным и ненужным. Но мы терпеливо гнём свою линию, работаем на будущее: престижно быть крепким и здоровым, а болеть, особенно простудными заболеваниями, — стыдно.

И это совсем не безжалостная, а, наоборот, самая гуманная позиция. Тебя, ЧЕЛОВЕКА, какой-то ничтожный залётный микроб уложил на обе лопатки! А знаешь почему? Подраспустился: физкультурой не занимаешься, холодной воды боишься, в меню у тебя вместо супа конфеты, вместо второго блюда жвачка. На улице бегаешь — спина парится, а грудь льдом покрывается, лень застегнуться? А ноги почему промочил? Не хватило ума лужу обойти? Теперь кашляешь, чихаешь, из носа бежит — красавец! Посмотри на Егора, на Славу, на Катю. Стройные, подтянутые, бодрые, никогда не простывают, занимаются спортом, хорошо учатся — потому что здоровые. Твой микроб к ним тоже залетал, хотел напасть — так еле спасся. Удирал, только пятки сверкали.

Не знаю, сверкают ли пятки у микроба, но приём действует отлично. К серьёзным болезням у нас, конечно, отношение другое. Мы тебе сочувствуем и постараемся помочь, но ты постарайся больше не болеть, видишь, как мы огорчены, нам тебя очень жаль. Как хорошо быть здоровым! Старайся беречь здоровье. Не надейся на больницу и лекарства, надейся на себя.

Мы уже многое умеем: пройти под дождём и не замочить ноги, сделать в классе генеральную уборку и остаться чистыми, прозаниматься 4 урока и не оставить после себя ни одной соринки, даже дежурным нечего делать. Теперь вот учимся не обмораживаться.

Закутались хорошенько, закрыли лоб, нос, щеки и отправились на танцы. Шли короткими перебежками — ветер в лицо. Раза три заскакивали в подъезды, проверяли друг друга, не обморозился ли кто. Растирали лица — и опять вперёд. Пришли в ДК целые, румяные и очень довольные — такие трудности преодолели! Но лень не побеждена, она только временно отступила.

Через несколько занятий договорились, что «дальние» ребята (они живут ближе к ДК, чем к школе) пообедают дома и будут ждать нас в последнем подъезде. Там мы встречаемся и идём на танцы. Таня, Наташа и Гоша не пришли. Ни в подъезд, ни в ДК.

На следующий день Татьяна, глядя на меня детски-ясными глазами, сообщает:

— Мы ждали, а вы за нами не пришли!

— Да что ты говоришь! Правда?! Ну, что ж это мы так, а? Подвели вас… Ай, как нехорошо!..

От такой концентрации сарказма в голосе вспыхивают даже закалённые уши Татьяны. Но она все-таки не в силах отказаться от мысли поразить мою чёрствую педагогическую душу испытанным детским взглядом и бормочет что-то вовсе несуразное:

— Мы правда-правда вас там ждали… только мы не знали, где этот последний подъезд… Но мы в нём были.

Ребята с любопытством выслушивают оправдания Татьяны, но тут не могут удержаться от хохота. Смеётся и Татьяна, поняв нелепость своих доводов. Гоша пока не дорос до такого уровня взаимопонимания и только хлопает ресничками, не найдя на сей раз уважительных причин.

Упорно не ходит на танцы Света. Идёт она только в одном случае — если я веду её за руку. Нет, она не противится, более того, идёт довольная и танцует охотно. Но самой собраться! переодеться! прийти! — нет, это выше её сил. Так и водим её по очереди, то я, то подруга Лена, которая очень любит танцевать.

Через раз приходит Женя Н. У него своя драма: вышла замуж сестра, которая была для мальчика самым близким человеком. Он бросил школу, сидел дома в полном отчаянии, которого не умел объяснить. А дома тяжело: больная мать развелась с отцом-алкоголиком, но разменять квартиру не может, так и живут под одной крышей. И ничем я Жене помочь не могу. Только пытаюсь вытащить из беспросветного настоящего в более ласковое к нему будущее. Но он не знает другой жизни, а в этой ему плохо. В школу вернулся, но с танцев удирает с какой-то злой бравадой, хотя танцевать ему нравится, он ритмичен, музыкален, быстро всё схватывает. Чувствую с его стороны упорное сопротивление. Завелись «дружки» из IV класса, учат его курить, ругаться, завлекают в свою жизнь, свою систему ценностей. Взяться и за них бы вплотную, но люди, которые за них отвечают, предпочитают ничего не замечать, а ложкой моря не вычерпаешь. Долго и трудно пришлось Женю «отбивать». Приняли его в секцию самбо (в виде исключения — маленький!), и дело пошло на лад.

Словом, научиться хочется, танцевать хочется, выступать хочется, но если для этого надо после уроков переодеваться, собирать сумку, обедать, отрываться от стула да ещё и идти, поскольку никто не хочет отнести ребенка на руках, — нет уж, увольте, такие труды не для нас.

(Никак забыла, что наше бремя, время достижений,

перевыполнений и благополучных рапортов? Ни слова ведь не сказала о тех 27 сотрудниках, которые не пропускают занятий, трудятся в поте лица и на уроках, и на танцах, у которых уже образовалась хорошая привычка к преодолению. Они втянулись в напряжённый ритм жизни, и он им нравится. Там пока всё в порядке, и я не оглядываюсь. Всё нормально, так и должно быть. Но вот эти десять меня очень беспокоят.)

И когда подходит после занятий Света и радостно сообщает: «А я уже всё время хожу, не пропускаю занятий. И у меня немножко получается, правда же?», я могу по достоинству оценить её победу над собой. Более того, она стала приходить на занятия даже тогда, когда (редко, правда) их пропускала Лена. А этим уже можно гордиться: появляется самостоятельность в поступках.

И вот итог полугодовых усилий: в конце апреля отчётный концерт в ДК. Участвуют все коллективы.

Смотрела я концерт из зала, как совсем посторонний человек, — полезно бывает на что-то привычное взглянуть со стороны. Наконец объявляют танцевальную композицию. Звучит полонез, на сцену выплывает настоящий цветник: сияющие и взволнованные лица, красивые костюмы и платья (ДК заказывал в ателье). Все такие подтянутые и счастливые. Кружатся в вальсе. Свету ведёт совершенно неотразимый Денис. Накануне он куролесил на репетиции и его уже хотели отправить домой, но он очень просил простить его и разрешить выступить. Обещал постараться и слово сдержал. Света тихо сияла. Я впервые увидела на её лице столько прекрасных человеческих эмоций. (В начале года на нём можно было прочитать только пустое равнодушие и скуку.) Третья часть композиции — в современных ритмах. Зал долго аплодировал: выступили замечательно. Потом состоялось обсуждение, на котором одна дама, кажется руководитель кружка, высказала такое мнение:

— Всё хорошо, но не надо было выпускать на сцену последнюю пару. У меня не было эстетического удовольствия, когда я на них смотрела.

Вот это позиция! Да, пластика Дениса оставляет желать лучшего. Да, Света — полная девочка. Но их старание, их праздничные лица, мне кажется, доставили зрителям больше удовольствия, чем халтурная игра иных профессионалов, которую мы нередко видим па сцене.

В атаку на эту позицию!

Я. Наша задача, задача школы — образовать, и эстетически тоже, всех детей. Не избранных — всех! А ваша прямая обязанность — поддерживать школьного учителя в этом нелёгком

деле. Даже если это не доставляет вам эстетического удовольствия.

Она. Но ведь и мы, ДК, записываем в кружки всех, без исключения, детей, которые к нам приходят.

Я. Ничего подобного! У вас идёт отбор, да ещё какой — в два этапа. 1-й — как бы естественный: приходят записываться далеко не все дети, а только те, которые чувствуют склонность к танцам, пению, рисованию и так далее. Как правило, это дети развитые, из благополучных семей. К вам Инна сама прибежит, она и поёт, и танцует, и в театре играет, и рисует, и учится отлично. А Света ни за что не пришла бы к вам, ни в один кружок, так как никаких склонностей да и желаний не обнаруживала, кроме двух — есть да на печи лежать. Но кто же её-то будет развивать, тормошить, учить? Прозанималась полгода, и оказалось, что девочка-то способная. Вы видели её сегодня? Это же самый счастливый человек! Жаль, что не познакомились вы с ней в начале года… Дальше 2-й этап — искусственный отбор. Пришёл к вам ребёнок, записался в кружок. И вот время идёт, а у него никак не получается. У других выходит, а у него нет. Останется он в кружке? Нет. Он тихо и незаметно уйдёт. В кружке останутся так и так самые — не скажу способные — подготовленные. А куда пойдёт этот, который отстал ещё на старте — и из-за нас же, взрослых? Кому он нужен? И потом, понимать и ценить искусство, а через него и других людей — это огромный труд, многолетний труд, радостный труд, вкус которого можно почувствовать, только попробовав самому.

Худсовет поддержал мою позицию.

Регулярные занятия танцами принесли плоды. Ребята стали раскованнее, пластичнее. Более ловкими стали движения… и улучшился почерк. Дети научились ценить время, не. тратить его попусту, стали организованнее. Увереннее стали держаться и на сцене.

Выступаем часто: ребята постоянно должны чувствовать, что их труд кому-то нужен, что они могут, если постараются, принести людям радость.

Ещё в ноябре мы пригласили в гости I класс. Их учительница Людмила Георгиевна заинтересовалась нашей работой. Сценки первоклассникам очень понравились, и Л. Г. попросила помочь им создать такой же театр. (До этого ни один человек в школе — я имею в виду учителей — ни разу не выразил ни малейшего любопытства. Удивительно…)

У нас с Л.Г. обнаружилось много общего: мои дети — лучшие в мире, это понятно, но оказалось, что и её дети — тоже лучшие в мире! Мы подружились.

Мои второклассники фактически стали шефами первоклассников, называли их «наши малыши».

Первым делом стали учить проводить музыкальную зарядку. Ходили к первоклассникам по очереди, по двое. Сначала показывали, потом отрабатывали с ними каждое движение.

Зарядка понравилась. За помощью обратились и другие учителя, а мои ребята всегда была рады кому-то помочь. В нескольких классах стала проходить музыкальная зарядка под руководством моих добровольных консультантов.

И вот тут-то наконец администрация заметила появление в школе музыкальной зарядки. Более того, на педсовете пунктуально отметила все классы, где ее проводят. Кроме нашего. В наш адрес, как обычно, неслась ругань. Учителя молчали.

Нас (и меня и ребят) постоянно унижали и чернили в глазах учителей, а их в школе около ста. Слова не давали. Ни в коем случае. Метод такой в просторечии называется «катить бочку». Катится, подпрыгивая, железная бочка с жутким грохотом, лязганьем и уханьем — какой эффект! (Потому что пустая…) Остановить ее — и тишина. И все удивляются: что же там так гремело? Останавливать бочку мне не позволяли. Наоборот, заботливо подталкивали: пускай катится, создаёт общественное мнение. Так и получилось: в коллективе нас не знали (и не стремились узнать), но каждому было точно известно: я — плохая, класс — ужасный.

Это не ТАКАЯ администрация, это ТАКАЯ борьба, ТАКИЕ её методы.

Но вернёмся к зарядке. Следующий шаг — театр.

После уроков к нам приходят первоклашки и с широко открытыми глазами, ушами и даже ртами почтительно внимают моим артистам, авторитет которых, они признали сразу и безоговорочно. А артисты — уже не артисты, они режиссеры. Довольнехонькие режиссеры: учить других тому, что умеют сами, делиться радостью стало для них потребностью.

Разбились на группы, передают малышам свой прошлогодний репертуар. А я смотрю на них и лишний раз убеждаюсь, что человеку обязательно нужны младшие братья и сёстры. Чтобы было о ком заботиться, кого опекать и защищать, учить и помогать. И чувствовать себя сильным, добрым, умелым. И становиться человеком ответственным, способным принимать решения и выполнять их.

Одна из наших бед — инфантилизм. До седых волос модно ходить в «молодых», которых, соответственно, надо кормить, одевать. Мало того, решать за них, отвечать за них — смотреть противно. А ведь уже второклассники — вполне взрослые люди,

которым многие проблемы по плечу, хотя и мал у них жизненный опыт.

Оля с Инной передают «Кто виноват?» и очень довольны своими ученицами. Алёша Щ. ставит «Ку-ку» А. Барто, занимается с мальчиком, которого Л. Г. предложила на главную роль. Вижу, дело туго идёт: Алеша что-то ему объясняет, втолковывает — нет, не доходит. Развёл руками, идёт ко мне:

— Ничего не получается.

— Почему?

— Он не берёт.

Как точно выразился! Я старалась наглядно, образно показать ребятам, как тяжело работать с человеком, пытаться дать ему знания, если он сам не проявляет активности, не старается усвоить. Вязкая, нудная и безрезультатная работа. И вот Алёша испытал это на себе и сумел замечательно выразить.

Пошла вместе с. Алёшой, послушала — да, действительно, мальчик «не берёт». Сидит и кое-как повторяет за Алёшей вялым голосом. Не в тонусе, нет энергии, азарта. А рядом другой — даже подпрыгивает:

— Можно я попробую, а? Ну, пожалуйста!

Конечно, можно!

И дело пошло. Этот, другой, не то что берёт, из рук выхватывает. Глядя на него, и тот загорелся, стал разучивать другую роль в этой же сценке.

Вообще вопрос активности ребят чрезвычайно интересный. Бывают дни, когда они только заходят в класс, а я уже вижу: день полетит кувырком, если не принять экстренных мер. (Как бы помог здесь детский психотерапевт, а именно специалист по музыкотерапии!) Входят в класс перевозбуждённые, расторможенные, «не в себе». И не один-два, а почти все. Но бывает, и чаще всего на следующий день, — спад. Идут и спят на ходу. Такой день ещё труднее: попробуй-ка поработать в сонном царстве. Дети таращат пустые глазенки и погружаются в глубокую дрему, как только возникает угроза шевеления мозгами. Но проходит эта фаза, и класс становится нормальным — дети в меру активны, работают энергично и весело.

В I классе мне удалось разгадать тайну внефазовой дремоты, не имеющей, казалось бы, никакой закономерности; На самом деле закономерность была, только искать её надо было… в программе телевидения.

— Товарищи, кто из вас ложится спать в 9 вечера?

Лес рук.

— А кто вчера лёг в 9?

Уже, не лес, а непролазная чаща. Какое счастье мне привалило: передо мной сидят совершенно образцовые дети!

После уроков ненароком интересуюсь:

— Да, а кто из вас вчера вечером смотрел фильм по телевизору?

Опять лес рук. Это уже становится загадочным… Фильм шёл до полуночи — две серии.

— Знаете, я до конца его не досмотрела… Может, вы мне расскажете, чем там все кончилось?

И мои примерные дети бросились меня просвещать,

перебивая друг друга.

Вот как все просто, оказывается.

Всё чаще приходится слышать в школе:

— Вместо того чтобы телевизор смотреть, ты бы лучше об уроках думал.

Противопоставлять учебу телепередачам — это своими руками выигрыш превращать в проигрыш, из плюса делать минус. Кругом видим одни недостатки. А недостаток — это такое достоинство…

Эх, дали бы мне развернуться на этом поприще. Я бы первым делом издала каталог мультфильмов. С аннотациями. То же самое и с «Ералашем». У нас в этой области работают замечательно талантливые люди — сценаристы, режиссеры, художники. Но находятся они в положении Золушки.

Читаю программу ТВ. Подробно указаны и названия передач и даже имена участников, ведущих. А потом: «19.15 — мультфильм». И всё. Иногда указано название, и тогда, если я фильм видела, могу заранее настроить ребят на восприятие, создать определенную установку.

Нам бы так писали: «20.15 — художественный фильм». И сидите, товарищи взрослые, гадайте, то ли все дела бросать и бежать к телевизору, то ли от него. Что бы мы сказали, если бы с нами так обошлись? А с детьми можно? Но ведь это гораздо опаснее! Мы-то сумеем отличить шедевр от халтуры, а дети принимают из наших рук всё подряд и всё подряд считают хорошим. И в результате:

— Ты любишь смотреть мультфильмы?

— Да!

— А какие тебе больше всего понравились?

— Все! — не раздумывая.

Вот такая всеядность. Умных, глубоких мультиков он наверняка не понял, так как тут требуется немалая работа: предварительная установка, — просмотр — анализ, осмысление — просмотр. Только тогда приходят понимание и радость. Радость на хорошем, глубоком уровне, радость со-чувствия и со-понимания. Но есть ведь радость и от того, что на экране просто движутся рисованные фигурки. Пустых, бездарных мультиков он тоже не поймёт, как не понимают, что тиражируют псевдоискусство и сами их создатели. Подделки эти вырастают на почве полного неуважения себя как автора, презрение к зрителям-детям (сю-сю!) и наплевательского отношения к своей работе. Скачут и суетятся на экране зайчики и белочки, болтают глупости приторными до отвращения голосами, а в зале или у телевизора сидят дети и пропитываются пошлостью, поскольку отличить

истину от фальши не умеют.

После просмотра (без установки, на следующий день всё не так, как надо бы) обязательно обсуждаем мультфильмы, спорим. У ребят появляются вопросы, и это замечательно. Они пытаются разобраться в отношениях героев.

В фильмах — медведи, коты, гусеницы, а отношения-то человеческие, проблемы человеческие, нравственные категории человеческие. Обсуждаем мы только то, что достойно обсуждения. Когда нравственные задачи на экране пытаются решить неубедительными эстетическими средствами, получается ложь. И я хочу, чтобы дети умели отличать ее от правды, чтобы не стали всеядными потребителями, а потом равнодушными и к искусству, и к морали в равной степени людьми. Мало ли мы таких уже вырастили! А образец правды — Олег Табаков — кот Матроскин. Это же гигант, личность!

Я бы ещё издала книжки лучших мультфильмов: кадр — текст. Лучшие определила бы по итогам самого широкого обсуждения. Вообще-то, такие книжки и наборы открыток есть, их издают, но, видимо, весь тираж отправляют в Антарктиду: если бы куда поближе, я бы сумела раздобыть для ребят. Правда, несколько книжек, далеко не самых лучших, мне удалось летом купить. Для этого пришлось поехать в Москву, в чёрной маске ворваться в помещение Всесоюзного бюро пропаганды киноискусства и поставить вопрос ребром: книжки или жизнь?! Работники бюро после долгих раздумий выбрали жизнь и согласились продать мне 12 книжек. Похуже. С лучшими они не расстались, несмотря на мои разбойничьи методы добывания материалов для воспитания детей.

В начале года смотрели интересный мультфильм «Он попался» («Союзмультфильм», 1981). Некоторые моменты я… конспектировала — а что прикажете делать?

В лесу стало известно, что Зайца поймал Медведь. Белка собирает команду спасать Зайца. Идёт к его друзьям.

Бурундук. Я сейчас… я не могу… у меня ангина и ногу сломал. Эту. Нет, вот эту. А что ты ему скажешь?

Белка. «Как не стыдно!»

Бурундук. А он скажет: «А вот и не стыдно!»

Белка. Скажу «Позор!»

Бурундук. А он тебе по шее, по шее.

Белка. Бобер, идём Зайку спасать. От Медведя.

Бобер. А от какого? От белого или от бурого? Если от белого, то они в наших краях не водятся, ну а если от бурого, тогда совсем другое дело!

Подобные мультфильмы входят как составная часть в наши

театральные занятия. В мечтах, конечно, иначе, чем в действительности. Там — школа полного дня, там наряду с библиотекой есть фонотека и видеотека. Мультфильмы в комплекте со сценариями и методическими разработками (необязательными, бери то, что тебе и твоему классу подходит). Когда такое будет! Но для того чтобы это было завтра, надо пошевеливаться и что-то делать сегодня. Мы делаем всё, что можем.

А можем мало. По свежим следам используем на уроках фрагменты недавно увиденных мультиков и «Ералаша», но время идёт, и детали стираются в памяти ребят, а вернуть, вспомнить — невозможно. В фильме, как и в нашем театре, моделируются ситуации, обнажающие жизненные позиции и отношения. Если говорить всерьёз, по-взрослому о людях и их непростых проблемах, дети не поймут, заскучают, так как еще не доросли. Но в фильме те же проблемы — есть добро и зло, и, пытаясь остаться в стороне, неизбежно переходишь на сторону зла; есть отвага и трусость, «добро с кулаками» и демагогия, заменяющая поступок рассуждениями, — словом, вполне взрослые проблемы изложены языком искусства, который доступен детям. И, что очень важно, без нотаций. Дети понимают, задумываются, теоретически определяют свою позицию. Потам, в театре, практически проигрывают ситуации, вживаются в разные роли. Теперь они лучше готовы встретиться с непростыми житейскими проблемами. Они узнают демагога и труса в любом обличье, увидят за всеми словесными выкрутасами, так как обратят самое пристальное внимание не на слова, а на поступки. Они вооружены.

Разумеется, и. любое происшествие мы подвергаем самому подробному анализу: причины, последствия, мотивы поступка, иные варианты. Столь же ярко высвечиваем и незаметные на первый взгляд случаи, пустячки, в которых тем не менее вдруг проявляется скрытая черта или новое созревшее качество. (Такие проявления я называю протуберанцами.)

Ездили мы ещё в сентябре в кинотеатр «Пионер», смотрели замечательный фильм «Айболит-66» (я бы его включила в программу школы полного дня). («Я бы сделала, я бы включила…» — только дай ей волю!)

Едем обратно. Ведут себя прилично, сдержанно. Но вот, казалось бы, мелочь, не заслуживающая внимания. Сидит женщина, рядом стоит Наташа Л. И захотелось Наташе на запотевшем стекле рожицу нарисовать. Захотела — рисует, при этом её локоть в каком-то сантиметре от лица женщины. (Пишу это слово и сразу начинаю кипятиться: ну почему «у них» — леди,

мадам, госпожа, пани, сударыня в конце концов, а у нас — «женщина»?! Язык, он живой, он сам создаст — без наших потуг — другое слово, когда станет другим отношение.) Та отодвигается, укоризненно взглянув на девочку. Но ребёнок увлёкся рисованием и ничего не замечает — бывает!

Расценить как пустяк? Ведь никто ничего и не заметил. Нет, не пустяк. Это явный переход границы свободы. Наташа женщину видела, не могла не видеть — просто не замечала, не принимала во внимание. Она, рисуя на стекле, действовала в своих интересах в ущерб интересам другого человека. Не с таких ли мелочей начинается привычка шагать по головам?

Вот сейчас и надо делать прививку, а не тогда, когда дитя станет подростком и соответственно вырастёт его нравственность или безнравственность. Сегодня это пока ма-аленькое, просто крохотное, но — правонарушение.

Нотаций не читаю, бесед не провожу. Воссоздаю ситуацию в классе, на перемене. Разговариваем с Наташей у окна о чем-то постороннем. Рисую пальцем на стекле. Мой локоть у лица Наташи. Стоит мне эта поза порядочных усилий — не могу, мне неловко, потому что неприятно ей. Но надо! Терплю… Она отодвигается. Я как бы нечаянно — за ней. Она опять отодвигается.

— Наташа, ну куда же ты? Ты мне не мешаешь, мне удобно…

Наташа смутилась и сама заговорила о случае в трамвае! Она сразу поняла, о чём пойдет речь. (А речь ни о чём не пойдёт, всё ясно.) Думаю, что так быстро прийти к взаимопониманию (хватило намека) помогла «Школа клоунов» Э. Успенского.

Тов. Помидоров ничего не терял, потому что перчатки, галстук и даже документы у него были на резиночке. Клоуны стали его щёлкать.

— Как вам не стыдно! — сказала Василиса Потаповна. — Вы обижаете товарища путем хлопания по нему разными вещами.

Саня и Шура слушали, а сами все щелкали и щелкали…

Тогда вмешалась директриса:

— Хотите, я вам фокус покажу?

Она взяла перчатки на резинке и дала одну Сане, другую Шуре. Попросила их разойтись, держа перчатки в зубах. Резинка натянулась.

— Готовы? — спросила директриса.

— Готовы! — ответил быстрый Саня и выпустил перчатку.

Она как полетит! Как шлёпнет Шуру по физиономии.

— Ну что? — спросила Ирина Вадимовна. — Нравится?

— Не нравится, — ответил Шура.

— Поняли, в чем тут намек?

— Поняли! — ответил Шура.

— А я не понял, — сказал Саня.

— Тогда повторим.

Живём один раз. Хотелось бы «набело», но не получается. Совершаем ошибки, делаем глупости, порой после драки кулаками машем, сожалеем, что сказали не то, сделали не так.

Хочу научить ребят видеть себя в окружающей обстановке, легко разбираться в ней, правильно реагировать. Для этого вооружаю «черновиками» поступков. В них удачные и неудачные варианты, подробный анализ с оценкой достоинств и недостатков. Дети должны быть подготовлены. Вроде получается… Они уже сейчас борются с дикостью и атавизмами в себе и с несправедливостью вокруг. У многих моих «выпускников», ныне шестиклассников, есть чёткая нравственная позиция, которую они умело, последовательно и бесстрашно отстаивают. Кое-чему научились и второклассники. И в конце второй четверти они это дружно продемонстрировали.

На урок опоздала — на 20 минут! — Наташа Д. ЧП! У нас даже новенькие перестали опаздывать: поняли, что в коллективе к этому явлению нетерпимое отношение. (Если человек пришел позже по уважительной причине, то он не опоздал, а задержался.) Ребята научились работать. Они почувствовали, что умственный труд очень тяжёлый, требует тишины и сосредоточенности. Все — в работе, но вдруг распахивается дверь, и на пороге возникает некая фигура. Она, фигура, проспавшись, решила осчастливить общество своим появлением. Работа насмарку. Все во гневе.

Наталья — «старушка», ей тем более непростительно опаздывать. Но она несколько дней подряд появлялась перед самым звонком, а сегодня. — пожалуйста! — к середине урока. Бочком протиснулась в дверь. Тишайшим голоском:

— Здравствуйте… Можно войти?..

Только я было собралась разгневаться, как вдруг все встали. Признаться, удивилась… Ребята охотно пояснили:

— Мы Её Величество Д. приветствуем: наконец-то она пожаловала!

Наталья шла на место, еле сдерживая слезы, а её ещё и аплодисментами провожали. Тут уж она разрыдалась. На следующий день пришла в школу первой и больше не опаздывала.

У нас правило никогда не напоминать нарушителю принятых нами норм о его проступке. И здесь то же: резко выразили своё отношение к опозданию (существенно — не к Наташе, а к её опозданию как неуважению всех нас), увидели, что Наталья всё поняла, забыли плохое.

Да, я оказалась не на высоте: недооценила своих детей.

Значит, надо поразмыслить, где я от них отстала. Они явно превзошли уровень моих ожиданий. Проанализировать, догнать и перегнать, чтобы возглавить. (Кто кого воспитывает в самом-то деле?! Бывшие мои ученики меня многому научили, многим в себе сегодняшней я обязана им, а теперь моя очередь.)

Я знала, что театральный, игровой код они уже освоили. Но уровень владения им — для меня новость. «Все встали» — неточно. Разница в секундах, но первыми встали ситуационные лидеры (это те, кто берёт на себя разработку ситуации, ведёт за собой других и, сыграв свою роль, уходит в тень), остальные мгновенно их поняли и поддержали. И всё без единого слова.

Ребята хорошо понимают информацию, переданную взглядом, мимикой, жестом, позой. Могут и сами говорить на этом кодовом языке. В его основе — принцип экономии усилий.

Раньше Сережа В. влетал в класс со звонком, сбивал на дороге стул, но не догадывался его поднять. В подобном случае я должна была ловить его за рукав (Серёжу, не стул), много чего говорить, много чего выслушивать («А я чё, я ничё…»), потом подводить к стулу да ещё и уговаривать его поднять. Серёжа поднимал с ворчанием и твёрдой уверенностью в том, что стул упал исключительно из вредности, сам по себе, дабы досадить славному мальчику Серёже. Ныне жизнь моя стала значительно легче и приятнее. Теперь я «вешаю» паузу и удивленно-осуждающе даже не смотрю — взглядываю на Сережу. И он с понимающей улыбкой восстанавливает порядок. Вся процедура занимает какие-то секунды. Налицо экономия энергии, времени, настроения.

Код — одна из основ взаимопонимания. К коду относится и намёк. Ещё год назад мы поставили сценки по стихотворениям А. Барто «Ку-ку!» и «Сильное кино» («Ку-ку», — говорили мальчику одноклассники в ответ на его особо завиральные речи. Во второй сценке мальчик косноязычно пересказывал сестрёнке содержание фильма). Сценки получились очень интересными. Были они у нас в репертуаре три года, и в течение всего этого времени мы их переделывали и совершенствовали: возможности в них заложены большие. Реализовывались эти возможности не только на сцене.

Саша Ш. на перемене что-то втолковывает Алеше Щ.:

— Ну, ты понимаешь, это как вот приделано, а здесь это… ну, как его… ну, которое, понимаешь…

(Разговор сугубо технический, видимо значимый для Саши, увлеченного техникой, но, когда Саша волнуется, он и двух слов связать не может. Шутка, смех хорошо снимают зажатость и выводят Сашу из этого состояния.)

Алёша внимательно слушает, потом тянет одобрительно-

иронично:

— Да-а, сильное кино!

Оба смеются. И речь идет свободнее.

Жене М., сообщившему нам, что он не выполнил упражнение, потому что потерял ручку, мы можем сказать: «Ой, ку-ку, ку-ку!» — И всё ясно. И Жене, и всем остальным. Ребята знают: кто хочет делать — ищет возможности, а кто не хочет — оправдания. Любые. Вплоть до «ку-ку». На это и намекнули.

Посторонний ничего не поймёт, поскольку информация закодированная. А нам такой код экономит время. Но у него есть и более важная функция: он вызывает чувство общности. И радует: как хорошо мы понимаем друг друга! Без лишних слов. Код развивает наблюдательность, зоркость, побуждает мыслить и делать выводы из своих наблюдений. Тебе ничего не сказали, но ждут, что ты все поймешь. Ты же сообразительный, верно? По крайней мере все на это надеются — не подведи! Очень хочется соответствовать ожиданиям друзей, тут уж постараешься!

Владение кодом даёт чувство защищенности — «я среди друзей, они меня поймут». Может быть, благодаря этому чувству появляется бесстрашие в поступках. Опоздал — не станет прогуливать, прятаться, хитрить, несёт повинную голову. Получил — заслуженно — не ту отметку, которой можно порадовать родителей, непременно скажет об этом.

В январе преподнесли сюрприз на контрольной по математике. Обнаруживаю у Инны, Наташи Д. и Наташи Ч. (они сидят друг за другом) в тетрадках странные вещи; во-первых, абсолютно одинаковое решение задачи, а во-вторых, совершенно бредовое.

— Голубушки, помните у Э. Успенского: «С ума по отдельности сходят. Это вместе только гриппом болеют». Прошу вас посовещаться и доложить, как с вами могло случиться такое несчастье.

Докладывают. Инна:

— Совсем же лёгкая задача! А я почему-то думала, что на контрольной будет трудная, и запуталась.

Наташа Д.:

— А мне думать было неохота, и я списала у Инны.

Наташа Ч.:

— А я — у Наташи…

Нелегко далось подобное признание девочкам, тем более что в классе у них заслуженно высокий авторитет. И тут — на тебе! Сразу выскочил быстрый на язык Серёжа:

— Вот откуда двойка: виновата Зойка!

Наташа, с обидой:

— Мы же не оправдываемся! Сами виноваты!

Кодирование ни в коем случае нельзя противопоставлять развитию устной речи. Одно другому не мешает, напротив! Речь мы развиваем постоянно, используя разные методы. Здесь вопрос меры. Где надо, ребята могут подробно, четко и ясно изложить суть вопроса, а в другом случае уместно ограничиться намёком.

Конечно, далеко нам ещё до отличных результатов, но мы — на правильном пути.

В конце концов все ребята (в разной степени) научились понимать язык взглядов и движений. И театр наш перешёл — в полном согласии с диалектикой — на новый качественный уровень. Дети почти самостоятельно, с минимальной моей помощью, открыли, что можно параллельно передавать речевыми средствами одну информацию, а пластическими — другую, причём противоположного содержания. И что столкновение их порождает комический эффект. И что слова могут солгать, а движения скажут правду, надо только суметь их понять, «прочитать».

(Не ожидала, что дети 8–9 лет на такое способны. И вообще прихожу к выводу, что возможности детей безграничны. Это мы мало что можем им дать.) И вот на этом новом уровне понимания, режиссерском и исполнительском, мы продолжали работу.

Есть у Л. Фадеевой маленькое стихотворение «Непосильная работа»:

Это только дошколята
Без работы бегают,
А ребята-октябрята
Все работу делают.

Каждый знает, что она
Быть посильною должна.
Я хожу и рассуждаю:
Что мне делать из работ?

Непосильная, я знаю,
Двигать шкаф или комод,
А посудомойная, мусорвыносильная,
Пылевытиральная — это все посильная…

Но пока я рассуждала,
По квартире бегала,
Всю посильную работу

Мама переделала!

И вокруг — какая жалость! —
Непосильная осталась.

В тексте заложены богатейшие возможности, и мы должны их выявить и взять на вооружение. Отмечаю для себя подзаголовок: «Монолог лицемера-демагога». С этой позиции начинаем работу.

Ребята трудились очень активно и заинтересованно (значит, и этот высокий уровень трудности для них вполне доступен!), спорили, вносили ценные предложения. И вот что получилось.

Мама (Лена К., у неё роль без слов) устало убирает в комнате. На первом плане из угла в угол ходит дочь (Лена М.), жестикулирует по мере надобности, но в основном держит руки в кармашках платья. «Правильным» голосом говорит «правильные» слова. В то же время изо всех сил старается не увидеть мать с ее заботами. А не увидеть то, что перед глазами, — надо постараться! Дочь, желая продемонстрировать свой трудовой энтузиазм, изложенный в декларации, подходит к пианино и вроде бы пытается плечиком сдвинуть его с места. С притворным огорчением разводит руками: сами видите, товарищи, не по силам бедной девочке этакий труд! Нечаянно опирается рукой на крышку пианино — вся ладонь в пыли. Торопливо отряхивает руку, делая вид, что ничего не заметила. Мать видит её уловку, подходит, вытирает пыль, укоризненно смотрит на дочь. А дочь продолжает демагогическими речами заглушать в себе голос совести. Все сделав, мать уходит. Дочь старается изобразить огорчение «по поводу отсутствия» горячо любимой работы, но не в силах сдержать довольную улыбку, которая расползается по лицу.

Обе Лены сыграли прекрасно. Мы собственными усилиями вскрыли уловки и хитрости ещё одного нашего врага — лицемерия. Теперь дети смогут опознать его при встрече, сумеют противопоставить ему свою позицию, потому что во время такой работы ума и души у каждого ребенка образуется свое отношение к происходящему, вырабатывается гражданская позиция. И позиция эта проявляется на деле.

Ставили мы сценку по стихотворению С. Михалкова «Одна рифма» («Шёл трамвай десятый номер по Бульварному кольцу…»). Стихотворение заканчивается фразой «Старость нужно уважать». Повторяем сценку раз, другой… Вроде бы делаем всё правильно, но… что-то не так. И вдруг, неожиданно для меня и, наверное, для себя тоже, безо всякого предварительного

обсуждения, спонтанно исполнители играют другую концовку, да так дружно и слаженно, как будто она была заранее отрепетирована. Двое пассажиров трамвая подхватывают пионера Валентина под руки и выносят под его возмущённое бормотание: «Куда вы меня несёте?! Это же не моя остановка!» (В роли Валентина — Дима Л., тот самый новенький, который сожалел в начале года, что «не тянет».) Еще двое заботливо усаживают старушку на освобождённое место и тут же поясняют:

— Ну, сколько можно на него смотреть?! Надо же навести порядок!

Вот чего, оказывается, не хватало в сценке: действия, дела! Ребята настолько глубоко вошли в предлагаемую ситуацию, прочувствовали её, что не выдержали, вмешались, перекроили по-своему, в соответствии со своими представлениями о справедливости. Причём все вместе, не сговариваясь, на едином порыве. Это уже активная позиция. Но тут ещё надо отдать должное Кате, она играла старушку. Задача перед ней стояла чрезвычайно сложная: сыграть старушку так, чтобы никто не засмеялся, а в нашей смешливой аудитории к этому, один путь — все должны увидеть старость, которой трудно разогнуться, трудно передвигаться, которую клонят к земле возраст и болезни. И никто не должен увидеть Катю — в школьной форме и с косичками. Катя справилась, как до неё, ещё в прежнем моём классе, справилась Лена Лысак. (Всё же правы методисты: мне всё время попадаются только замечательные дети!)

Активная позиция проявляется не только на театральных занятиях. Ребята перестали ссориться, стали добрее и терпимее друг к другу. Часто проявляют инициативу — помогают первоклассникам (не только «своим») дежурить в столовой, те пока ещё убирают медленно и неуклюже. Приходят на помощь без всякой просьбы, только увидев, что кому-то трудно.

Но всё хорошо в меру, и мне опять придётся проследить, чтобы прекрасное качество — отзывчивость — не превратилось в потакание бездельникам.

Дружат Инна и Наташа. Наташа сломала ключицу, и Инна взяла на себя уход за подругой: одевала её, застегивала пальто, завязывала шапку и шарфик, носила оба портфеля в школу и из школы. Опекала Наташу заботливо и радостно. И Наташа настолько привыкла к этому, что, когда всё зажило и ей можно было делать всё самой, по-прежнему как должное принимала помощь Инны.

— Наташа, почему теперь-то твой портфель носит Инна?

Наташа:

— А ей нравится. Пускай…

Инна:

— Да ничего, мне не трудно!

Дружбе тоже приходится учить…

Дома мамы не нарадуются: дети становятся внимательными, предупредительными, стараются помочь по хозяйству.

И хотя положительные сдвиги уже заметны, до идиллии, конечно, далеко.

Вот пожалуйста — подрались Антон с Денисом. Начали в столовой после того, как я ушла в класс, «додирались» в коридоре. Всеобщий ажиотаж, поскольку драка у нас — явление чрезвычайно редкое.

— На какую тему дерёмся?

Надулись, пыхтят и сопят, но тему не сообщают. Оказывается, драка просто так, без темы. Один нечаянно на ногу наступил, другой стукнул — оба хороши.

— Нет, граждане, не признаю я таких драк. И оправдать не могу. Сколько раз в прошлом году вы меня нечаянно толкали да на ноги мне наступали! Ну, представьте, что я всякий раз бросалась бы драться с Антоном или Денисом!

Смеются все, даже драчуны, у которых перышки уже, улеглись. И правда, интересная картина могла получиться.

— Драка обязательно должна быть тематической! Например, хулиган обижает кого-то слабее себя — малыша, девочку или даже ровесника. Ты заступился. И если обидчик слов не понимает, может получиться драка. А то, что у вас произошло, — просто безобразие.

Я возмущена, что никакое содержание они воплотили в дикую форму, демонстрирую свое отношение — в негодовании ухожу. Насколько помню, это была последняя беспричинная драка. Вообще же вопрос формы и содержания чрезвычайно интересен.

На перемене короткая схватка, в несколько секунд, но сами её тут же прекратили. Сверкают взглядами, Шмыгают носами.

— В чём дело?

Сережа В.:

— Он мне на ногу наступил! И даже не извинился!

Вася:

— Ага, это же не я, меня толкнули! Я хотел извиниться, а ты сразу полез драться!

Явный прогресс. Но поскольку весь диалог в повышенном тоне, я его подхватываю и, чтобы показать воюющим сторонам всю абсурдность темы подобного диалога, подсовываю столь же абсурдную форму. Говорю напористо, энергично:

— На ногу? Наступил?!! Джентльмены такого не прощают.

Всё, дуэль, только дуэль!

Почти весь класс тут как тут: намечается что-то необычное, а уж этого они не пропустят. Обращаюсь к зрителям:

— Товарищи, тут у нас сейчас состоится маленькая дуэль. Надо срочно вооружить противников. Скорее товарищи, а то они передумают.

Женя Н. уже тащит игрушечный пистолет. (Наш Женя давно решил стать милиционером, поэтому не расстается с оружием.)

— Отличное оружие! А второго нет?

Оказывается, все остальные — без пистолетов.

— Ну что же это вы так: в школу — и без оружия! А вдруг кто-то толкнет или наступит на ногу? Ведь тогда надо выхватывать пистолет и кричать: «Пиф-паф!» И к концу смены некому будет толкаться… Дайте же что-нибудь! Вон веник стоит…

Сразу несколько человек бросаются в арсенал за веником. Всё это мы проделали стремительно, и вот Вася и Сережа — у одного в руках веник, у другого пистолет — смотрят друг на друга и хохочут вместе со зрителями.

Я, разочарованно махнув рукой, констатирую:

— Да ну, джентльмены, разве так дерутся на дуэли? Вам бы только похихикать.

Расходятся, на все лады обсуждая происшествие, проигрывая его (идёт переработка информации и нового кодового приёма). Потом, в III классе, ребята стали сами применять приём «доведение до абсурда», причём весьма успешно.

Здесь я вмешалась в событие. Но обычно стараюсь не вмешиваться, только комментировать. Как-то привела своих гражданят в кабинет врача на прививку. Там прикладывают к руке «пистолет» с сывороткой — и готово.

Быстро и безболезненно — это им заранее объяснили. Но вот приходим, и они видят, что «пистолет» большой и страшный и что четыре человека из параллельных классов катаются в истерике: дерганье, визг и море слез.

Содержание действия: «Боюсь идти на прививку». Форма: «Получите истерику и отстаньте». Похоже, форма оказалась выбранной удачно, так как от них действительно отстали. (Потом, в классе, мы всё обсудили и пришли к выводу, что бояться можно и молча, с достоинством, не подавая виду, не теряя лица.) Я мимикой выразила презрение и брезгливость к подобной форме поведения. Дети прочитали эталонное мнение и, сдерживаясь, пошли на прививку. Выходили радостные, успокаивали остальных:

— Ой, знаете, совсем не больно! Не бойтесь!

— А кто боится? Мы и не думали бояться — вот ещё! Но

Антон и Алёша К. — натуры артистические. Они решили сразу убить двух зайцев: продемонстрировать свои страдания и от прививки увильнуть. Заимствовали истеричную форму. Но, поскольку форма эта у нас крайне непопулярна и потому привычки к ней нет, пришлось им трудновато. Я усадила их на кушетку рядом с рыдающей девочкой и сама тут же устроилась. Нет, не успокаивать и не уговаривать — ни в коем случае! Комментировать события.

Антон выпятил губу, надул щеки и начал пыхтеть — давить слезу. Но дело это непривычное, и слеза идти не желала. Да тут я ещё под руку, сочувствующим тоном:

— Ну, ну, ещё немножко! Губу поправь. Щёку чуть-чуть надуй. Да не левую, левая хорошо надута. Вот, порядок. Теперь чуток поднажмем, и слеза пойдёт.

Антон не выдержал и прыснул, а Алёша, глядя на его старания выдавить слезу, давно держался за живот от смеха.

— Ну вот, всё дело испортил. Разве так плачут?! Посмотри, девочка сидит плачет. Вот это настоящее плаканье. Видишь, сколько слез? А ты даже одну не выдавил.

У девочки слёзы давно высохли, улыбается, глядя на Антошины ухищрения, а мне говорит жалобным голоском:

— Я боюсь…

Подхватываю взволнованно:

— Ещё бы! Голову отрезать всегда страшно!

Девочка встала и пошла на прививку.

— Ну что, еще разок попытаемся заплакать? обращаюсь к своим орлам.

— Нет уж, хватит! — и в кабинет.

Поняли, что трагедии не получилось, наоборот, вышла чистая комедия, поскольку я так увлеклась формой их выступления, что совсем забыла о содержании — «дети боятся прививки», И вместо драматического диалога вышла, как всегда, весёлая игра.

В игре мои дети знают толк. Очень любят игру-импровизацию. Это игра необычная. Хочу объяснить. Есть люди, довольные существующим порядком вещей — не важно, плох он или хорош. Для них главное, чтобы ничего не менялось. При любых переменах, т. е. в состоянии неопределенности, они теряются, не знают, что делать и как себя вести, а это вызывает отрицательные эмоции. Творческую личность такая ситуация радуете есть где развернуться, проявить себя. В игре-импровизации тренируется гибкость мышления, готовность к неожиданностям и к их созданию. И всё на положительном эмоциональном фоне. Здесь нет заданности, нет жёстких правил, есть только исходные данные. Правила проясняются по мере

разворачивания ситуации.

Таня Л. ходит с биркой на руке. Не просто ходит, а прохаживается, ждёт нашей реакции. Ребята интересуются, рассматривают, но ей этого мало. Её артистическая натура жаждет игры: ну, что же вы, я даю вам исходные данные! Не понимают — вот люди! Ну-ка поглядим, поймёт ли С.Л.?

Направляется ко мне.

— Татьяна, что это у тебя?

— Бирка такая! — гордо оглядывается на свиту: заметили.

— О, как удобно! Надо почитать, как с нашей Таней положено обращаться. Та-ак… стирать её надо в порошке, причем сначала замачивать на два часа (в раздумье смотрю на её испачканные руки). Нет, замачивать лучше на двое суток… Гладить… Зачем Таню гладить? А может, и правда её надо гладить по головке и говорить, что она умница?..

Татьяна в восторге, свита тоже, сообща продолжают разработку стоп-кадра «Таня с биркой на руке», вовсю веселятся. Маленькая игра, маленькая радость жизни. Дети наслаждаются минутой.

Наташа Ф. и Сережа В. решили пошутить, а может, проверить мою «бдительность»: под полиэтиленовую одёжку своих тетрадей положили бумажные обложки от старых, закончившихся. Сережа — Наташину, Наташа — Серёжину. Замечу или нет?

— Непорядок, товарищи. Надо не так.

И исправила. Получилось: «Тетрадь Чередовой Сережи» и «Тетрадь Вельяминова Наташи». Засмеялись, пошли придумывать вариации на эту тему.

А.С. Макаренко писал: «…Надо уметь видеть прелесть сегодняшнего и завтрашнего дня и жить этой прелестью… Только один человек видит прелесть жизни в куске хлеба или водке, а другой находит более сложные и богатые прелести — в работе, красоте, борьбе, в росте человеческой материи».

Концентрат радости — день именинника. Такой праздник мы проводим два раза в году: перед Новым годом и в последнее воскресенье мая. Программа всегда новая, но обязательны поздравления именинников, концерт-сюрприз, который готовится неименинниками в обстановке полной секретности, «чаевыпивание и плюшкопоедание». (Празднику тоже надо учить.) А после обязательной программы — произвольная. Зимой, например, были игры, танцы до упаду (с нами веселились и родители), поездка в ТЮЗ на спектакль «Анчутка». На обратном пути трамвай сломался, и мы добирались пешком. Последние километры одолевали чуть ли не ползком, шли «спя».

Родители потом смеялись:

— Моя, как вошла в дом, так и села на пол у порога, Я — к ней: что с ребёнком?! А она сияет: «Такой был праздник замечательный!»

На следующий день, в понедельник, бегут ко мне о одним и тем же вопросом:

— А когда ещё будет день именинника?

— Вы же вчера так устали! Отдохните.

— Ну и что! Зато здорово было! Интересно так! Давайте теперь следующий день именинника готовить!

— Когда?

— Да вот прямо сейчас!

И сразу руки тянутся со всех сторон:

— Можно я?

— и я! — кричит «именинник» Алеша.

— Ага, хитренький Алеша, ты уже готовил, нас поздравлял! Теперь наша очередь. Теперь мы тебя поздравим.

— Но я ведь тоже хочу готовить праздник!

— Потерпи, теперь через год.

— У-у-у… — разочарованно.

— Не огорчайся, — утешаю я его. — У нас будет еще много праздников: и в детских садах надо выступать, готовить новую программу, и подарки детям делать, и в другую школу нас приглашали, ещё 8 Марта впереди…

— Ура-а-а!!

В мае день именинника был уже другим. Сначала мы дали театральное представление для гостей, хотя я предполагала его отменить.

— Вы устали…

— Нет, нисколечко! Мы можем еще хоть сто раз выступить!

Пыталась схитрить:

— Ну тогда, значит, я устала. Можно меня, бедненькую и замученную, пожалеть?

И меня пожалели: усадили на лучшее, по их мнению, место в зале и дали представление без меня.

— А вы, С. Л., отдыхайте!

Сидела я среди зрителей, смотрела со стороны получасовую программу и тихо блаженствовала: как хорошо все идёт без меня… А раз так хорошо без меня, то тогда зачем я?

Дети старались вовсю: приятно сознавать себя самостоятельными, ответственными за большое, серьезное дело. Приятно хоть чуточку приблизиться к тем замечательным, необыкновенным Старшим.

Ребята очень любили слушать рассказы о моем прежнем доблестном классе «Б». Особенно их поразила история о том, как

II «Б» ходил в ТЮЗ. Тогда перед зимними каникулами я заболела, слегла с высокой температурой. Две мамы и один папа пообещали сводить ребят в театр — билеты были куплены заранее. После каникул мы обсудили спектакль, ребята оживленно делились впечатлениями. Последний вопрос задала я:

— А взрослым спектакль понравился?

— Мы одни в театр ходили.

— ?!!!

(Тут целую страницу можно заставить всякими знаками. Они будут означать следующее: «Малыши! Одни! В театр! До остановки около километра, на трамвае — если придёт! — ехать — если не сломается! — 12 остановок. В ТЮЗе без взрослых гардеробщицы не примут пальто. Если всё же примут — раздеться, а потом одеться, не потеряв и не перепутав вещей. Сесть, а это бывает непросто, в трамвай и т. д.)

— Почему же вы одни ходили? — спрашиваю абсолютно спокойно (хочу надеяться, что моё состояние внешне было похоже на спокойствие).

Оказывается, одна мама простыла, другая затеяла стирку, а папа был пьяный — никто не смог. (По-моему, самым распространённым человеческим качеством стала ненадежность.)

— Все вторые классы строились около школы, — рассказали ребята. — Мы попросили учителей взять нас с собой, а они сказали: «Дети, расходитесь по домам. Мы не можем за вас отвечать». И все ушли, а мы остались. Посоветовались и решили пойти одни: мы же не маленькие, и билеты есть. Построились и пошли. Впереди — Лена Щербакова (командир. — С.Р.). В ТЮЗе у нас не хотели принимать пальто, спрашивали, где старший. Мы сказали, что старшая — Лена, тогда взяли. Вели себя хорошо, а когда ехали обратно в трамвае, нас даже незнакомые бабушки похвалили — за то, что место уступали и не шумели.

Сами дети восприняли свой самостоятельный поход как нечто обыкновенное, само собой разумеющееся. Может, они правы?..

Мой теперь уже V «Б» предстал перед нынешними моими ребятами во всём своём великолепии, совершенно случайно — в Музыкальном театре. Было это в прошлом году. После спектакля вместе ехали домой. Малыши немели от восхищения: какие умные пятиклассники, какие воспитанные! А старшие с интересом вглядывались в младших, которых тоже знали по моим рассказам и по фотографиям. (Поразительно: они ещё до встречи почти безошибочно узнавали на фотографиях каждого из малышей по описаниям — не внешности, а поступков, характеров.

Умеют «читать» лицо. Театральное воспитание?..) Я им как-то

плакалась в жилетку: «Мне так трудно с ними. Жаль, что вас рядом нет, вы бы помогали». Они и сами очень хотели помочь. И вот случай представился. Старшие отнеслись к малышам покровительственно-заботливо, обращались с ними в слегка ироничном добром стиле, сразу взяли в оборот «выпадающих из рамок». (Они давно уже умели быстро, незаметно и качественно наводить порядок. Научатся и младшие, но это ещё будет…)

Малышата обнаружили свободное место в трамвае, бросились наперегонки, заняли, сидят втроём довольные. Рядом стоит женщина с тяжёлой сумкой. (Всё-то они знают, но от знания до привычки…) Подошёл Валера, старший, подтолкнул слегка, что-то на ушко шепнул. Ребятишки дружно вскочили и пригласили женщину сесть. Та села, похвалила малышей. Они прибежали ко мне |хвастаться, а Валера в сторонке, улыбается.

Тут подрались Антоша с Алёшей П. Антон стоит и плачет. Губы надул, шапка набекрень, уши в разные стороны — картина! Аня с Марой к нему: кто обидел?!

Антон:

— Я к нему лез, лез, а он мне как даст!

Старшие хохочут:

— Неужели и мы такими же были?

Взяли ребенка в оборот.

— Так, значит, он тебя обидел?

— Обидел… — горько вздыхает Антоша.

— А зачем ты лез?

Вопрос ставит его в тупик. Слезы высохли.

— Ты когда-нибудь спрашиваешь себя: зачем я это делаю?

— Да, нас С.Л. учила.

— Ну да, только ты, наверное, сначала дерёшься, а потом задаёшь себе вопрос: зачем же я подрался? Так?

— Та-ак… — улыбнулся Антон.

— А ты попробуй наоборот: сначала спроси, а потом окажется, что и драться не обязательно.

Всё это вспомнилось мне на сегодняшнем празднике.

После представления, проводив гостей, вернулись в класс. Следующий пункт нашей программы — сюрприз. Мы старались сохранить тайну, но разве можно утаить что-либо от Алёши К.! Он подсматривал в щёлочку, прятался под партой, а когда его обнаружили, заявил, что никуда не уйдет. И верно, ни уговорить, ни выставить, ни вынести его из класса его так и не удалось.

Пришлось смириться сначала с его присутствием, а потом и с активным участием.

Ведущий объявляет:

— А сейчас Лена Д. споёт русскую народную песню «Со

вьюном я хожу».

На лицах именинников удивление и разочарование: какой же это сюрприз, когда мы учили эту песню на уроках? Выходит Лена со вьюном на плече, поёт:

— Со вью-уном я хожу…

И вдруг над ширмой появляется удивительное создание — любимец «того» моего класса Коля. (Эту немецкую куклу, клоуна Олли, я купила в Москве. Его тут же переименовали в Колю, Таня Макарова вместе с мамой сшила ему школьную форму. Получился мальчишка, большой лукавец и озорник, способный на любые проказы. У него выразительное лицо, вихры во все стороны, гибкие туловище и руки-ноги. Управлять им — одно удовольствие.).

— А куда ты пошла? — с любопытством спрашивает Коля (Алеша Щ.).

Лена сердито отмахивается и продолжает:

— С золо-отым я хожу…

— Ух ты, с золотым! — Коля восхищён.

— Я не знаю, куда вьюн положить…

— А ты на лавочку положи!

Лена, изнемогая от Колиного вмешательства:

— Я не знаю, куда вьюн положить.

— Клади, не бойся, я покараулю!

И полез через ширму. Сел на край, свесив босые ноги.

Каждый может продолжить этот «капустный» номер по-своему. Назвали мы этот жанр «песня с комментариями». А может быть, и стихотворение или сказка — простая и короткая. Главное, чтобы они были не сами по себе, а вплетены в определённую жизненную ситуацию, в конкретное действие.

(Такую игру мы придумали ещё с «тем» III «Б» буквально на ходу, возвращаясь из школы домой. Как-то сама собой сложилась у нас традиция ходить всем вместе от школы до трамвайной остановки. По дороге мы либо обсуждали животрепещущие вопросы, на которые не хватило времени в школе, либо импровизировали, тихо пели на два голоса.)

После сюрпризов, поздравлений, чаепития, игр дети разошлись по домам, и мы с родителями остались чаи допивать и разговаривать. Так все чувствовали себя гораздо свободнее, чем в обычной, официальной обстановке.

Оказывается, родители не верили, что их дети пишут сочинения самостоятельно.

— Вы знаете, — сказала одна из мам, — сын обижается, твердит: «Мама, ну правда С.Л, нам не помогает, мы всё пишем сами!» А мне не верится: так умно и интересно написано!

— Наши дети на многое способны. Думаю, что мы не знаем всех их возможностей. Мы с вами должны поддерживать в детях веру в себя, «ставить на крыло». «Ты можешь, мы в тебя верим» — вот наша позиция.

Очень интересный и полезный разговор получился и о каждом в отдельности. Папы и мамы выразили желание почаще так собираться. Но на следующий день мне пришлось выдержать целую бурю. Вызывает директриса.

— Что я узнаю?! Вы! В стенах школы! Устроили сборище?!

Я растерялась, даже не поняла, в чем она меня обвиняет.

— У нас был день именинника…

— Какого ещё именинника? Вы что, Указ не читали?! Не знаете, что в стенах школы запрещены всякие сборища?!

Мои попытки объяснить ей, что чай не является спиртным напитком и что праздник для детей и родителей не является сборищем, успеха не имели. И я замолчала, так как поняла: истина ей не нужна, ей нужен повод для скандала. Как всегда.

И дело тут не в её характере. Это просто такой метод борьбы. Называется «накопление компромата». (Компромат — компрометирующий материал. Из словаря бюрократа.) Если бороться надо — «диалектика» велит, — а компромата нет, то его создают.

Хожу в школу в состоянии боевой готовности, готовности отразить нападение, готовности к любым вздорным обвинениям со стороны моего начальства. И в конце рабочего дня, если ничего не случается (редкие дни!), испытываю тихую радость. От работы с детьми, от общения только с ними я никогда не устаю, наоборот, даже уходить не хочется. С I классом уставала, но то была нормальная, здоровая усталость от работы, а не измочаленность от выматывания нервов. Второклассники — это вполне взрослые, чрезвычайно интересные люди. Если научены человеческому общению. Если научены творить.

«Лечить неудовлетворенную, скорбящую душу способно лишь творчество. Только творчество поднимает на ту высоту, с которой кажутся пустяками любые житейские горести. С творчеством переносишь любые невзгоды. И не важно… на что направлена эта целящая сила. Можно книги писать, можно придумывать новый способ обработки земли или хотя бы кулинарный рецепт. Главное — задумать и выполнить то, чего до тебя не делал никто». Это из книги В. Есенкова «Отпуск».

Творчество — это единственное, что спасает нас в этой дикой атмосфере. Стараюсь научить творчеству ребят.

Творят на уроках умных вопросов:

— Почему летом бывает град? Ведь вода при такой

температуре не должна замерзать!

— Почему на Земле теплее, чем в космосе? Ведь Солнце греет одинаково!

— Почему на коньках нельзя прокатиться по полу, даже если он совсем гладкий?

— Почему все вещи так называются? Например, стол — это «стол», а дерево — «дерево»?

— Почему воду нельзя зажать в руке?

— Откуда все взялось?

Извольте отвечать, С. Л.!

Творим театральную программу на переменах, после уроков. В этом году выступают уже все ребята, правда, кто на большой, а кто на малой сцене, перед своими. Это очень важно. Свои не осудят, если что-то не получилось, наоборот, поймут, поддержат. Зимой впервые выступила Эльмира. Распрямляется ребенок. Дома стало поспокойнее, мать устроилась на работу.

Прорвалась на большую сцену Таня Л. Забавным был ее путь в театр. После первых же успехов одноклассников Татьяна подошла ко мне:

— С.Л., а можно я тоже буду выступать?

— Пожалуйста, выступай.

— А вы мне подберёте сценку?

— Конечно нет.

— Почему?

— Мне некогда. Будь добра, подбери сама.

Обе хитрим. Таня хочет выступать и зарабатывать аплодисменты… не работая. (Вспомним Бобика, который стоит «под крыльце».) Я ещё больше Тани хочу, чтобы она свои богатые артистические таланты направила в нужную сторону, но преднамеренно воздвигаю препятствие на её пути.

Татьяна входит в свою излюбленную роль беспомощного дитяти:

— А как я подберу-у?.: Я не знаю что…

Подхватываю её ноющий тон:

— И не знаю где… и не знаю как…

Татьяна, узнав себя «в зеркале», веселится.

— Таня, ведь тебя же никто не заставляет. Не хочешь — не играй на сцене…

— Хочу, хочу, очень хочу! — энергично.

— А раз так — приходи со своим репертуаром.

И Таня с Наташей нашли чудесное, полное юмора стихотворение Б. Заходера «Никто», с которым обе потом и выступали.

В течение года мы много выступали: перед родителями, на

утренниках, в детских садах, перед учителями, перед шефами, в ДК. Записались на радио. Редактор Эльвира Вячеславовна отметила рост:

— По сравнению с прошлым годом — небо и земля! Научились держаться, доброжелательны, остроумны. В творческом плане театр значительно вырос: дети выразительны, с хорошим чувством меры.

Думаю, что Эльвира Вячеславовна просто к нам добра, но небольшие сдвиги есть.

Самое трудное выступление было на утреннике первых классов, а самые большие переживания — не на сцене, а в зале, среди режиссеров, когда на сцене играл наш подшефный класс. Мои режиссеры места себе не находили. Потом Алёша Ш. признался:

— Играть самому намного легче, чем смотреть, как играет твой ребенок.

Они так и называют первоклассников: наши малыши, наши дети. Это очень важная позиция. Человек как можно раньше должен почувствовать себя старшим, сильным и добрым, защитником и покровителем. Когда он видит восхищённый взгляд малыша, он растёт, стирается делать всё, чтобы не обмануть веры, старается стать именно таким, каким его видит малыш.

И в то же время ему самому необходимо смотреть снизу вверх на кого-то из старших, смотреть восторженно и преданно, иметь перед глазами эталон. И чтобы этот эталон тоже был сильным, добрым и умным. И чтобы очень-очень хотелось стать таким же, как он.

Полноценным человек вырастает только при условии включенности в такую цепь в качестве звена. Человек — звено в цепи отношений. У нас же в настоящее время звенья либо валяются где попало сами по себе, либо, что гораздо хуже, включены в порочную цепь унижений и подлости — сверху вниз.

Мне могут возразить, что в любой школе старшие шефствуют над младшими. Кое-где — может быть, но, как правило, всё это фикция. Шефство существует только в липовых отчетах, в порядке миража. Как, впрочем, многое в школе, начиная от пионерской организации и кончая фактическими знаниями детей.

И у нас были назначенные шефы. Но, во-первых, они ничего не могли дать младшим, поскольку находились на той же ступени развития, хотя учились в V классе (наша школа здорово умеет оглуплять, этого у неё не отнимешь). Во-вторых, мы им были не нужны и не интересны, а необходимость появляться у нас 2–3 раза в год — в тягость. Шефы, неплохие, по крепко обработанные

школой ребята, чувствовали моральное превосходство младших, а кому это понравится… Я пыталась поправить дело, но бесполезно: я одна, а там система.

Пришли как-то шефы в апреле рассказать ребятам о В.И. Ленине и его соратниках. Сразу протягивают тетрадку, в которую я должна поставить отметку. Рассказывают безграмотно, нелогично, допускают фактические ошибки. Так и выглядит работа не для души, а для галочки. Второклассники слушают их вежливо, не шумят, в трудные моменты деликатно приходят на помощь: то поправят в фактах, то мысль правильно сформулируют, то дополнят. И ещё подбадривают и успокаивают. Шефы до конца не договорили, засмеялись:

— Да ну, хватит. Они больше нас знают о Ленине.

— А вы хотите знать? Приходите к нам почаще.

Не пришли…

А знают мои дети о В. И. Ленине действительно много, более того, воспринимают его как живого и близкого человека. И это несмотря на полное отсутствие каких бы то ни было стендов. Или благодаря этому обстоятельству.

«Застендованность» школы — это какая-то болезнь. Порой страсть к увешиванию стен стендами и плакатами доходит до абсурда. Во время зимних каникул на одном из заседаний, главная цель которого — не допустить, чтобы учитель, хотя бы в каникулы, остановился и поразмышлял о детях, о своей работе, нам рекомендовали (попробуй не выполни рекомендацию!) сделать:

1) стенд к знаменательной дате;

2) стенд к еще одной, менее знаменательной, дате;

3) классный уголок (то, что в нем обязательно должно быть, займет половину стены);

4) календарь природы и труда;

5) уголок чтения;

6) экран соревнования;

7) уголок «Учись учиться»;

8) уголок «Сегодня на уроке».

И т. д.

При самых скромных подсчетах все это великолепие займет все стены, окна, дверь и даже часть потолка.

Закончив перечисление всех деталей «правильного оформления класса», мудрые методисты посоветовали нам не загромождать класс стендами, ибо детей ничто не должно отвлекать на уроке.

Ещё нас обязали оформить кучу альбомов по разным темам: собирание, вырезывание и приклеивание картинок, оказывается,

со страшной силой воспитывают детей.

Польский поэт С. Лец говорил, что всегда найдётся эскимос, который напишет инструкцию для жителей Конго о том, как уберечься от жары…

У нас стендов не было: я их постепенно из класса выживала, несмотря на их бурное сопротивление. Были только цветы на стенах и выставка рисунков. Но зато с полной нагрузкой работала магнитная доска. И папки в шкафу не пылились. Все необходимые материалы были перед детьми. Они вызывали большой интерес, рождали споры, обсуждения. Но как только материал переставал работать, я тут же его убирала. Ведь если то, что ты уже усвоил, продолжает торчать перед глазами, продолжает воздействовать насильно, оно становится источником недовольства и раздражения. Действует, но уже со знаком «минус». А я не могу допустить, чтобы фотографий, репродукции картин выдающихся художников, рассказы о Революций, о Победе, о замечательных людях мозолили детям глаза, вызывали негативную реакцию. Каждая такая встреча должна быть праздником.

Высокие комиссии подобными материями не интересовались. Их занимал только один вопрос: сколько стендов? И доказать свою правоту было невозможно, меня просто не слушали. Точка зрения комиссий поражала монументальностью: есть инструкция, всё, что в ней написано, хорошо, всё, что ей не соответствует, плохо. Со всеми вытекающими последствиями: нарушает… не выполняет… проявляет аполитичность. Поговорить про творческий подход можно, на этот счёт тоже есть инструкция. Поговорить, но не более. Но ведь тут и творчества-то никакого нет, обыкновенный здравый смысл.

Вообще такой уровень руководства школой и контроля просто пугает. Любой чиновник при малейшей опасности начинает кричать, что вы обижаете — уже обидели! — Советскую власть, хотя вы всего лишь щёлкнули его, чиновника, по носу. Методика, раздувшись от сознания своего величия, претендует на вселенскую мудрость и пытается уверить нас в том, что всё знает наперёд, всё, что может произойти, давно предусмотрела и даже выдала рецепт: принимать по две беседы три раза в день. То, чего нет в методике, не существует. Даже если находится перед глазами.

Самое первое столкновение с методистом запомнилось мне надолго. Она, посмотрев урок изобразительного искусства, отметила его положительные стороны, но сделала и замечание:

— А вот эти картинки надо убрать.

— Почему?.. Это же «малые голландцы», а мы на уроке…

— Они давно устарели, — безапелляционно заявила она. —

Детям надо что-то яркое, современное.

С годами я закалилась и научилась выслушивать перлы, даже не пошатнувшись: «Планы у вас слишком короткие. Надо писать подлиннее», «Каждый учитель обязан внести два предложения для реформы. К понедельнику».

Смысл работы любого проверяющего (за редким исключением) — заставить учителя не думать. Не думать, почему на деле-то получается совсем не то, что планировали: изо всех сил формировали активную жизненную позицию — получился нахал и эгоист, воспитывали патриота — получился циник… Почему? Почему нарастает разобщённость между людьми и между поколениями, и не просто разобщённость — отчуждение? Почему растёт пустота внутри человека? В чём причины? Как исправить?

И если уж начал думать, волей-неволей приходится идти против инструкций. Не пойдёшь же против себя!

Вместо предписанной нам игры-путешествия «Октябрята по стране Октября», которую мне даже неудобно предлагать детям по причине её немотивированности, ребята вызвали меня на обсуждение фильма… «Убийство на улице Данте» (посмотрели по телевизору, хотя фильм, откровенно говоря, не рассчитан на второклассников — тем усерднее они его смотрели). Дома фильмы, как правило, не обсуждаются. Посмотрели и разошлись. Детям многое остаётся непонятным, а кое-что они понимают неправильно. Думаю, что их нужно вводить в мир взрослых проблем тогда, когда они в него «стучатся». «Малы еще, не поймут» — это несерьёзно. Всё поймут, и правильно, если проблемы, их волнующие, прокомментированы в соответствии с возрастом, но честно и без скидок на возраст.

После «нечаянного» просмотра фильма у детей появилась масса вопросов, на которые они не получили ответов. «Малы…» Но невозможно запретить думать. Вот они и думают, кто как умеет. В общем, сориентировались правильно. Из высказанных мнений получилось общественное. Проверяю взгляды на прочность:

— В чем вы обвиняете сына? Ведь он же сам не убивал, он просто был рядом. Значит, он ни в чём не виноват.

Буря эмоций. Доказывали мою неправоту, помогая друг другу формулировать мысли, искать доказательства в сегодняшнем дне, в том, что нас окружает, в поступках вроде бы пустячных, но одного порядка с предательством, подлостью.

Потом созрела проблема вещизма, потребительства. Сообща выяснили, что самое-то дорогое как раз и не купишь ни за какие деньги. Можно ли купить мать, друга? А достоинство, уважение

людей? Можно ли купить поделки, которые подарили мне Старшие: красивые закладки для книг, игрушки, дощечки с выжиганием, рисунки, игольницы, шкатулки, модель корабля, тетрадь стихов, богато иллюстрированную самими авторами? Это вещи уникальные. В них вложены труд и любовь. Они бесценны, как бесценны воздух, вода, земля, лес. Но есть люди, которые этого не понимают. Они гоняются за вещами, которые дорого стоят на рынке или в магазине, и безобразно относятся к тому, что даётся даром. Такие люди транжирят воду, загрязняют реки и воздух, вырубают леса, отравляют землю ядохимикатами, не задумываясь о том, что будет дальше. Такие люди забывают родителей и бросают детей, они не умеют ни любить, ни дружить. Им кажется, что главное — достать побольше дорогих вещей: хрусталя, ковров, золота, тогда и придёт счастье. Но вот всё купили, а счастья нет. Почему?

Казалось бы, поговорили и забыли, опять нас одолели сиюминутные дела и хлопоты. На самом деле не так. Проблема прокручена на рациональном и эмоциональном уровнях, ушла вглубь перевариваться и зреть. И впоследствии повлияет на мысли и поступки, даже если ребёнок и не вспомнит об этом разговоре. Но для этого всё, о чем мы говорили, должно быть правдой, подтверждаться всем строем жизни коллектива.

«Как слово наше отзовётся…» Мы обязаны думать, как отзовётся. Мне запомнился разговор с одной женщиной. Она давным-давно окончила школу, институт, работает учителем. И вот, когда её ребенок должен был идти в I класс, при составлении списков оказалось, что он попадает в класс Н.В., у которой училась его мама. Узнав об этом, она немедленно перевела своего ребенка в другой класс. Рассказала почему:

— Я тогда училась в III классе. Стою у доски, помню, и никак не могу понять, чего от меня хочет Н.В. Училась я хорошо, но тут приболела и пропустила несколько уроков. Стою и молчу. Н.В., скрестив руки на груди, говорит: «Ну какая же ты тупая!» И столько самодовольства, столько превосходства в голосе… Я уверена, что она сразу же забыла о своих словах, а я помню до сих пор. Не хочу, чтобы то же самое пережил мой ребенок.

Её ранили не столько слова, сколько тон. А тон — это выражение позиции. Можно порыться в памяти и найти самые наивежливейшие слова, но позицию не спрячешь.

Наши учителя нас уважали. При этом они совсем не старались выбирать непременно дипломатические выражения.

С самыми тёплыми чувствами вспоминаю музыкальную школу № 1. Давид Львович, вскричав: «Ну кто же так играет?! Вот послушай, как надо!», мог в пылу азарта и со стула сбросить, если

не успеешь вскочить и уступить ему поле деятельности. Нина Федоровна, разгневавшись на ученицу, не выучившую гаммы могла и из класса выставить, да при этом сказать много всяких слов. Но мы никогда не обижались, потому что всё шло от добра и было справедливым. С нас требовали, как со взрослых. Такое отношение поднимало, помогало взрослеть.

В этой же школе принято принижать, придавливать: сиди и помалкивай, не твоего ума дело, мал ещё.

Сначала подросток бунтует, потом смиряется и даже находит плюсы в таком положении. Мал, значит, какой с меня спрос! Ни за что не отвечаю!

Наломали дров, насоздавали себе проблем, теперь мучаемся, пытаемся понять, почему наши дети вынуждены (!) от скуки — плохо мы их развлекаем, плохо, мало открыли дискотек, мало! — собираться в стаи. Но дело в том, что никто и ничто, ни компания, ни дискотека, не спасёт человека от него самого. Никто не поможет, если внутри пусто и разъедает скука. И чтобы получить удовольствие от картин, музыки, книг, спектакля, от работы, игры или общения, надо основательно потрудиться. Без труда физического, умственного, душевного не будет и радости. Мы же за долгие годы отвратили детей от всякого труда. Мы всеми доступными нам способами пытались уничтожить потребность растущего человека в продуктивной деятельности, в самовыражении и самосовершенствовании. Но потребность истребить нельзя. Искалечить, изуродовать — можно.

И я просто пытаюсь вернуть вечным ценностям их настоящую цену в глазах детей. В противном случае получается человек, не имеющий никаких нравственных ориентиров.

Читала недавно; подросток совершил подвиг, проявив героизм на пожаре, а через некоторое время совершил ограбление. Нет работы души, не выработаны критерии оценки своих поступков. Куда несёт, туда и лечу.

Из таких моя Лена М. Это ребёнок, способный на всё. Растет без отца, мать целый день на работе. В наш класс она пришла в конце прошлого учебного года. Как-то перед началом занятий поджидает меня возле кабинета незнакомая женщина и сообщает, что Лена… украла сапоги её дочери.

Никогда ничего подобного у нас не случалось. Приходит Лена.

— Где сапоги?

— Какие? — с непривычки девочка краснеет.

— Сама знаешь какие. Ответь на мой вопрос, потом будешь задавать свои.

— У меня нет резиновых, можете проверить, у меня только

кожаные, желтые, а коричневых нет…

— Я просила на вопрос ответить.

— У девочки… Из другого класса…

— Почему не дома? Почему маму не порадовала? Сказала бы: «Вот я какая умница. Добытчица!»

Лене стыдно. А я не могу понять мотивы ее поступка. Она очень импульсивна, не умеет себя сдерживать, не чувствует границ свободы, так как в I классе, когда шло интенсивное усвоение этой нравственной категории, у нас не училась. Может натворить много чего — не расхлебаешь, но не со зла, а из неправильно понятой справедливости. И всё же натура у неё честная, открытая.

Наконец обнаружились мотивы.

— У меня нет резиновых сапог, а мне так хотелось побегать по лужам! Я думала — побегаю, а потом их на место поставлю. Сапоги взяла на лестничной площадке.

Хоть плачь.

Но вот попал в больницу с аппендицитом Сережа Ш., и Лена первая беспокоится, объединяет вокруг себя ребят, и они пишут ему письмо — доброе и участливое. У неё отличные организаторские способности, она очень хозяйственная, учится хорошо. Мечтает стать командиром «звездочки». И я была бы рада, если бы её выбрали — вдруг поможет? Не выбирают. Лена обладает достаточной волей, энергией, чтобы повести за собой ребят, но — увы! — сама не знает, куда, в какую сторону, к какой цели. И ребята это видят. А поскольку система эталонов сложилась, они довольно тщательно выбирают, думают, прежде чем пойти за кем-то. Это не толпа, а коллектив. Интереснейший трудовой, думающий коллектив!

Конец года. Контрольные позади. Дети стали мало интересоваться отметками. Работают с удовольствием, их уже радует сам процесс преодоления трудностей и постижения нового.

На уроках осталось много сэкономленного времени, и мы развлекаемся: решаем задачи и примеры повышенной трудности, заглядываем вперёд, в III и даже в IV класс, решаем задачи на сообразительность.

В начале урока интересуюсь:

— Чем займёмся? Будем жевать манную кашу или грызть орешки?

Народ желает грызть орешки. Орешки — это общие принципы решения задач или примеров, до изучения которых мы дойдём только через полгода. А сейчас нам торопиться некуда, мы не спеша совершаем маленькие открытия. А что прикажете делать,

если С.Л. предлагает интереснейшие задачи, но сама не знает, как их решать? И никто в классе не знает.

Через неделю таких развлечений 10 человек решили итоговые контрольные за III класс, не подозревая об этом. Многие были близки к завершению, но не хватило времени.

— Знаете, с чем вы сейчас справились?

Сказала.

— Ура-а! — горды победой и над материалом («Как мы их, эти задачки!») и над собой.

Звонок.

— У-у, звонок какой-то]

— Давайте ещё порешаем!

— Да, не пойдём на перемену!

А на дворе — конец мая, птички, цветочки, солнышко. Такая красота!

На уроках русского языка мы писали каждый своё: дети — анкеты, которые помогали мне составлять социограммы, и сочинения, а я — планы на будущее для себя и для них. Пыталась исправить наши педагогические ошибки, накопившиеся за много лет. Пыталась ложкой море вычерпать…

Наташа Б. в сочинении «Волшебная палочка» пишет: «Хочу, чтобы у меня был папа». Об этом пишет не только она. И я ничем не могу помочь ни ей, ни всем остальным (треть класса!), ни своей дочери. Выросло не одно поколение не-мужчин и не-отцов, неумелых, ленивых, безвольных, безответственных. В результате они предают и ближних, и себя. Такого современного мужчину, так сказать, в полном расцвете, в высшей точке развития я видела в очереди за помидорами. Подошла беременная женщина, попросила взвесить ей пару штук. Мужчина, бдительно охраняющий очередь от вторжения, пошел грудью на врага:

— Всем две штучки! Не видите — народ стоит?! А вы что, лучше всех?!

— Понимаете, я ребенка жду, не могу долго стоять…

— Все ребенка ждут! Подождёте! Должна же быть какая-то справедливость!

Мужчина — это честь, опора, защита. Современные мужчины не знают даже таких слов. Нет, может быть, встречаются где-то и настоящие. Ведь где-то есть и дефицитные продукты, и красивые качественные вещи. Я не спорю, наверняка всё это есть. Где-то. Но нас там нет. Мы здесь, в школе, из которой ушли на заслуженный отдых наши учителя, настоящие мужчины, и дезертировали мужчины молодые. Они предали и детей, которые им верили, и дело своё, и себя. Но позор свой обставили весьма красиво, по образцам высокой драмы: организовали всенародный плач!

Женщины остались и приняли на свои плечи громаду бесчеловечной бюрократической машины. И выстояли. Теперь надо подождать, пока женщины разгребут десятилетиями копившиеся завалы, повыкорчуют пни и подготовят почву. У мужчин свое дело: они стенают и заламывают руки. И делятся своими тяжёлыми воспоминаниями о школьных кошмарах с широкой общественностью. Потом, я думаю, они планируют въехать в школу на белом коне. И только тогда начнут щедрой рукой сеять разумное, доброе, а также вечное. Будут учить подрастающее поколение стойкости, мужеству, предате… т. е., наоборот, преданности делу. Предвижу, что по поводу возвращения мужчин в школу будет организовано всенародное ликование.

Как же мне вырастить моих мальчиков настоящими людьми, настоящими мужчинами, если у одних дома нет никакого примера перед глазами, у других папа курит дома — ему плевать на здоровье жены и детей, а то и выпивает, может ударить, оскорбить? Нормальных семей единицы. Что я могу сделать? Где найти эталон? Нет его в школе, нет дома (раньше, до Указа, «эталоны» под заборами валялись). Телевизионный эталон — это хорошо, но как-то не впечатляет: он там, а мы здесь.

Пока я терзалась, Дима Л. уже нашёл: старшие пацаны так здорово ругаются — заслушаешься! И курят, как взрослые. И ещё много чего знают.

Чувствую себя беспомощной. В тупике. Но выход мы всё же нашли. Уже в III классе.

Обдумываю задание на следующий год.

Выбор. Всю жизнь человеку приходится выбирать. Он выбирает книгу для чтения, выбирает друга, выбирает поступок. А каким он будет, выбор? Этот вопрос в школе тоже никак не решается. Авось и так сойдёт. Не сходит. Надо учить перебирать варианты и останавливаться на оптимальном. Как это сделать?

Зачастую ребенок не обдумывает свой поступок, а делает, как само выйдет. А это «само» обычно путь наименьшего сопротивления: захотел яблоко — схватил. Мы такой вариант поступка отвергаем, запрещаем. И всё. В лучшем случае взамен предлагаем один, свой вариант. А ведь вариантов всегда существует несколько — одни получше, другие похуже — для данной ситуации. В иных условиях они могут поменяться местами, знаками. Вопрос меры.

Это яблоко можно цапнуть на глазах у всех, можно взять тайно, можно выменять на что-то, попросить, потребовать. А можно сдержать себя и не обращать на яблоко внимания.

Так что мы должны не заставить ребенка отказаться от своего

варианта, безпрекословно приняв наш, а научить выбирать оптимальный. Помочь в выборе.

Как? Наверное, показать в привлекательном виде один, раскритиковать или высмеять другой. А может, применить доказательство от противного или доведение до абсурда.

Обдумать бы…

Но наша школьная система не позволит! Она не даст возможности учителю задуматься. Он не имеет права во время каникул почитать в библиотеке необходимую литературу, просто поразмышлять. Нет, он обязан вырезать картинки и буквы, прилеплять их на стенды: а как же, придёт комиссия, школу будет принимать, за кабинеты отметки ставить!

— После работы по библиотекам ходите!

Но на работе умело организована такая обстановка, что к концу рабочего дня руки трясутся, мозги высушены и сил нет. Ежедневная мечта — прилечь и забыться.

Но есть и еще одна, хрустальная: сбежать на необитаемый остров. Вместе с детьми.

Иду по коридору. Навстречу директриса. Сейчас обязательно зацепит, так как просто пройти мимо она не способна. Чувствую, как голова втягивается в плечи, спина сутулится. Организм съёживается, стараясь стать маленьким и незаметным. Волевым усилием прекращаю это безобразие: выпрямляю спину, поднимаю голову. И сразу получаю:

— С.Л., а почему это вы тут ходите, а кабинет к сдаче не готовите? Что скажет комиссия? Вам двойку поставят за кабинет! Совсем не думаете о детях!

— Вы ошибаетесь. Для детей у меня все готово. Это я о комиссии не думаю.

— Я вот смотрю, очень много вы о себе думаете! Писать-то вы умеете, а вот работать… Надо вас хорошенько проверить.

Это по поводу моей статьи в газете. Там была критика в адрес методистов. Видимо, надо понимать как намёк на вытекающие последствия…

Иду в класс. Там тихо и пусто — у детей каникулы.

Спасаюсь испытанным способом: думаю.

Одиночество. Писатели Японии задали Агнии Львовне Барто вопрос, очень интересный: «Как вы приучаете своих детей к одиночеству?»

Надо, и себя спросить, И ответить честно: да никак. Потому что считаем его врагом, боимся как огня, истребляем или забиваем всякой дребеденью. Всё, что угодно, только не одиночество!

И добились-таки своего: наши дети не выносят даже

обыкновенной тишины. Они оглушают себя в школе и на улице собственным криком и визгом, дома — гремящей и воющей псевдомузыкой. Мне кажется, что ребенку страшно наедине с собой. А ведь должно быть интересно!

Не припомню случая, чтобы какая-нибудь дельная мысль пришла в голову коллективу. Да, собственно, что это такое — коллективная голова? Мысль — это когда весь личный опыт, все знания и чувства хаотично перевариваются и из этого «варева» вдруг выкристаллизовывается нечто качественно новое, пока на интуитивном уровне. Мысль может созреть в одной голове, причём только в тишине и покое. И лишь потом ею можно с кем-то поделиться, обсудить, оценить. «Довести до ума» — какое точное выражение!

Нашей школьной машине мысли не нужны. Ей нужно, чтобы мы слушались и выполняли инструкции.

После очередного заседания учителя в раздевалке делятся впечатлениями.

— Вот вам и реформа! Вообще-то я ничего хорошего от неё и не ждала.

— Да, все бюрократы сидят на своих местах, никто их не трогаёт.

— Похоже, начинается новый виток формализма, только более свирепый. Опять на нашу голову.

— Не зря говорят: «Прав не тот, кто прав, а у кого больше прав».

— А если выступить? Сказать на собрании и написать в газету?

Вы что, как маленькая! Съедят! А работу-то жалко терять. И потом, кто детей учить будет, инспектора, что ли?

Смеются: до того нелепым кажется подобное предположение.

— Амонашвили пишет, Ильин пишет, другие… Такие умные статьи, глубокие мысли — а что меняется? Статьи сами по себе, а жизнь сама по себе.

Сторонников у меня здесь нет. Грустно. Никто не поддержит, хотя внутренне согласятся. А некоторые с любопытством наблюдают за моим единоборством с бюрократической машиной. Все держат нейтралитет. Им кажется. Но ведь вопрос стоит только так: восстать или подстроиться. Третьего-то не дано! Выбор делать всё равно придётся.

А. Франс писал: «Учиться можно только весело. Искусство обучения есть искусство будить в юных душах любознательность и затем удовлетворять её: а здоровая, живая любознательность бывает только при хорошем настроении».

Наше начальство раздражается при виде радостных лиц

детей, оно на дух не выносит детей свободных, весёлых, раскованных. Делает всё возможное, чтобы они оцепенели.

Как сохранить в детях чувство свободы, радостный, мажорный тон отношений в такой атмосфере? Возможно ли существование оазиса в пустыне? И не пойдут ли прахом все наши усилия уже через год? Не знаю…

Для меня выбора нет, точнее, он давно сделан. Будем бороться до конца.

Год третий

31 августа. Перекличка. У входа в школу перемещаются шумные толпы. Три месяца не виделись! В жизни детей это очень большой срок. Они вытянулись за лето, загорели, повзрослели. Изменились лица. А сколько у каждого новостей! Мои летят навстречу, окружили, подпрыгивают, повизгивают от радости, но дистанцию соблюдают, обниматься не бросаются — школа! Я тихо радуюсь — соскучилась. Подпрыгиваю и повизгиваю, но только внутренне, иначе вроде несолидно.

Выясняется, что ушёл от нас Денис, — семья получила квартиру. Жаль, он такой интересный. Поначалу отношения с ребятами складывались у него трудно. Всякое бывало. Но потом всё наладилось, и на вопрос анкеты (в конце II класса) «Хочешь ли ты учиться в нашем классе?» Денис ответил: «Да! Да! Да!»

Чтобы мы не очень тосковали без Дениса, заботливая администрация привела Женю Т. и Сережу Д., оставленных на второй год. Серёжа — со справкой от психиатра и условием: если не потянет — во вспомогательную школу. Мальчик без мимики, с застывшим лицом. Женя — вёсь какой-то перепуганный, зажатый.

И вот начался наш последний учебный год.

В сентябре класс выглядит, как машина на последней стадии перед отправкой в металлолом: расхлябанный, раздрызганный, грубый. Строиться разучились. Соберутся толпой и тычутся друг в друга. Движения развинченные, походка шаркающая, руки в карманах, подтянутости как не бывало. Никого не видят и не слышат, каждый сам по себе. Почти все хорошие привычки, с таким трудом выработанные, утрачены.

Таблицу умножения забыли, читать разучились. А некоторые особо выдающиеся личности умудрились забыть, как правильно буквы пишутся. Докатились!

Но всё это не так страшно, как кажется. Через три недели войдём в колею: в сентябре всегда так. Хуже другое — изменился общий настрой. Стиль отношений стал хамски-истеричным. Дети за три месяца впитали всё, что только могли. А такой стиль принят в нашем городе, во многих семьях — тоже. Над нами поселились новые соседи, и тёперь я получила возможность наблюдать процесс образования такого стиля. Ребёнок без конца визжит, вопит, швыряет игрушки, топает, бесится. Точно так же ведёт себя и мать.

То же в аэропорту. Регистрация билетов.

— Ложьте ваши сумки! Чё вы зеваете-то! Ложьте, вам говорят!

В фирменном магазине в центре города.

— Печенье свежее?

— Ха! Она ещё спрашивает! Да его вообще не бывает в продаже! Чё спрашивать-то!

В автобусе. Молодые и резвые — старушке:

— Куда лезешь, старая?! Дома надо сидеть! И без тебя тут тесно!

В школе как обычно. Процветает всё, что процветало. Противоречия обострились до крайности. Смягчить их невозможно, так как это не борьба характеров, а борьба мировоззрений. Директор и завуч перестраиваться в связи с реформой не собираются, более того, они намерены до последнего отстаивать своё право посылать вышестоящему начальству розово-голубые отчёты, право и дальше закрывать глаза на реальную жизнь школы, доведённой до полного развала. Я намерена отстаивать свою позицию. И тоже не отступлю. И детей не отдам.

А.С. Макаренко писал, что если в педколлективе нет общей позиции по ключевым вопросам, то не может быть и воспитания. У нас не то что нет общей позиции, у нас позиции диаметрально противоположные и более того — антагонистические. Получается, что работа моя не имеет смысла? Но ведь еще Маркс и Энгельс писали: «…обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства».

Люди мы или нет?! Ну так вспомним, что уже знали и умели, и пойдём дальше. Творить себя и создавать человечные обстоятельства. Ведь я не одна, нас сорок.

Но сначала надо привести в чувство 39 моих соратников, которые напрочь позабыли даже вежливые слова.

Построились. Собрались идти домой. Я стою в дверях.

— Не пущу. А вы постойте и поразмыслите: «Почему это С. Л. никак не может с нами расстаться?»

Тон насмешливый. Взгляд ироничный. Пауза — «булыжник».

Дети непонимающе смотрят на меня и переглядываются. Шарят взглядами по потолку.

— О, это мысль! Именно там завтра и напишу.

Жду. Они мучительно напрягают мозги, вспоминая забытые за лето слова, потом радостно, вразнобой:

— До свидания!

Я (с облегчением):

— Наконец-то вспомнили! Молодцы, без подсказки. Надо будет завтра встать так же в дверях и перед уроками.

Смеются:

— Не надо, мы уже вспомнили!

— Мы сами поздороваемся!

— Замечательно! Значит, я могу быть спокойна?

— Да! Конечно!

Назавтра каждый, входя в класс:

— Здравствуйте!

Дальше включается саморегуляция коллектива. Входит Гоша, молча идёт к своей парте. Все хором:

— Здравствуйте, Гоша!

Он смущенно улыбается, здоровается. И тут же включается в игру:

— Здравствуйте, Егор!

Урок физкультуры. Ведёт его в коридоре Валентина Николаевна. Урок идёт спокойно и деловито. Я отдыхаю в классе (хотя проверку тетрадей в начале сентября с большой натяжкой можно назвать отдыхом). Но вот звонок с урока, и дисциплинированный класс куда-то подевался; вместо него в кабинет, топоча и хрюкая, врывается дикая крикливая орда.

Куда дели моих замечательных детей?!

Потом, когда они переоделись и угомонились, говорю:

— Видели в киножурнале «Ералаш» сюжет «Антракт»?

Смех, оживление. Видели не все.

— Сидят в зале детки-паиньки, такие воспитанные — загляденье! Но вот антракт, и они с воплями, сметая всё на своём пути, несутся лавиной в буфет. Но я все думала: где же сценарист видел таких детей?

Пауза, На лицах — напряжённое ожидание.

— Теперь знаю где.

Хохочут.

— Мы больше не будем!

— Да, мы будем за собой следить.

— Приятно слышать. Ещё приятнее было бы увидеть на деле.

Наконец-то перелом. И намёки помогли, и ирония. А главное, я ставила им в пример… их самих. Напоминала, какими они были. Очень действенное средство: вроде стыдно быть хуже себя самого, регрессировать, двигаться назад, к обезьяне.

Летом почти не читали: столько находилось других увлекательных дел! И теперь мямлят нечто невразумительное. Сами от своего чтения не в восторге, поскольку привыкли критически себя оценивать. А от этого языки ещё больше заплетаются. Зациклились.

Надо заменить доминанту. Сейчас дети сосредоточены на самом процессе чтения. А процесс-то и не идёт. Даю задание «вопрос — ответ». Для того и другого надо несколько раз пробежать глазами текст, выбрать необходимое, отбросить

ненужное, добавить свое. И дело пошло. Оттаяли и, занявшись делом, забыли о самокопании.

Почерк налаживается. Почти у каждого рука вспомнила, что умела раньше. И математика в норму вошла.

Пыхтят мои «старички», стараются быть достойными сами себя. Но зато новенькие! Они боятся работы, терпеть не могут работу, хотя даже понятия не имеют, что же такое настоящая работа.

Один из них, Сережа Д., не написал пока ни одной самостоятельной работы, не выполнил ни одного задания самостоятельно. А ведь для него всё это — повторение уже изученного. О дежурстве, если никто не давит, не стоит над душой, — тоже ни малейшего представления. Отсидел 4 урока, сумку в руки — и бежать. Нас он сторонится, как мне кажется, относится с опаской. Что он за человек — пока не знаю. Кто знает ребёнка лучше матери! Встретились, поговорили. Она плакала и жаловалась, что он ничего не желает делать дома, не хочет учиться. А я злилась. Вместо того чтобы любить своего сына, заботиться о нём, помогать взрослеть, воспитывать хорошие привычки, она хнычет и жалуется на него чужим, в общем-то, людям. Взрослая — на маленького, мать — на сына. Обвиняет его во всех грехах.

Рядом стоит Сергей и — о! — тоже злится?! Мимика появилась, пыхтит, губу оттопырил, надулся, глазом сверкает. Прогресс! Вроде характер есть. С таким можно работать. Он мне уже начинает нравиться.

Вместе составили для начала перечень домашних дел, которые он обязан выполнять ежедневно. Причем беспрекословно. Согласился. Посмотрим…

На уроке русского языка подсаживаюсь к Жене Т., другому новенькому. У него сразу задрожали пальцы, руки, губы, даже волосы. Условный рефлекс?

В первом диктанте он сделал больше 40 ошибок, причём ошибки лепил весьма диковинные: своё имя Евгений написал так: «Зевгение», вместо вот — «вод», вместо пчёлки — «члкики», «землюника» и т. д. Такое мог написать человек, который до такой степени не доверяет своему мозгу, что страшно становится. И это старый страх, пропитавший мальчика насквозь… Что ему ставить за диктант? То, что заслужил? Это значит полностью уничтожить всякую надежду на выздоровление. Инструкции требуют от меня отметок. Вариантов там не предусмотрено: написал плохо — единица, следующий! Начальство давит: занимайтесь дополнительно и ставьте отметки, т. е. по схеме: позанимались — не получилось — единица. И никто не хочет

(или не может?) понять, что этому ребенку не столько нужны дополнительные занятия, сколько опытный психотерапевт или даже гипнотизёр. Надо восстановить его веру в себя. Отметки ему категорически противопоказаны.

— Женя, ты меня боишься?

— Н-н-нет…

— Я с тобой села, чтобы помочь правильно написать. Не ругаю тебя, двоек не ставлю, почему же ты так дрожишь?

— Я н-н-не д-д-дрож-жу… — через силу выдавливает Женя.

— Ну ты меня совсем запугал! Приближаясь к тебе, сама начинаю дрожать. Слушай, а давай устроим соревнование по дрожи, а? Кто кого передрожит?

Женя облегченно засмеялся, расслабился и успокоился. В таких случаях даже незамысловатая шутка — средство незаменимое. Эта шутка не может претендовать на звание перла. Это так называемый ситуативный юмор, т. е. юмор, который хорош в определенной обстановке в определённое время с определенным человеком. Он помог — и это всё, что от него требовалось.

Со временем Женя перестал бояться, и тогда из него так и полезли прочие черты рабской психологии. «Здесь не кричат, не ругают, двоек не ставят, маму в школу не вызывают, значит, можно не работать» — такой он сделал вывод. Искалеченная психика у парнишки.

Знакомлю его с общественным мнением, комментируя его проступок.

— Сегодня Женя сдал тетрадь без домашнего задания.

Реакция единодушная: немыслимо! Человек не выполнил свои обязанности!

— Да-да! Но мало ли какие уважительные причины бывают на свете? Мне ведь и в голову не могло прийти, что он просто поленился! Спрашиваю, где домашняя работа. Он честно глядя прямо в глаза: «Забыл дома. Я в другой тетради сделал». Прошу его привнести — мне ведь надо проверить работу. Он идёт, берёт дома чистую тетрадь, подписывает как попало, калякает домашнее задание и приносит мне. Я смотрю молча, так как слов не нахожу от подобного безобразия, А Женя, чрезвычайно довольный собой, садится за парту. И думает приблизительно так: «Какой я сообразительный пионер! Урок не сделал, а двойку не поставили — вот здорово! Значит, теперь я резко поумнел, да и знаний сразу прибавилось. А главное — учительницу обманул, какой я всё-таки умный человек, даже приятно! Надо так и продолжать». А дальше он спокойно, понимаете, со спокойной совестью на уроке чтения берёт ручку и, прячась за чужие спины,

пишет план пересказа — домашнее задание по чтению…

Долгая тяжёлая пауза.

Женя весь пунцовый, не знает, куда глаза девать. А тишина висит, давит. И чей-то ироничный голос:

— Зато пионер!

Ещё в сентябре ребята подходили и спрашивали:

— Разве так бывает: второгодник — и пионер?

— Бывает. Женя не виноват, он долго болел, — кривила душой, говорила не всю правду, потому что не могла допустить, чтобы его плохо приняли.

Негативное отношение ребят нанесло бы ему непоправимый ущерб. А он действительно не виноват, что его таким сделали.

Женя снял галстук. Не демонстративно, нет. Просто он понял, насколько серьёзно относятся эти октябрята к званию пионера, какие у них строгие мерки. Молча согласился с нашей системой ценностей, понял, что не соответствует ей, и стал ходить в школу без галстука. Это решительный поступок.

Мы как-то обошлись без торжественных сборов и без громкой трескотни по этому поводу. Ребята приняли поступок Жени как должное и вежливо сделали вид, что ничего не заметили. Они готовятся стать пионерами настоящими (у нас укоренилось это словосочетание), в отличие от пионеров бумажных, для галочки, для цифры в отчёте.

Знали бы они, какие разговоры ведём мы, взрослые, их учителя! Честное слово, перед детьми стыдно!

Очередное мероприятие (игры для взрослых) — планирование воспитательной работы. На сей раз нас просвещала старшая пионервожатая. Она разъяснила нам, что пионеры должны быть друзьями октябрят, что шефы — это шефы и что к октябрьским праздникам все октябрята-третьеклассники должны стать пионерами.

Рапортовать, без сомнения, будет намного удобнее. Но до каких пор мы будем к праздникам сдавать и рапортовать! До каких пор свои самые замечательные даты мы будем отмечать буйным цветением «липы»?! Цеха сдаём, дома сдаём (как сдаём — это всем известно), в Энске метро к празднику открыли, а потом сразу закрыли, причём открыли торжественно, а закрыли потихоньку. Но вот докатились: детей к празднику оптом сдаём в пионеры — дальше некуда!

Киплю и бурлю. Вижу — коллеги деловито записывают: надо, — значит, сдадим. Нам не привыкать.

Знаю, что ничего хорошего не получится, силы не равны, но промолчать не могу:

— Разрешите мне несколько нарушить парадность разговора

о пионерах и задать вопрос: когда пионеры перестанут грабить на улице подшефных октябрят, отбирать деньги, издеваться? Надо же что-то делать, для начала хотя бы посмотреть в лицо фактам. В моём классе нет ни одного ребёнка, которого хоть раз не обобрали бы. То же, я узнавала, и в других классах.

Тишина. Учителя начальных классов молчат. Они у нас всегда молчат, так воспитаны. Старшая вожатая:

— Ну об этом после поговорим… Так вот, значит, воспитательная работа с пионерами и октябрятами должна строиться…

Зажурчали дальше обкатанные фразы.

— В каждой звёздочке есть командир, цветовод, хозяйственник, санитар, физорг. Обязанности надо менять раз в месяц.

Значит, не успеет ребенок освоиться с одними обязанностями, как ему надо подсовывать другие. И так раз в месяц. Он начнёт заваливать одно поручение за другим, а учитель будет ставить галочки в планах. Все это вместе взятое мы назовём развитием организаторских способностей и впишем в один из разделов коммунистического воспитания.

Бюрократ и бездельник стремится воссоздать себя в следующих поколениях. Ведь подобные планы рассчитаны именно на бумажную суету, а к делу никакого отношения не имеют, равно как и к продуманному воспитанию в детях деловых качеств. Занять чем-то ребятишек да отчитаться — вот и все заботы.

— Товарищи, а кроме того, в один из дней все в звёздочке становятся только цветоводами, или только физоргами, или только командирами.

Н-да, не дремлет мысль бюрократа!

Опять я не сдержалась и вылезла с контрпредложением. (Обо мне давно уже думают примерно так: «И чего она всё лезет? Все хочет себя показать!». И обсудив моё нескромное поведение — скромные все по углам сидят и помалкивают, — осуждающе качают головами. Господи, да пусть думают, что хотят, лишь бы дело сдвинулось с места!) Показала и пояснила схему. (Такая структура далека от совершенства, это только первый шаг, но по крайней мере нам она помогает воспитывать организаторов.)

Дежурная звездочка	День недели	Командир	Бригадир	Санитар	Цветовод	Физорг	Библиотекарь
1-я 2-я	Понедельник						
	Вторник						

Каждая звездочка дежурит в определённый день недели: 1-я — только по понедельникам, 2-я — по вторникам, 3-я — по средам, и так до 6-й, которая дежурит по субботам.

Быстро образуется привычка, ребята не забывают свой день недели. Очень удобно, да и не надо никаких графиков.

Всей работой руководит дежурный командир. Он организует день. Дежурный бригадир отвечает за все трудовые дела. Под началом у него бригадиры всех остальных звездочек, они выполняют его распоряжения. При такой системе каждый, без исключения, ребёнок ежедневно упражняется в подчинении своих импульсов и желаний общим целям. И учится руководить, продумывать, планировать свои действия, отвечать за дело.

Опробовали мы свою систему ещё во II классе, а в III дети со знанием дела выбрали командирами и бригадирами только мальчиков. Объяснили в ответ на моё удивление:

— Очень трудно быть командиром октябрятской группы. И командиром звездочки или бригадиром — не легче. А мальчики должны как раз брать на себя самое трудное. Девочкам пусть будет что полегче.

Вот так. Девочки согласились. Они были цветоводами, санитарами, библиотекарями, организовывали игры на переменах, проводили музыкальную зарядку у нас и у «наших малышей», теперь второклассников, — дружба с ними крепла.

Командирами стали Алёша К., Алёша Щ., Слава Б., Максим Б., Женя Н., Дима Л. Максим, флегматичный, немного неуклюжий, но очень славный по натуре, обрадовался и испугался:

— А вдруг не справлюсь?

Алёша К., его друг:

— Не бойся, мы тебе поможем. Привыкай, когда-то надо начинать!

Хорошим командиром со временем стал Алёша Щ., тот самый, которого в I класс даже карандаши не слушались, прыгали и падали. Он ещё тогда решил стать летчиком и упорно создавал «другого себя»: организованного, волевого. Все по достоинству оценили Алешины усилия и зауважали его, выбрали командиром. В хорошего организатора вырос и Слава. Более того, он буквально «вывел в люди» Серёжу Д., нашего новенького. Но все это было потом.

А пока я предложила свою систему старшей вожатой. Она внимательно рассматривает схему, а я жду: интересно, что она сумеет увидеть и какие вопросы задаст?

Дождалась.

— Это что, у вас в звездочке по 6 человек? Так не положено. Должно быть по 5.

— Но мы делим класс не по 5 человек, а на 6 групп, по дням недели, тогда в Каждой группе получается по 6–7 человек. Макаренко заметил, что…

— Нет-нет, это совершенно недопустимо! Это, знаете ли, даже аполитично!

?!!!

— В нашей звездочке 5 лучей, значит, должно быть 6 человек! А у вас и по 6, и по 7.

— Но при чём тут лучи?! Интересы дела…

— Ну, знаете, вам любой проверяющий скажет, что это неправильно и аполитично.

У нашего школьного рондо один рефрен:

— Что скажет проверяющий?! Что скажет проверяющий, Когда придёт коми-исси-я-я!

(Исполняется хором.)

А.С. Макаренко по вопросу первичного коллектива имел мнение, отличное от мнения старшей вожатой. В статье «О моём опыте» он писал, что первичный коллектив не может быть менее 7 человек и более 15, причём коллектив в 15 человек уже стремится к разделению.

Но у нас принято Макаренко не изучать, а только цитировать. И то для галочки.

Нашей системой заинтересовались Л.Г. и М.В., вторая — молодая учительница — к этому времени уже ушла в другую школу. Надеюсь, что там обстановка лучше. У М.В. — I класс. Проблемы те же, что и везде: дети не умеют двигаться, владеть своим телом. Поведение импульсивное. Первоклассники не готовы и не хотят принять требования школы. Думаю, дело в том, что ёщё раньше в семье, в детском саду не сделан первый шаг в нужном направлении, и потому дети все дальше бредут не по той дороге.

Мы, взрослые, не учим их говорить «спасибо». Не между прочим, под настроение, а по внутреннему побуждению, как выражение позиции. И это не такой пустяк, как может показаться. Это иное качественное содержание.

Много лет я ездила на работу в городском транспорте и только однажды услышала «спасибо» от чужого малыша, которого держала на коленях в переполненном автобусе. Зато наслушалась всякого другого.

Пятилетняя девочка входит с мамой в автобус, где все сиденья заняты. Говорит громко и возмущенно:

— Мама, ты только посмотри: они сидят, а ребёнок стоит!

Кое-кто заулыбался. Ох, товарищи, вы даже представить себе не можете, до какой степени всё это не смешно!

Четырёхлетний мальчик (им с мамой уступили место с краю) тоном наследного принца:

— А я хочу к окну!

Пожилая женщина, к которой адресовано требование:

— Ну и что, что хочешь?

— Я. Хочу. К окну. Я люблю смотреть в окно!

— И я люблю. Что же дальше?

У доморощенного принца, не привыкшего встречать какие-либо препятствия между «хочу» и «получу», закипают яростные слезы. Он замахивается на женщину кулаком.

— Только посмей! — говорит она строго.

Соло матери:

— Вы что, ребёнку уступить не можете?! Старуха уже, а с дитём связалась! Нахалка! Довела ребенка!

Ещё пару лет мама его повоспитывает, а потом он придёт в школу. Придёт с таким перекосом правового сознания, что вряд ли его удастся выправить. А если и удастся, процедура будет длительной и болезненной.

Перекос начинается, можно сказать, с пелёнок. Ребенок ещё тогда обнаруживает, что ему все можно. Можно шлепать по лицу мать, таскать за бороду отца или деда, бить кулачками бабушку («Все смеются, значит, я делаю так, как надо. Имею право»). Понятно, что деточке не разрешат таскать родню за волосы в течение, скажем, 20 лет. Когда-то ему это запретят. А вот запрет он воспримет как ущемление его законного права. И будет его отстаивать, вступать в конфликты с людьми и законами, а себя чувствовать борцом за справедливость. В корне всех бед — ошибочная позиция «имею право», которую так старательно лелеяла семья («Если я бегу, они должны посторониться; если я хочу сесть, они должны уступить мне место. Я имею право, а они обязаны»).

Конечно, так развёрнуто эгоистическая позиция ребенком не осознается. Но она существует в свёрнутом виде, вросла в подсознание и руководит поступками. А вот простое «спасибо», сказанное не для проформы, а от души, означает в корне иную позицию: «Незнакомый человек уступил мне место, хотя и не обязан. И я должен делать так же».

По-прежнему ученики нашей школы занимаются в три смены, только теперь мы — в третью, с 15.30. В прошлом году техничка убирала наш класс во время урока. Пройдётся мокрой тряпкой по полу — и всем дышать легче. Когда она заканчивала работу, ребята вставали и говорили «спасибо». Но однажды так увлеклись работой, что не заметили ее ухода. И только в конце урока спохватились. Вскочила Инна:

— Мы же «спасибо» не сказали!

Сколько было переживаний!

— Что же теперь делать?!

— Она нам чистоту навела, а мы сидим, помалкиваем!

— С. Л., а можно я ее догоню и от всех поблагодарю?

Так и сделали. Сняли камень с души.

Но вернёмся к нашим планам. С самого начала я решила: не буду вести двойную бухгалтерию, как мне советовали доброжелательно настроенные люди. Они объяснили, что сейчас многие так делают: один план для себя, другой — для проверяющих. Составлю план для работы, а не для «красоты». И не подпольно, а открыто.

Итак, ради чего вся работа, все бои? Чего я хочу добиться? Записываю: «Ввести детей во взрослый мир, сложный и противоречивый, настоящий, не плакатный. Учить ориентироваться в нём. Вырабатывать иммунитет к чуждым воздействиям. Побуждать к активному переустройству окружающей действительности. Учить борьбе за вечные человеческие ценности, вооружать для такой борьбы».

Педагогические начальники, увидев так сформулированную цель в моем плане, ахнули. Им всё стало ясно: я окончательно «не наш» человек. И тогда мне на разных уровнях, не сговариваясь, задали один и тот же вопрос:

— Интересно, а с кем это вы собираетесь бороться в нашем социалистическом обществе?!

Кроме неясного оттенка угрозы сей риторический вопрос содержал еще и искреннее недоумение: на дворе 1985 год, всё у нас хорошо, местами замечательно, и если отмечается ещё кое-где неравномерность распределения среди населения «пирогов и пышек», с одной стороны, «синяков и шишек» — с другой, то уж по производству процентов мы давно всех обогнали.

(Если вы хотите увидеть этих людей, приезжайте в город Энск и послушайте, кто там больше всех говорит о перестройке. Вот это они и есть.)

План мой прошёл через всякие передряги. Его держали в руках чиновники гороно, ИУУ, не говоря уже о школе, его хаяли и ругали, обвиняя меня во всех грехах, убеждали, что совсем не такой план нужен нашему советскому учителю, что есть ведь рекомендуемый вышестоящим начальством план, выполнение которого строго обязательно. И что если я не согласна с мнением вышестоящих и действую наперекор, то…

Но самое любопытное — план все держали в руках, но никто не читал! С содержанием плана, с основными принципами не пожелал ознакомиться ни один!

В той школе я не стала писать планы воспитательной работы. Душа восставала против схоластики, насаждаемой методистами. А как надо — я не знала. Но зато ясно представляла себе, какими

должны стать дети. Написала перечень дел на год, причём в течение года он изменялся, дополнялся, т. е. откликался на требования жизни.

(Но не подстраивался, нет!) Ходила под угрозой выговора.

И вот большое майское представление в той школе. Наш I «Б» рисует пригласительные билеты, подписывает их, вручает гостям заранее. В день праздника нарядные, любезные хозяева приглашают гостей — детей, родителей, учителей — в актовый зал, показывают выставку лучших рисунков и изделий, изготовленных на уроках труда в течение года. Потом часовое представление: стихи, песни, танцы, кукольный театр, театр сатирических миниатюр. Рады взрослые успехам ребят, счастливы дети — праздник!

Эти представления стали у нас традицией. На следующий год зал был переполнен, пришли не приглашённые нами старшеклассники. А в первый раз после представления подошла Раиса Кузьминична, организатор, и… расцеловала меня, что было на неё совсем не похоже.

— Молодец! Поздравляю! Замечательный праздник. Я бы сказала, отчёт за год. Теперь вижу, что всё делаешь правильно, так что планы можешь не писать. Пиши, как тебе надо, делай по-своему.

Потом рассказывала:

— Нашлись-таки недовольные, пришли с претензиями: почему ей можно, а нам нельзя? Я так ответила: «И вы не пишите, но в конце года ждём от вас такой же отчёт». Самое интересное, что на следующий день они сдали планы по всей требуемой форме!

В этой школе мы с ребятами тоже хотели ввести такую традицию, но встретили столь же мощное сопротивление. Конкретных противников не было, никто из администрации не возражал, хотя и не поддерживал. Но как только нам был нужен школьный зал для выступления, он либо оказывался закрытым, а ключ безследно исчезал, либо там неожиданно намечалось проведение важного мероприятия, хотя день и час мы согласовывали заранее.

Кто мешает человеку, идущему против ветра?.. Ни-кто…

Ученикам же всех других классов наши редкие выступления очень нравились. Они часто спрашивали и у моих артистов, и у меня, когда следующее представление.

Ко Дню учителя (в начале октября) наш театр подготовил новую программу. Ребята очень старались, хотели порадовать учителей нашей школы. А мне хотелось, чтобы те хоть раз своими глазами увидели детей, о которых слышали от администрации за

два года столько плохого. Увидели и, может быть, задумались.

За день до праздника заглянула организатор, сообщила время выступления. И вот мы сидим в учительской, волнуемся, повторяем фрагменты. У ребят приподнятое настроение.

— С.Л., как вы думаете, учителям понравятся сценки?

— Думаю, да. Если хорошо сыграете.

— Мы очень-очень постараемся!

Входит предместкома, она главный распорядитель.

— Вы собираетесь выступать?

— Да.

— А кто вам сказал?

— Организатор.

— Та-ак… На сколько минут ваш театр?

— Минут десять.

— Нет-нет, что вы, это слишком много! И вообще вам не надо выступать! Идите домой!

Дети замерли. Пауза. Мне думать страшно, каково им сейчас. А предместкома добивает невинно:

— Мы вас как-нибудь потом послушаем, может, на 7 ноября…

Поистине, нет такой души, куда бы не ступала нога человека.

Мы шли мимо других участников монтажа и концерта, как сквозь строй. Чужие и ненужные на празднике.

И это не случайная накладка, не простая несогласованность: я неплохо знаю предместкома. Это один из ее методов борьбы. Одна операция в технологии выращивания комплекса ненужности. Это комплекс, которым страдают в наше время тысячи людей умных, талантливых и человечных. Между талантом и теми миллионами, которые его ждут, которым он необходим, стоит непробиваемая стена чиновных бюрократов — монолитно, плечом к плечу. Талант обречённо тычется к одному, к другому, а ему объясняют на словах и на деле: никому не нужно его открытие, его изобретение, его книга, картина, фильм, наконец, его личные качества — порядочность, способность любить. Он весь не нужен. В конце концов он начинает с этим соглашаться и ломается.

Мои дети испытали на себе такой удар. Нанесла его учительница, к которой они, может быть, попадут через год. Как мне нейтрализовать его действие? Не знаю…

Пришли в класс.

— Ну что, по домам?

Думаю: придут домой, переоденутся, пойдут гулять. Набегаются, напрыгаются, наиграются и всё забудут — у детей психика гибкая. А я тут посижу…

Но они не ушли. Вдруг, не сговариваясь, поснимали белые

фартуки, пиджачки и… принялись за дела. Убирали чистый класс, пересаживали цветы, вытирали пыль. И всё время рассказывали мне и друг другу что-то весёлое, интересное, не имеющее отношения к сегодняшнему дню. Вспоминали забавные случаи, задавали вопросы, даже пели песни.

И вот тут я увидела главное: они научились держать: удар. Сегодня, может быть даже не отдавая себе отчета, они нашли спасение в работе и в общении с друзьями, а ведь ещё час назад — какими глазами они на меня смотрели! И вот распрямились сами и, более того, пришли на помощь мне.

Из школы мы ушли только тогда, когда у всех поднялось настроение и вернулось душевное равновесие. А на следующий день по традиции явились ко мне домой мои дорогие гости, мои Старшие, уже семиклассники. Нам есть о чём поговорить, есть что вспомнить.

Слава М., остроумный добрый мальчик, с широким кругом; интересов. Спешит выложить все новости сразу. Девочки смеются:

— Слава, уймись! У С.Л., наверное, от тебя голова закружилась.

Я слушаю его с особой радостью: в I классе он практически не мог говорить — так заикался. Дети над ним издевались, передразнивали его, не сознавая своей жестокости.

— Слава научится говорить только в том случае, если вы ему поможете. Как? Сочувствием. Смеяться можно над чем угодно, кроме одного: не могут быть смешны страдания другого человека. А вот над своими бедами иной раз можно и посмеяться. Они этого боятся, сразу разбегаются — так я их останавливала.

Изменилось отношение, и Слава преодолел свою робость. Но звуки не хотели идти гладко, и, чтобы облегчить им путь, мы стали петь. Пели стихи и прозу, потом читали нараспев, немного растягивая слоги, потом просто читали, и неплохо. Но. при малейшем волнении Слава опять начинал заикаться.

Но контрольное чтение мы одолели, благо проверять пришла завуч Екатерина Федоровна Носкова, прекрасный человек и опытный педагог. (Впоследствии она вела у моих историю. И они все дружно любили и историю, и Е. Ф.) Мы ей без страха продемонстрировали секрет нашего успешного чтения: я погладила Славу по спинке, напомнила ему, какой он молодец и умница, и выразила уверенность в том, что он всё прочитает спокойно, чётко и правильно. Так и получилось.

Таня Ф. и Катя Ч. — неразлучные подруги. Таня ещё в I классе решила стать учительницей. Пока тверда в своём намерении. Они с Катей — вожатые третьеклассников, создали театр «Смешинка». Восстанавливают наш старый репертуар,

новый сами ищут и ко мне приходят переписывать, смотреть репетиции.

Все мои Старшие к III классу прошли через театр, и у каждого вне класса и школы уже были интересные занятия: акробатика, лыжи, борьба, судомоделизм, изо, фото и т. д. В IV–V классах новая жизнь захватила ребят. А я и радовалась (сама этого хотела) и грустила: столько сил отдано театру — и где он? Разумеется, театр никогда не был самоцелью, и всё же… Остались одни воспоминания, яркие и счастливые, — и это уже благо. Придётся примириться с мыслью: театр на определенном этапе отмирает.

И вдруг (в VI классе) театр возродился, В нём появилась нужда. К нему вернулись разные дети в разных школах.

В V классе Раиса Федоровна провела анкетирование. Потом, рассказывая мне, смеялась:

— И как это вы так результативно провели профориентацию? Многие ребята, причём не только девочки, но и мальчики, собираются стать учителями начальных классов. Поделитесь секретом!

— Что вы, Р. Ф., никогда не агитировала, напротив, отговаривала желающих, расписывала свою работу в самых мрачных тонах.

С интересом и знанием дела рассматривали старшие подарки моих младших. Одобрили. А Таня тут же показала спектакль-импровизацию с Петрушкой, подарком Алеши Щ.: кусок ткани + лист бумаги + иголка с ниткой + фантазия, забота, труд. В действии участвовали и домик — подарок Оли Л., и матрёшка, сделанная Леной О.

Серёжа Н. тихо млел, вспоминая доблестное детство. Он пришёл к нам во II классе из другой школы. Приживался очень трудно, поскольку не умел и не любил работать. Но и сидеть на месте он тоже не мог в силу своей энергичной натуры. Поэтому все его нерастраченные силы — ох, как много их оставалось! — уходили на озорство. Замечаний в свой адрес не выносил — сразу начинал ворчать своим простуженным баском на весь класс, искренне полагая, что ворчит шепотом:

— Вот уйду я от вас и больше не приду в эту школу. Возьму и убегу. Совсем убегу! Брат убегает с уроков, а я — совсем… из школы и никогда больше не приду…

Эту тему он мог варьировать немыслимо долго, не давая никому работать.

Все средства воздействия, накопленные педагогикой, отлетали от закаленной Сережиной головы, как от стенки горох. И однажды терпение моё лопнуло, и я стала его умолять:

— Серёжа, пожалуйста, не уходи, не покидай нас! Ведь мы не переживём твоего ухода!

Ребята с готовностью подхватили (они знали толк в иронии и розыгрыше):

— Конечно, не переживём!

— Заплачем!

— Зарыдаем!!

— Кто же нас тогда бить-то будет?!

Был такой грех за Серёжей — все проблемы решать с помощью кулака. Он оторопел. Потом, недоверчиво:

— Ну да, вы заплачете, как же! Больно я вам нужен!

Ребята расхохотались.

— Правильно, — обрадовалась я. — Молодец, что догадался. Действительно, никому ты такой не нужен. Полгода у нас проучился, но никого за это время не обрадовал, никому не помог. Только мешаешь всем да дерёшься. Нам с тобой не интересно: ты ничего не знаешь, не умеешь, да ещё и учиться не хочешь. Тебе и правда надо уйти.

Я знала, что никуда он не денется: его уже крепко заинтересовала наша весёлая жизнь, да и театр сыграл свою притягательную роль.

Серёжа со злостью собрал учебники и вразвалку вышел из класса (для форса), оставив, однако, одно ухо в замочной скважине (для интереса).

— Ушёл. Ну что, давайте плакать, как и обещали, — предложила я ребятам в расчёте на это ухо.

О, как мы рыдали и приговаривали:

— На кого ты нас, бедных, покинул?!

— Таких непобитых!

— И остались мы без щелчков и без подножек!

— Ну совсем учиться невозможно!

Тут дверь приоткрылась, и в щели показался недоверчивый Серёжин глаз, потом за дверью раздалось подозрительное фырканье, а затем и громкий смех.

Вспоминали мы, как Сережа твёрдо решил исправиться и незамедлительно начал насаждать культуру в массы. Силовым методом преимущественно.

Отдельных товарищей, которые не изъявляли желания сию минуту по Сережиному требованию становиться культурными, он «легонько толкал», отчего неокультуренный летел через весь коридор.

Сегодняшний Сергей — совершенно другой человек. Ещё в III классе мы с ним нашли интересные дела: он начал заниматься в судомодельном кружке и в фотошколе, которую создал

прекрасный мастер своего дела Борис Васильевич Чигишев. Б. В. воспитал сотни ребят. Десятки стали классными специалистами в области фото и кинодела. Его выпускники преподают в вузах, работают в редакциях газет, открывают свои фотошколы и тоже учат ребят, как их учитель, многие удостоены золотых медалей ВДНХ СССР, имеют награды международных конкурсов. Б. В. учил трудиться, учил видеть, понимать и показывать другим красоту жизни. Учил взрослой ответственности. Б. В. — один из немногих педагогов-мужчин имеет право на вопрос своих учеников (сегодняшних) «Где вы были до перестройки?» ответить: «Работал и боролся». (Со всеми вытекающими последствиями…)

Еще до фотошколы Сережа начал играть в нашем театре в сценках на школьные темы. Играя самого себя, радостно расставаясь со своим прошлым, он менялся на глазах. Слезала с него вся шелуха и короста и представал перед нами смышлёный мальчик, застенчивый и трудолюбивый.

Теперь он увлекся ботаникой (спасибо Раисе Федоровне), ставит опыты, делал доклад о выведенном им гибриде.

О каждом из моих Старших можно рассказать много интересного. Мы вспоминаем прошлое, обсуждаем настоящее. Главная тема разговора, т. е. что больше всего волнует, — смелость быть собой, человеческое достоинство. Человек должен уважать и ценить себя и других, никому не позволять тих, никому не позволять унижать себя. Должен восставать против несправедливости в любом её виде. Не бояться, а что порой очень трудно.

Тема эта для них больная, и не первый год: война, которую затеяла и упорно ведёт против них одна учительница, не прекращается. Об этом недостойном процессе все в школе знают. И понимают, что она не права, но, объясняют, «В. К., она вообще такая… она скоро уйдет… ну такой она человек, невзлюбила их, и всё тут…» Пробовала я с ней поговорить, но поняла сразу: с учителем, который сводит счёты со своими учениками, беседовать бесполезно.

Теперь, мне кажется, наметились перемены к лучшему: раньше ребята плакали от обид и несправедливости, кипели от гнева, яростно отражали её упорные попытки задеть, унизить, оскорбить, а сейчас — смеются. Стали снисходительнее. Для них это лучше, для неё — не знаю…

Обрела себя Лена Щ. На долю этой доброй, умной, деликатной девочки выпало много всякого. Она после окончания III класса переехала в другой район города, оказалась в новом коллективе. На одном из наших сборов сидела печальная, подавленная. Перебирая рисунки, удивлялась: «Неужели я так

хорошо рисовала?» Мы вспоминали прошлое, пели наши любимые песни.

— Лена, запевай, как раньше!

А она чуть не расплакалась:

— Я уже не умею…

Лена была душой коллектива. Она многое умела: прекрасно рисовала, пела, играла в театре, заработала звание кандидата в мастера спорта по акробатике. Училась отлично и всегда поддерживала товарищей в трудную минуту, вселяла в них уверенность.

И вот не узнать девочку. Оказалась она в системе с совершенно иными, чем у нас, ценностями, эталонами, идеалами. И — одна. Её не понимали и не принимали. Её коробило хамство — «Ах, какие мы нежные!» Она старалась для всех — «Тебе, что, больше всех надо?» Не достучаться.

Выстоять в настоящем и победить в будущем, верно, поможет ей прошлое. Оно было и есть, и никуда не делось. Нужно на него опереться и сказать себе: «Я права. Им кажется, что правы они, потому что их много. Да, здесь я одна, но не одинока. У меня есть друзья».

Вспомнили случай в спортсекции. Тренер уехал, и занятия вела старшая девочка, которая давно отчаянно и зло завидовала Лене. Эта девочка сразу воспользовалась случаем и наговорила Лене гадостей, оскорбила её. Лена гордо ушла, к радости обидчицы.

Она молча переживала свой уход из акробатики, но на наши вопросы отвечала, что ушла сама, вот захотела и бросила. Я не поверила, пошла к тренеру. Мы с ним во всем разобрались. Лена вернулась в секцию. И расцвела, была на седьмом небе от счастья, а то чуть было не засохла на наших глазах.

И вот сейчас, через несколько лет, мы анализируем ситуацию. Изучаем ещё одно обличье зла и ещё одно его оружие.

Добро должно уметь защищаться, иначе это не добро, а кисель какой-то. Иначе оно бесполезно, а то и вредно, так как превращается в свою противоположность.

Лена ушла. Кому хуже? В первую очередь ей. Она оставила любимое дело, в котором достигла больших успехов. Сдалась, отступила — зло! Плохо и тренеру: в её успехах — его труд и. любовь. Плохо и нам, её друзьям: переживали, видя, как она молча страдает. А кому благо? Завистнице! Ей одной! Она ликовала — добилась своего! — и ещё не раз использует свой испытанный приём, поняв, что он так хорошо действует.

Хладнокровно рассмотрим, какими средствами, каким оружием нас чуть не победило зло. Та девочка Лену не выгоняла!

Она добилась, чтобы Лена ушла сама, — вот в чём фокус. Оскорбила в расчёте на её гордость, на чувство собственного достоинства.

Хам оскорбляет деликатного человека, зная, что тот не ответит. Лгун обманывает доверчивого — тот поверит. Можно обмануть и гордого — тот проверять не станет, не унизится. Таким образом, зло в своей войне использует, и умело, лучшие качества людей порядочных.

Где же выход? Мы искали его сообща и пришли к выводу: это мера. Не сказали лгуну, что он лжёт? Из деликатности? Но безмерная деликатность — эго уже трусость. Безмерная доверчивость — глупость. Перечень можно продолжить.

Лена осталась «театралкой», пробовала в своей школе, в подшефном классе создать театр юмора.

— Никак не получается! Учительница у них такая странная: считает, что всё в школе замечательно и что детям ничего, кроме уроков, не нужно. Не даёт мне с ними заниматься!

— Отстаивай свою правоту. Не уходи, как тогда, из спортзала.

И она боролась. Театр был создан, малыши занимались в нём с большой охотой. Они много выступали. Работу Лены признали и оценили. В VIII классе её наградили путевкой в «Орленок».

Но это было уже потом. А пока они в VII и их интересует, как там мои Младшие. Я рассказываю об их выступлении по радио. Журналисты спросили, что ребята думают о себе, о своих товарищах, об учебе. Ведь мы обычно в классе о чём-то хорошем особо не распространяемся, хорошо — ну и ладно, так и должно быть. А вот недостатками занимаемся подробно. Мои дети высказались:

— Мы ещё не научились преодолевать трудности. Иногда получается, а иногда нет.

— Ещё не всегда можем остановить себя и спросить: а что я собираюсь сейчас сделать и зачем?

— Да, сдержанности нам не хватает.

— И воли маловато.

— Часто лень одолеть не можем.

Да все высказывания с примерами! Их послушаешь — всё так плохо, просто хуже не бывает.

Старшие смеются:

— Ничего страшного, всё правильно. Мы тоже были вечно недовольны собой, хотели стать лучше. Это нормально.

На самом-то деле с Младшими очень приятно работать. Управляют они собой неплохо. Любят трудиться на уроках, но тем не менее отметками почти не интересуются, у них

доминируют познавательные мотивы учения. В классе спокойная, деловая обстановка, хотя ребята часто работают группами, сообща выполняют какое-либо задание.

Домашние работы проверяю быстро: в тетрадях порядок, ошибки крайне редки. Но беспокоит меня русский язык. И чем дальше, тем больше. Даю задание придумать предложения и что получаю! «Я горжусь родным колхозом». Пишет ребёнок сугубо городской, не имеющий о колхозе никакого представления. Гордится!.. «Вся страна думала о большом урожае». Ещё один пример лозунгового стиля. И у других в том же духе.

Ну до чего фальшиво! Моя работа? Да нет, вроде не учила стандартно мыслить и ходульно выражаться. Но ведь учит и то, что они видят и слышат вокруг. И те же лозунги. И учебник, в котором чего только нет!

Всё есть, кроме русского языка… «Школьники и школьницы прилежно работают на уроках». (Нет, не Толстой…) «Петя приходит в класс до звонка, занимает место за своим столом и ждёт начала урока. Он вынимает тетради, открывает книгу и проверяет домашнюю работу». (Этот Петя — воплощённая мечта проверяющих!) «Наши школьники горячо любят свою школу». И т. д.

У-у-у! Долой такой учебник! Долой безмотивное писание и говорение слов и предложений! Да здравствует русский язык!

И мы практически перестали работать с учебником. Тем более что ежедневно заниматься переводами с канцелярского на русский весьма утомительно. Да ещё я провела маленький шутливый эксперимент: предложила методистам и учителям выполнить одно из заданий, которые мы предъявляем детям. Ни один не справился! Посмеялись и согласились со мной: да, мы требуем от детей невозможного. А что поделаешь, так положено… Кем и для чего положено?

Как мама учит малыша ходить? Отойдёт на несколько шагов, присядет, протянет руки: «Иди ко мне!» И малыш идёт. Его цель — прийти к маме. Но если бы эта мама учила ребенка ходить, используя тот же принцип, по которому учат русскому языку в III классе, она бы сказала: «Сегодня мы будем учиться ходить. Для этого мы сначала научимся поднимать правую ногу путем работы определенных групп мышц…» Малыш при такой методе может научиться только в одном случае — если не станет слушать, что ему говорят!

Так получилось и у нас. Я пыталась, преодолевая изо всех сил своё неприятие существующей методики, по ней учить ребят русскому языку, а они, мои умницы, всячески сопротивлялись.

Оля начала писать стихи, не расстаётся с блокнотиком.

(Интересно, что и Старшие увлекались стихами: и читали, и пробовали сочинять сами.) Женя Н. — «резидент иностранной разведки»: облюбовав последнюю парту в качестве тайной явки, строчит шифровки своим «агентам» — Антону и Саше А. В целях конспирации он именует свои секретные послания «шефровками», видимо, от слова «шеф». Виталик и Саша Г., закадычные друзья, тоже ведут активную переписку: они раскрыли шпионскую сеть и теперь всё туже стягивают кольцо. Инна пытается самостоятельно разобрать по составу слово мультипликация. Саша Ш. под впечатлением только что прочитанного Салтыкова-Щедрина пишет сатирические сказки.

Выходит, что не только мне, но и детям не нужен засушенный учебник? Ну что ж, поищем иной путь изучения русского языка — творческий, игровой.

Считаю, что ребёнок имеет право на ошибку, особенно в творческой работе. Но он обязан эту ошибку осознать и исправить. Для этого ему необходимо;

1) иметь базовые знания;

2) владеть алгоритмами решения учебной задачи, технологией самопроверки;

3) уметь работать со словарями и справочниками;

4) выработать привычку, обнаружив своё незнание чего-то, спрашивать у тех, кто об этом знает: у учителя, родителей, товарищей.

Базу я разработала и дала блоками, алгоритмы мы отработали в развёрнутом виде, а потом свернули. Консультироваться и консультировать научились. Но 3-й пункт у нас с треском провалился, так как словарей и справочников просто нет, даже у учителей (за 12 лет упорных поисков я смогла купить только Словарь синонимов, беднейшее издание, сплавленное кем-то в магазин за ненадобностью, да Орфографический словарь. Школьный. СЭС подарили).

И всё же дело пошло на лад. Писали письма заболевшим товарищам и просто так. Переписка у нас велась и… в тетрадях по русскому языку. С максимальным нарушением инструкций (и опять со всеми вытекающими последствиями), но не из вредности и не потому, что очень уж хотелось нарушить. Просто передо мной стояла альтернатива: или инструкции соблюдать, или дело делать, детей учить. Мне кажется, что инструкции разрабатывались людьми, не подозревающими, что есть на свете наука психология и что она кое-чего уже достигла.

Так, например, любой взрослый усталый человек делает ошибки при письме. Удивляется, исправляет… и делает снова. Но ребёнок, по мнению составителей, не имеет права допускать их.

Но еще хуже, если ребёнок видит и сам исправляет свои ошибки. Его за это наказывают. А всепоглощающая страсть к красоте букв и выражений, понимаемая чрезвычайно своеобразно?! После подробного анализа я пришла к выводу, что по этой системе творцов не вырастить. Писарей можно, но такого стремления у меня не было.

Итак, мы стали переписываться. Оля: «Нарисованна женщщина». Я подчеркиваю и комментирую: «Кашу маслом не испортишь, да?» Исправит она сама.

Егор занимается акробатикой, очень умный, собранный мальчик. Вдруг нахожу домашнее задание, перевернув тетрадь, в конце её. Выполнено, как всегда, отлично. Ставлю «5» и интересуюсь: «Это такое сальто?»

Паша: «По полю разгуливают грочи». Прошу уточнить: «Паша, а что за зверь этот гроч?» По той же схеме отвечаю и Саше Г., написавшему: «…на синяй воде». — «На какяй воде?!»

Даю задание: читая книгу, которая их сейчас увлекла, попутно записать на листочке 10 слов с безударными гласными в корне, проверяемыми ударением. На следующий день становлюсь владелицей богатейшей коллекции безударных гласных: стол завален исписанными сверху донизу листками. У многих ребят возникли вопросы — трудные случаи попались.

Предлагаю выписать несколько слов из словаря и составить с ними предложения. Никто не «гордится родным колхозом», пишут то, что видят, о чём размышляют: «Дежурный искал пальто машам-растеряшам»; «На уроке физкультуры я отжался двенадцать раз»; «У нас в классе очень красивые девочки»; «Здесь, на этом пустыре, будет построен жилой дом».

Но вот для меня сигнал тревоги: у некоторых ребят возникли другие ассоциации. Женя Н.: «Здесь умер мой деда». Сережа О.: «Большой автомобиль сбил женщину». Света: «У меня на новой юбке жёлтое пятно». Саша: «Я ем остывший завтрак».

Орфография наконец-то перестаёт быть самоцелью и занимает своё место, становится средством передачи мыслей и чувств, а если шире — самореализации. И что поразительно: в творческих работах практически нет ошибок на неизученные правила, но случайные ошибки изредка встречаются. В работах репродуктивных есть ошибки на изученные правила. Получается так: чем труднее работа, тем успешнее дети с ней справляются.

Собираемся писать сочинение по картинкам.

— А в стихах можно?

И пишут, преодолевая все преграды на неведомом пути.

Приходила к нам на такие уроки Л.Г. Мы вместе обсуждали работы. Потом на перемене подбегает Люда из её класса:

— Ой, С.Л., знаете, а мы сегодня писали сочинение, как ваши ребята. Так интересно было!

Прочитали новую книгу Э. Успенского «25 профессий Маши Филипенко» (в рукописи) и тоже захотели стать «улучшателями жизни». Ребята написали письмо начальнику ГАИ. Думали, спорили, переделывали. Мне согласились показать, когда оно было готово. Впечатление сногсшибательное!

> «Здравствуйте, товарищ начальник!
>
> Разметьте, пожалуйста, дорогу на перекрестке улиц Королева и Химиков. Машины останавливаются на красный свет где попало, потому что нет линий. И дорогу никак не перейдёшь.
>
> Просим Вас разметить, как показано на чертеже. Если хотите, мы Вам поможем (чертёж, подпись)».

Как вам нравится такая картина? Представляю: начальник ГАИ размечает перекресток. В одной руке у него ведерко с краской и кисть, в другой — чертёж, любезно предложенный третьеклассниками. Поминутно сверяясь с чертежом, он сосредоточенно размечает дорогу.

Ну а если серьёзно, получается, как в книге, логичная позиция детей «с незамутнённым сознанием»: раз годами не размечается такой оживлённый перекресток и перейти улицу практически невозможно даже на зелёный свет, следовательно, человек, отвечающий за это дело, просто не знает, как его выполнить. Надо ему помочь, вот и всё.

Из коллективного письма Эдуарду Николаевичу Успенскому:

> «…Мы взяли отрывок, в котором говорится о том, как Гена заменял Галю и играл Красную Шапочку. Мы сначала на уроке русского языка писали пьесы… и самую интересную работу взяли для сценки. Но только мы решили замены продолжить, и Волком у нас была старуха Шапокляк…»

На сцене это выглядело так. Ведущая (Наташа Б.) в растерянности. Следующим номером программы идёт «Красная Шапочка», но кукла Галя заболела, а Волк объелся мороженым. Но, тут выясняется, что согласен выручить крокодил Гена. Он сыграет главную роль, поскольку уверен, что почти знает слова, а этого вполне достаточно для выступления. Старуха Шапокляк, оказавшаяся поблизости (как всегда), тут же бросилась предлагать свою кандидатуру на роль Волка.

Такая замена, а точнее подмена, дала возможность

разрабатывать как бы две драматургические линии — в ролях и «в жизни». У Шапочки с Волком одни отношения, один ход развития действия, всем давно известный по сказке, у Шапокляк с Геной — другие, тоже известные по книге. Но здесь герои встретились в необычных условиях, и неизвестно, что будет дальше.

Гигантские усилия суфлера, его судорожные попытки направить ход спектакля в привычное русло сказки «Красная Шапочка» и отсебятина, которую несут герои вперемежку с текстом роли, соскальзывания на вторую драматургическую линию дают потрясающий комический эффект. А как хорош Гена в костюме Шапочки!

Показали мы эту сказку сначала на дне именинника, потом она прочно вошла в наш репертуар. Её с одинаковым интересом смотрели и дети, и взрослые.

Это к вопросу о связи межпредметной и связи школы с жизнью. Сама постановка вопроса мне кажется неверной, как если бы медицина вдруг поставила вопрос о связи, скажем, печени с организмом и начала всячески призывать печень налаживать и укреплять вышеупомянутую связь. По-моему, надо не связывать насильно старую школу с обновляющейся жизнью, а совершить революцию, создать школу жизни, в которой потребность будет командовать и содержанием обучения, ния и методами, формами. Насущная потребность, а не чьё-то указание.

Думаю, что значительная роль в новой школе будет отведена театру. Не театру-зрелищу, а театру-тренажёру. И конечно, юмору.

Надо сказать, нас спасало, особенно в III классе, чувство юмора. Это хорошая психологическая защита, более того, это сильное оружие, острое и опасное. И в первую очередь для того, кто не научен им владеть. Считаю, что эту обширную область человеческого творчества, область юмора и остроумия, надо непременно изучать в школе. И учить детей владеть приемами остроумия. Любой остроумный человек не рождается таким, он учится методом проб и ошибок, он много читает и слушает, анализирует и сравнивает. Чаще всего такая работа проходит подсознательно, примерно так же, как у ребёнка, который овладевает родной речью.

Замечательным специалистом в области юмора и остроумия был Александр Наумович Лук. Его книга «О чувстве юмора и остроумии» помогла мне выстоять в самые тяжелые времена, открыла новый мир. Сейчас постоянно обращаюсь к его книге «Юмор, остроумие, творчество». Она помогает решать и многие педагогические вопросы.

Есть запретная для шуток область: боль и страдания другого

человека. И это не запрет сверху, а внутренняя невозможность смеяться над горем. Но по школам гуляют анекдоты из серии так называемого чёрного юмора. Распространены они среди детей 8–12 лет, т. е. самого податливого возраста. Эти как бы детские анекдоты составлены явно не детьми и притом вполне профессионально. По форме — стишки, лаконичные и остроумные. По содержанию — циничные, чёрные. Вроде конфет в ярких фантиках, но с ядовитой начинкой. Герои всех этих анекдотов — дети. Они либо гибнут, либо выступают в качестве садистов и разрушителей.

Вот один из самых «безобидных»:

Мальчик в овраге нашёл пулемет…
Больше в деревне никто не живет.

Это двустишие вызывает у ребят, как правило, непроизвольный смех, но это совсем не значит, что дети так жестоки и циничны, как может показаться перепуганным родителям и учителям. Причина смеха не в детях, а в законах остроумия. Анекдоты построены по одной схеме: в логической цепочке отсутствует среднее звено. Мысль совершает скачок, человек сам додумывает то, что выпущено. Результат умственной работы и вызывает смех. Радость возникает прежде, чем успевает пройти фильтр разума и более сложных чувств.

Для того чтобы сделать прививку против «чёрного юмора», необходим анализ. Когда восстановишь пропущенное звено логической цепочки, весь юмор пропадает, так как остроумной была только форма, а анализ её разрушил. Осталось только чёрное содержание. Вставьте между первой и второй строкой звено: «Он перестрелял всех родных и друзей». Ну как, всё ещё смешно?

Считаю, что анализ — лучшее противоядие. И мы должны учить детей его применять. В противном случае происходит отравление сознания, внедряется цинизм. (Кто подсчитает процент «заслуг» чёрных анекдотов в преступлениях подростков?..) Форму можно рассматривать отдельно от содержания, но существуют-то они только в единстве. И суть стишков все равно проникает в сознание ребёнка, но при этом ассоциируется с радостью, смехом, которые относятся к восприятию формы.

Эти анекдоты упорно бьют в одну точку: чужая жизнь — пустяк. Убил ты, убили тебя — ничего, всё мелочи, главное, чтобы было смешно, а поэтому давайте разрушать! Мы же учим относиться к жизни бережно, а к человеческой жизни — как к

величайшей ценности. И вместе с тем упорно не замечаем существования мощного неформального пласта, работающего, и весьма результативно, против нас. Вырастают дети со слепоглухонемыми душами. Они покатываются со смеху там, где мы не можем удержать слез. У них нет иммунитета к враждебным воздействиям.

Дела обстоят плохо: у детей есть потребность в юморе, но в стенах школы она вообще не удовлетворяется. И принимает самые уродливые формы. Учебники перегружены «серьёзом» и, что самое опасное, ложным пафосом (pathos — страстное воодушевление). Пережить его дети не могут — не созрели, но зато быстро выучиваются имитировать, болтая слова «на тему».

Удивительное явление: имя замечательного нашего писателя Э. Успенского не упоминается ни в учебниках, ни в методичках. Его нет даже в новом учебнике «Детская литература»! Но ведь в его удивительных произведениях есть все, что требуется для развития ребенка: юмор высокого качества, «на вырост», доступный лаконичный язык, необыкновенная точность характеров и ситуаций, убедительная правда слов и поступков героев, даже если дискутируют мыши — «серая рать» или поступок совершает кот Матроскин. У него в книгах герои живут и действуют, показывая возможные пути нравственного выбора ребятам. Но герои эти не занудливо-дидактичны. Они правдивы, убедительны и обаятельны.

Читать книги Э. Успенского можно только творчески. Для того чтобы догадаться, надо мозгами пошевелить, но зато — какая радость! Но, может, это умеет не каждый взрослый?..

Мы с ребятами с большим удовольствием читали и ставили в театре сценки по произведениям А. Барто, С. Маршака, С. Михалкова, А. Шибаева, Л. Квитко, И. Кульской, Е. Серовой, Л. Фадеевой, В. Орлова, В. Медведева, С. Погореловского и многих других. Но Э. Успенский был для нас главной школой. Школой творчества.

Придумали мы сценку, раздвинувшую рамки нашего театра. В ней удалось как бы обособить средства выразительности. В этой пантомиме-клоунаде мы оставили жест, позу, интонацию — почти без слов (как у «Лицедеев»).

На сцену выходит Первый. В руках у него огромная конфета.

Первый. У-тю-тюсицька!

(Перевод: «Ах, какая у меня замечательная конфета! Она, наверное, очень вкусная. А какая красивая! Ни у кого нет такой конфеты!»)

Выходит Второй. С таким же утрированным пряником.

Второй. А-тя-тясицька!

(Такая же укрупнённая фраза, но тон ниже. Поменьше умилённости, побольше хвастливости.)

Похваляются друг перед другом, пользуясь междометиями, но зато какое интонационное богатство!

Вбегает Третий. Видимо, давно уже оценил обстановку. Принёс потрясающее известие о каком-то фантастическом существе. Впрочем, существо это в его показе сильно смахивает на корову. Его цель — заинтересовать новостью и тем самым отвлечь внимание от вкусностей. Коварный план его удается.

Первый и Второй. Аде? Де?!

Третий (наугад тычет пальцем). О-о-о тям…

Пока они вглядываются неизвестно куда, пытаясь разглядеть там неизвестно что, Третий удаляется на цыпочках, унося добычу и приговаривая:

— Тям, тям!

Смотрели, смотрели, но ничего так и не увидели. Глубоко разочарованы:

— Тю-тю…

Но тут же спохватились:

— А де ням-ням?..

Растерянно оглядываются. Потом с нарастающим подозрением вопрошают друг друга:

— Де ням-ням?!

Уже приняли боевые позы, вот-вот подерутся, но тут слышат громкое чавканье. Это обманщик доедает конфету. Они — к нему, но Третий, довольный проделкой, разводит руками:

— Тю-тю!

Нам кажется, что слова, их лексическое значение — это и есть главное в речи. Но на самом деле основную информацию чаще передают иные каналы: интонация, взгляд, мимика, жест, поза.

Например, когда директриса резким тоном делает мне выговор (при детях, только при детях!): «Почему это вы детей не провожаете в раздевалку?!», это совсем не значит, что она предельно озабочена судьбой моих несчастных малюток, которые без меня непременно заблудятся среди вешалок и уже никогда, никогда не найдут дороги обратно. Нет, читается её речь совершенно иначе. Примерно так: «Ах, как вы меня раздражаете! Тут хозяйка я, а ты никак не хочешь это понять! Дети, смотрите, какая у вас учительница неуважаемая!»

Вот такое несоответствие текста и подтекста мы и изучаем на театральных занятиях. В процессе разучивания сценки на собственном опыте учимся понимать смысл без лексики, искусственно убрав её. Развиваем умение воспринимать

информацию разных каналов. Тренируемся не только на занятиях. Возле моего стола, как обычно, «пасутся» несколько человек — каждый со своей проблемой: рассказать, спросить, посоветоваться. Тут что-то много желающих подбежало на перемене.

Немножко потолкались. Катя — Максиму грубовато:

— Ну ты чё, совсем уже?!

Тут же подхватываю тон. Утрированно:

— Да, действительно, ты чё это, га?! (Максиму.) Как мы его, а! (Кате.)

Она смущенно улыбается:

— Я поняла, больше не буду…

Совершенно неожиданно продемонстрировал свои достижения Алёша Щ. Ставили сценку по стихотворению С. Михалкова «Как старик корову продавал». Алёше роли недосталось: он и так в нескольких сценках исполнял главные роли. Решили дать ему отдохнуть. Куда там, он ходил и клянчил роль. Соглашался на любую, даже готов сыграть… корову. Я отговаривала:

— Алёша, ну какой интерес? Это же смирное бессловесное создание. Там и играть-то нечего.

— А можно я всё-таки попробую? Я кое-что наметил…

Уговорил.

На репетиции сам, без малейшего моего вмешательства, искал краски и оттенки. А я тихо восторгалась, глядя, как умело он ведёт свою драматургическую линию, используя все средства, кроме словесных.

Сначала корова жует жвачку безразлично. Грустно вздыхает. Но вот появилась надежда, и она воспрянула духом. Возгордилась, принимая хвалебные речи паренька за чистую монету. Подтверждая его слова, корова говорила «Му» — но какое богатство интонаций! Поистине, «не корова, а клад». Вот так Алеша! Сотворил из коровы главную героиню, перевернув наши планы. И всех нас заворожил. И другие ребята загорелись желанием сыграть такую интересную, богатую личность — корову.

В этом году произошёл качественный скачок: вышли на сцену бывшие «неспособные», а ныне — неплохие самобытные артисты. Играет Наташа Г. Раньше она учила стихи с большим трудом. Развить память помог театр. Прорезались таланты у Серёжи О., Светы, Эльмиры, Ларисы.

Много выступаем: в детских садах, на заводах, на открытых площадках, в ДК. Были приглашены на праздник в ту школу нашими Старшими. Пообщались и поработали все вместе с

большим удовольствием. В нашей школе ситуация сложилась прелюбопытная. Когда надо выступить «сегодня» — идут к нам; знают, что программа готова и выступить мы можем в любой момент, школу представим достойно. Но…

Идём по коридору в свой класс (приехали после выступления). Ребята увидели новый, свежевывешенный стенд и побежали вперёд читать, что там написано. Вспоминаю: ах, да, школа готовится встречать очередную комиссию. Накануне завуч собрала на перемене учителей и проинструктировала:

— Товарищи! В понедельник к нам приедет комиссия. Сегодня же всем провести генеральную уборку. А самое главное — обязательно предупредите детей, чтобы здоровались со всеми незнакомыми людьми. И чтобы хорошо себя вели.

С инструктажа я ушла просветлённая. И чего это я бьюсь над проблемами воспитания?! Оказывается, всё очень просто: надо было приказать детям хорошо себя вести. И здороваться. В понедельник. Ну а вдруг проверяющие не придут? Это что же, дети так и будут напрасно здороваться со всеми незнакомыми людьми? В этом пункте небольшая недоработка… А если серьёзно — устала смертельно от показухи.

— Предупредите, чтобы все дети пришли в воскресенье на «Весёлые старты», — будут проверяющие!!

— Обеспечьте явку на все мероприятия в каникулы — придут проверяющие!

Всё для проверяющих! Но что же для детей?

Подхожу к стенду, чтением которого поглощены мои дети. Режим работы кружков и секций, которые, якобы существуют в нашей школе. О, 41 кружок! Чего тут только нет! Всё есть! И чего нет — тоже есть.

— С. Л., а нашего театра почему-то нет…

Внимательно перечитываю — действительно нет! Даже для галочки? Феноменально! Это уже показатель того, как нас не хотят. Очень сильно…

— Наверное, забыли. Пойдёмте.

До чего же мы не нужны родной школе! Отвергаются наш стиль отношений, наши нормы, наша социальная активность, а больше всего — наша позиция.

И тогда мы пошли в детский дом. У детей есть горячее желание поделиться всем, что знают и умеют сами, стремление делать кому-то добро. И вот уже сейчас, в таком раннем возрасте, они столкнулись с невостребованностью самого лучшего, что есть в человеке. Будущее за ними, но сегодня надо дать выход этой прекрасной энергии. И всем будет хорошо. Но у меня ещё одна цель: я должна воспитывать не просто детей, а будущих отцов и

матерей. Не в старших классах на специальных уроках, т. е. в том возрасте, когда их больше всего волнуют половые проблемы, а всё остальное воспринимается как занудливое теоретизирование. Мне кажется, введение спецурока было сделано по принципу: как на охоту идти, так собак кормить. Родительские качества закладываются задолго до периода полового созревания. В начальной школе. С первого дня.

Хочу, чтобы были ребята сильными и снисходительными, внимательными и добрыми, чтобы умели понимать и прощать малышей, чтобы были направлены на их нужды и стремление. Хочу научить любить и с радостью вкладывать свои добрые чувства и свой труд в становление растущего человека. Пусть ребята увидят покинутых малышей, почувствуют их горе, хоть немного смягчат его. Многие мои дети сами растут наполовину обделёнными. Важно прервать эту порочную цепь, не дать распространиться нелюбви на следующее поколение.

Хороший папа и хорошая мама, хорошие супруги — это не те качества, которые могут появиться вдруг на пороге загса. Это — с детства.

Пришли мы в детский дом. Каждый нёс большую сумку с подарками: договорились отдать малышам свои самые любимые игрушки. В первый день дали большое представление театра «Смешинка». Малыши были очень рады. Потом мои работали в детском доме на субботниках, занимались с ребятишками, гуляли и играли с ними. На уроках труда вышивали кармашки для расчёсок, делали игрушки.

Расставаться каждый раз было трудно.

— А когда вы ещё придете? — малыши.

— А когда мы ещё пойдем? — мои, по дороге домой.

В конце учебного года ходили уже и без меня, даже на субботники. Работу организовывали бригадиры (строгий народ!): Виталик, Паша, Антон, Серёжа Ш., Саша Ш., Женя М. На субботниках приходилось нелегко: и класс надо убрать, и на пришкольном участке много работы, а больше всего — в детском доме. (Мнение завуча: «А зачем вы туда ходите? Вам ведь никто не поручал. Вечно вы так»).

Анна Даниловна, директор и мама детдомовцев, всегда была нам рада, отмечала самостоятельность и трудолюбие ребят. Она послала, несмотря на мои протесты, благодарность III «Б» классу, Адресовала администрации и попросила вручить ребятам на линейке. Но письмо так до них и не дошло.

И это, я думаю, хорошо. Мы ходили в детдом и делали всё для малышей — не для того, чтобы похвалили. Конечно, приятно, когда тебя хвалят заслуженно, но, когда на дворе такое странное

время, когда критерии хорошего и плохого вывернуты наизнанку и поставлены с ног на голову, полезно выработать критерии собственные, жить в согласии со своей совестью, не очень-то обращая внимание и на похвалы, и на ругань. Помогли ребятишкам, принесли им хоть немного радости — и хорошо.

В школе столкновения с «окружающей средой» участились. Куда от неё денешься! Сбежать от неё мы не можем, изменить что-либо не в силах. Остаётся противостоять и бороться, хотя силы ох как не равны!

Заходим в столовую, направляемся к своему столу и видим: шестиклассник хватает с тарелки котлету (значит, Лена или Сережа или ещё кто-то останется голодным) — и бежать. Влетает в мои объятия.

— Положи на место.

— А чё, я ничё, — растерянно. И уже увереннее: — Я её не брал.

— Ты меня понял?

— Да я правда не брал! — на глазах наглея.

— А что у тебя в руке?

— Это? Это моя котлета!

— Бывает и такое. Но только что она была чужой.

— Да не брал я у вас котлету! Я только хлеб взял! — прибавляя истеричности (авось подмога подойдёт).

— …С тарелки, где лежали одни котлеты?

Ребята молча слушают наш диалог.

— Ну чё вы, жалко хлебд, что ли… — заныл жалобно, увидев поблизости избавление.

Подходит его классная руководительница. Резко, не пытаясь разобраться:

— Ну что вы в самом деле! Ребёнок взял кусок, хлеба — что тут страшного?!

«Ребёнок» мигом улизнул, унося добычу. Один из моих останется голодным. Один из её отрабатывает навык перехода границ, навык правонарушения. Усваивают «урок» и мои: я права и… бессильна.

Подходим к столу. Паша — он дежурный бригадир — сообщает с гневом.:

— С.Л., пока мы накрывали, у нас со стола старший мальчишка стащил бутылку молока.

(Нам тогда на 40 человек давали 2 поллитровые бутылки молока. Но никто его не трогал, хотя многие любят: Лена и Лариса после тяжёлой болезни на диете — отдавали им.)

— А что же вы, дежурные?

— Мы ему говорили, чтобы на место поставил, а он

замахнулся на нас и обругал нехорошими словами.

— Где он?

— Вон там, на подоконнике сидит, наше молоко пьёт.

Подхожу. Диалог по принятой у нас в школе схеме (см. выше).

Налетает классный руководитель, она же председатель профкома:

— Что случилось?

Выслушав меня, всплескивает руками:

— Да что вы говорите?! Не может быть!

Ему:

— Это правда?

Нечаянно позиция выскочила: он должен подтвердить, правду ли я говорю. Ответ мы услышали стандартный, вызывающий у меня аллергию пополам с тошнотой:

— А чё, я ничё… Они мне сами отдали!

— Ну что же ты так, а? Ты больше так не делай, это нехорошо. Они дают, а ты бы не брал…

Он ухмыляется и согласно кивает.

Опять безнаказанность проступка.

И в хорошем, и в плохом невозможно стоять на месте. Идёт развитие или деградация. Так что в следующий раз нас попросту обобрали, оставив половину класса без еды.

Ставлю вопрос на педсовете — директриса спускает его На тормозах. Всё тихо и гладко, никакого вопроса нет, И все молчат.

— Неужели вы не понимаете, что все это кончится бедой?! Сегодня забирают завтраки на глазах у своих учителей, грабят и бьют на школьном крыльце. Этого еще мало? Чего вы хотите дождаться завтра?!

— А вы, С.Л., провожайте детей из школы, тогда их и грабить не будут. А то довели до раздевалки — и до свидания!

Дан отпор происка «врага». И снова всё в порядке. Главное — тихо.

Вскоре неизвестные залезли в школу ночью и разгромили пионерскую комнату, а через некоторое время — столовую.

На ближайшем партсобрании, «плановая тема» которого «Молодым строителям коммунизма — качественные знания, коммунистические убеждения», журчали правильные подготовленные речи о наших больших достижениях и маленьких отдельных недостатках. О том, что надо укреплять… усиливать… увеличивать… О ЧП — ни звука: если о проблемах не говорить, то их как бы и нет.

Я знала, что партсобрание будет именно таким, как всегда, и заранее пригласила зам. начальника РОВД: думала, постесняются

коммунисты докладывать о полном благополучии в присутствии человека, которому на голову свалились результаты нашей бурной воспитательной деятельности. Думала, что заговорят наконец о болезни школы и мы найдём какой-то выход из тупика.

Ничего подобного! Все молчали или говорили «красиво». Делали вид, что всё в порядке. Недавно я прочитала, как после аварии на Чернобыльской АЭС какой-то чиновник призывал проводить в школе мероприятия и делать вид, что ничего не случилось, всё у нас хорошо. А ведь у нас тоже что-то взорвалось — в душах людей. Я до сих пор не знаю, кто учинил разгром, но если бы хотели поживиться, украли бы магнитофон или что-нибудь ещё. Нет, они хотели плюнуть школе в лицо и сделали это. Пошли на преступление, но отношение своё выразили, разорвав в клочья грамоты и дипломы.

Попросила слова. Сказала, что наши дети мало напоминают будущих строителей коммунизма: они под нашим мудрым руководством ежедневно упражняются в безнравственном поведении. Атмосфера в школе невыносимая — атмосфера грубости, хамства, унижений и дикости. Такой тон задаёт директор, ей вторит завуч. Привела факты. В зале мёртвая тишина. Неужели и тут промолчат?!

Нет, наконец прорвало. Взволнованные учителя просили слова и… слёзно жаловались на детей: лицемерны, изворотливы, грубы, бесчестны. Учиться не хотят. Словом, не дети, а средоточие зла. Но о причинах болезни, о работе — ни звука. И только одна «нашла выход». Она яростно кричала о наболевшем, не понимая, что речи её были бы смешными, если бы не были такими… (слов не могу подобрать):

— Я его учила-учила, воспитывала-воспитывала! Теперь его надо немедленно отправить в колонию, но милиция сидит сложа руки и ничем не помогает!

Это в ответ на краткое выступление сотрудника РОВД, который поддержал меня и тоже выразил удивление по поводу молчания коммунистов.

После партсобрания в школе ничего не изменилось. Ни-че-го.

Что может один человек там, где учатся и работают более двух тысяч человек? Может ли он воспитать 40 из них, причем не изолируя от среды?

Чему сейчас учатся мои дети, если они на каждом шагу видят моё поражение? Возьмут в конце концов за правило пословицу: «Плетью обуха не перешибёшь» или «Против лома нет приема»?

Они всё-таки учились бороться.

В коридоре шестиклассник — не простой анархист, дежурный по школе! — набросал бумажек и помчался дальше. Мои

дежурные — остановили, окружили:

— Подними.

— А ну, мелюзга, кыш отседова!

— Подними! Зачем ты насорил? А ещё дежурный!

— Вот ещё, буду я всякие бумажки поднимать! — хорохорится он.

— Надо поднять, ведь насорил-то ты сам.

Он бежать — не пускают. Засмеялся (уже хорошо!) и поднял бумажки.

Маленькая победа.

Плачет Алёша К.: над ним возле школы, издевались шестиклассники. Девочки утешают, мальчики возмущённо гудят:

— …Тот пацан замахнулся да как даст ему по голове!

— А вы? — вмешиваюсь я.

— А что мы… Их же пятеро было… И они большие!

— Да и вы не маленькие. Учитесь давать отпор. Не бойтесь защищать друг друга, налетайте на обидчиков все вместе. Ведь когда пятеро сильных бьют одного слабого — это мерзко и бесчеловечно, но когда маленькие дружно налетают на противника, который сильнее их, да так храбро, что гот от них улепетывает, — это уже для него смешно и стыдно.

После уроков выхожу из школы — стоят мои орлы, которых я давно домой отпустила, и на дверь поглядывают.

— Почему не идёте домой? Кого ждёте?

— Да так… гуляем… — уклончиво.

Вася решительно:

— Мы тех пацанов, которые Алёшу обидели, сейчас будем бить!

Нашему теленку да волка бы съесть!

— Нет, товарищи, защищать надо было раньше. А сейчас это уже получится месть. Это не дело. Остыньте, а завтра обо всём поговорим.

Дома Слава с папой смотрят хоккей. Уже поздно, мама гонит их спать. Мужчины упираются. Папа:

— Вот дурочка наша мама: ничего в хоккее не понимает!

Слава резко встает:

— Вот что, папа, никогда больше такого слова о маме не говори!

Слава очень любит отца, переживает за него. Решил отучить его от курения. Отец рассказывает:

— Дома не стало житья. Нарисовал плакаты, везде их развесил. Сигареты прячет — не найдёшь. Как увидит у меня в руке пачку, начинает прорабатывать — спасу нет! Придётся бросать, как я погляжу.

У ребят крепнет взаимное уважение и чувство собственного достоинства. Многие родители признаются, что дети обижаются, когда на них дома покрикивают, и просят:

— Мама, не надо голос повышать. Скажи спокойно, и я всё сделаю.

А ведь раньше грубое обращение считалось нормой, им и в голову не приходило обижаться.

Достоинство, трудолюбие, ответственность — они в человеке связаны воедино. Но в нашей школе, видимо, ставится опыт по выращиванию чистого, без всяких примесей, трудолюбия: утром пионеры убирают пришкольный участок, рыхлят землю, подрезают сухие ветки, подметают дорожки. А вечером ломают зеленые ветки, кидают друг в друга комья земли, вытаптывают то, что посадили утром. Они не хозяева, они чужие школе и ни за что не отвечают. Труд без достоинства, без чувства хозяина — мартышкин. труд. Пионеры наши — звенья разорванной цепи…

Ребята очень серьёзно подходили к рубежу своей жизни — вступлению в пионерскую организацию. Горячо обсуждали кандидатуры, в итоге проголосовали за 16 человек, самых авторитетных, «испытанных в боях». Предлагали кандидатуры Оли, Вити, Алёши Щ., но они дали самоотвод.

— Я недостойна, мне надо кое-что исправить.

— А что, скажи? — выскочил любопытный Вася.

— Не выпытывай. Оля потом сама скажет, а может, и не скажет — её право.

— Я пока не готов.

У Вити серьёзная причина. Она в прошлом, но покоя ему не даёт.

— Мне рано.

Тяжело переживали, даже плакали тайком. Трудно быть самокритичным и порядочным. Трудно делать себя человеком.

Говорим мы с ребятами о пионерской организации мало. Стать пионером — дело интимное. Многословие, шум и треск здесь неуместны.

Принимали наших первых в торжественной обстановке в музее Дворца пионеров. И вот самая значительная минута: им повязывают галстуки, поздравляют со званием пионера. Первый пионерский салют. (Именно первый: салют мы не репетировали. Всё должно быть впервые.) Чуть замешкалась Наташа Ч. Серёжа Щ., очень застенчивый мальчик, от волнения поднял левую руку.

В коридоре на меня — хорошо, что не на них, нарушителей, — набросилась методист.

— Что за безобразие! Вы не подготовились! Ваши дети не умеют даже салют отдавать! Они не готовы стать пионерами!

— Мне кажется, что это вы не готовы их принимать. И больше мы к вам не придём.

Из этого роскошного дворца несколько лет назад был вынужден уйти Б. В. Чигишев. С ним ушли его ученики, вся фотошкола в полном составе, более ста человек. Ушли в тесную каморку приютившего их районного Дома пионеров.

Во дворец мы больше ни ногой, но из своей-то школы куда денешься! Отчетно-выборный сбор дружины. Старшая вожатая предупредила:

— Сядьте так: мальчик — девочка — мальчик — девочка. И чтоб у меня был порядок, чтоб не хулиганили.

Награждают пионерку, собравшую немыслимое количество макулатуры.

— Расскажи всем, как тебе это удалось.

— Ну я собирала дома… (в зале смех), просила у соседей… (опять смех: такое количество бумаги можно собрать, если

обчистить до последнего фантика весь микрорайон). Ну и… родственников подключила… (из зала: «Папа с работы на машине привез!»).

Старшая вожатая:

— А ну тихо там! Давайте похлопаем!

И аплодируют пионеры девочке за то, что у неё, во-первых, есть папа, а во-вторых, он работает на «подходящем» предприятии. Так мы любое «мероприятие» превращаем в фарс. Да ещё требуем, чтобы дети всю нашу педагогику принимали всерьёз.

В классе опять страсти кипят: кого принимать в пионеры? Кто-то предложил Женю Н. Наташа — против:

— Он вчера на горке обидел девочек, говорил нехорошие слова.

У Жени много возможностей научиться плохому. В классе он самый маленький, но и самый активный и вездесущий. Мечтает стать милиционером. Качает его в разные стороны, всякое бывает: нервы у него слабые, и домашняя обстановка не прибавляет здоровья. Но Он принял наши нормы и изо всех сил тянется к хорошему.

Как-то врывается в класс завуч, тащит его за шиворот. У него слёзы градом от унижения.

— Это ваш?!

— Да, а что случилось?

— Знаете, что он сделал?!

— Не знаю, но думаю, что ничего плохого он сделать не мог. Я знаю Женю.

— Не мог, говорите? Он принёс в школу кинжал!

У него учитель труда отобрал. И представляете, как партизан, молчит, не говорит, из какого он класса.

Выяснилось, что кинжал Женя принёс, чтобы показать ребятам. Из кармана высовывалась красивая разноцветная ручка. Завуч заметила, но, вместо того чтобы предупредить ребенка об опасности и дать совет отнести ножик домой, унизила мальчика. (Кстати, нож ему так и не вернули. Интересный метод воспитания…)

Завуч кипит, Женя ревёт в голос. Он не понимает, что она злится не потому, что он сделал что-то дурное, а потому, что не сделал. Но её неправоту чувствует остро. И своё бесправие и полное бессилие что-либо доказать.

Через несколько дней, когда Женя успокоился и повеселел, спрашиваю, почему он так упорно молчал, не сказал сразу, что учится в нашем классе. Оказывается… спасал меня от завуча, не хотел, чтобы мне за него попало.

Помню ещё, согрел мою разобранную душу тарелкой каши и горячим чаем. На уроке присутствовали проверяющие, на перемене урок и меня вместе с ним разбирали по частям, а дети ушли в столовую. Перемена кончается, проверяющие всё сказали и удалились, я лихорадочно пытаюсь привести себя в пригодное для следующего урока состояние — и вдруг, как в сказке, Женя с тарелкой каши, за ним дежурные несут хлеб и чай.

— С.Л., вы не ели. Мы тут вам принесли.

Звонок на урок.

— Вы всё-таки поешьте, а мы пока сами начнём урок, вы не беспокойтесь.

Это была не каша, а истинный бальзам!

Но у Жени-то какие таланты открылись! Дело — в той, что из столовой у нас все выходят с поднятыми вверх руками: дежурные обыскивают, отбирают хлеб — разумеется, в чисто воспитательных целях, чтобы хлеб по школе не разбрасывали (всё равно и выносят, и бросают). Правда, учителей коробит от такого унижения, через которое проходят ежедневно все дети. Они даже мягко журят дежурных. Но, поскольку взамен ничего предложить не могут, традиция живёт. Пронести кашу и чай мимо дежурных — это надо было суметь.

И вот пожалуйста — нецензурно выражался. Дети возмущены. Но я не ахаю, не ужасаюсь: «Где он слышал такие слова?!» Да где угодно: в школе, на улице, дома.

— Женя, таким словам место только на помойке. Уши девочек не помойка, чтобы лить всякие гадости. Но если тебе эти отбросы языка очень нравятся, я, конечно, не могу запретить тебе их употреблять. Более того, могу даже совет дать: придя домой, надень на голову большую кастрюлю — для лучшей слышимости — и три часа повторяй все гадкие слова, которые тебе так нравятся. Говори погромче и сам себя слушай. Получишь огромное удовольствие!

На лице у Жени несколько красок сменилось. И фыркает, удержаться не может: картина впечатляет, и он в ней — главный герой.

Обидеть девочек — это очень серьёзно. И за Женю никто не проголосовал, все были против того, чтобы принимать его в пионеры. Потом он тихо плакал в уголке, а ребята его утешали:

— Жень, ты не расстраивайся. Сам понимаешь, так нельзя! Ты за ум возьмись, ладно? И мы тебя потом примем.

Он согласно кивал.

Перед следующим сбором кто-то опять припомнил этот случай. Пытаюсь заступиться:

— Что же получается, он единственный из класса останется

октябрёнком?

— Ну да, до старости!

— Внуки будут спрашивать: «Дедушка, а ты был комсомольцем?» — «Нет». — «А пионером?» — «Нет, я ещё октябренок…»

— Октябрёнок-ветеран!

Они резвятся! А каково нашему октябрёнку? Сидит, чуть не плачет. Но и не возражает: было, обидел девочек. Знает: ребята заслужили право так резко выступать. Они сами долго и честно готовились стать пионерами.

Вся параллель, все 200 человек уже ходили в красных галстуках, а они, имея своё мнение, строго давали рекомендации друг другу, но строже всех — себе. Они пережили и насмешки, и сочувствие приятелей, недоуменные вопросы родителей.

Я делаю еще одну попытку:

— Товарищи, а может быть, Женю всё-таки принять, а потом перевоспитывать?

Дружный хохот. Женя вскакивает:

— Не надо меня перевоспитывать! Я сам могу!

Голосуют. «За» поднимаются три руки. «Против» — все остальные.

— А я с вами не согласен, — решительно встаёт Алёша К. — Это было давно и только один раз. Женя всё уже понял. А ведь он всегда заступается за слабых — вы забыли? Он никого не боится. Работает отлично, учиться стал лучше…

Перелом. Ребята, перебивая друг друга, вспоминают особо выдающиеся случаи из доблестной Жениной жизни. Он воспрянул духом. Примут!

Так бывало не раз: все — «за», один-два — «против». Иногда убеждают остальных, иногда нет, но сама эта смелость быть собой, иметь свою точку зрения, отличную от других, не бояться её отстаивать, выступать не в лад со всеми мне очень симпатична. Да и соглашаются под девизом: «Я не потому с вами, что вас много, а потому, что вы правы, а я ошибался».

Все — «за». Убедил Алеша.

Принимали ребят в пионеры наши Старшие: Таня А., Аня, Мара. Сбор вела Таня М. — она с V класса стоит во главе дружины в своей школе, а недавно её приняли в комсомол.

Из другой школы приехала Лена Щ. со своим театром юмора, с артистами-третьеклассниками.

Сбор получился замечательный, надолго всем запомнился. Сбор — праздник. Свои среди своих. Проводили мы его «подпольно», в классе, чтобы не узнала администрация: свежа память о дне именинника. Ничего, как говорится, в тесноте, да не

в обиде.

И я размечталась: не расставаться бы с ребятами, а вести у них в четвёртом русский, литературу и музыку и, конечно, классное руководство. И взять первый. В нём, как всегда в первом, каторжно работать, а у старших отдыхать душой. Да они бы и каторгу облегчили: одно дело — начинать с нуля, в одиночку, когда дети не только не представляют себе идеалов, но и не видят эталонов, и совсем другое — когда рядом испытанные соратники и сотрудники. Одно дело — создавать стиль на пустом месте, да еще вразрез с общепринятым, другое — стиль пересадить. Для старших это стимул расти и создавать в себе человека, это важное и нелёгкое дело в отличие от высосанных из пальца «пионерских поручений». Тем более они любят помогать, дарить радость.

G новенькими мне было легко, потому что помогали крепкие «старички».

— Кто хочет помочь Серёже Д. и Жене Т.?

Отбоя нет! У каждого мольба во взгляде: можно я, помогу?! С Женей сел Антон, наш самый младшенький, а с Серёжей — Слава Б. Серёжа слушался его беспрекословно, сразу же признав его авторитет в делах учебных. Да Слава ещё и командир!

К концу года Серёжа самостоятельно писал диктанты, делая по 2–3 ошибки (в начале года ошибок была такая тьма, что мне никак не удавалось их сосчитать), хорошо выполнял работы по математике, уверенно объяснял решение, трудился с большим рвением, не отставая от ребят. Отношения в коллективе дружелюбные, Серёжу приняли хорошо, и он постепенно оттаял, повеселел. И когда мама пришла за характеристикой для психиатра, я даже в толк не могла взять, о чём это она. Мальчик просто был придавленным, а сейчас и не узнать.

Так что помощники надёжные, с ними не пропадёшь. И те результаты, за которые я билась в одиночку три года, мы бы увидели в новом классе гораздо быстрее: была бы живая связь I и IV классов. Живая и ничем не заменимая.

Родители очень хотели, чтобы я осталась классным руководителем, обращались — куда только не обращались, дошли до гороно. Бесполезно. «Не положено». «Нельзя». «Так не принято».

Как я буду расставаться с моими детьми? Даже думать об этом тяжело. Со Старшими мы все-таки виделись. Да и за них я была спокойна: в хороших руках. А эти, Младшие? В какие руки они попадут? Я не знаю в нашей школе человека, который захотел бы продолжить то, что начато, т. е. пойти вразрез с курсом школы, с курсом формализма. Они будут выпадать из этой бесчеловечной системы, будут там, как кость в горле. И вряд ли

смогут сохранить себя и свой коллектив: малы еще, не окрепли. Что станет с ними? И меня рядом не будет. Думаю, что некоторые родители не устоят и примут сторону сильнейшего, а сила, как и сейчас, на стороне системы. Это будут те, которые не умеют смотреть в будущее, стараются жить тихо, «как все». В неприглядной, немыслимой истории с Вельяминовыми все единодушно вступились за меня. Надежда Дорофеевна, председатель родительского комитета, человек боевой и деятельный. Она никого не побоится, за детей она горой, в обиду не даст. И других за собой поведёт. Но потом, когда надавит эта железная машина всей своей властью, раскол, я думаю, неизбежен. И тогда дома начнут ломать и выкорчевывать самое ценное, что есть в детях, — в угоду профанаторам педагогики.

Меня поражает близорукость (или слабоволие?), с которой иногда родители вредят своим детям. Такие потери ребенка, которыми он обязан самым близким людям, особенно тяжелы. Чувствуешь себя, как человек со связанными руками: всё видишь, ясно понимаешь, чем кончится, изо всех сил стараешься удержать, предотвратить и ничего не в силах изменить. Родители не дают.

Один из таких случаев — с Серёжей В. Мама — учительница. Есть папа и старший брат. Серёжа — славный, сметливый мальчик с очень подвижной, неустойчивой психикой. Поведение его (в III классе это особенно бросалось в глаза) сильно отличалось от поведения одноклассников, но почти полностью походило на поведение первоклашки: всё на импульсах и рывках, детские взгляды и суждения, детские капризы, детская рассеянность. Он всей душой принял наши ценностные ориентации, он изо всех сил тянулся к хорошему, но, чтобы воспитывать, творить самого себя, ему нужна была помощь родителей, бережная, умная поддержка его порывов.

Но мама помочь сыну не хотела, а для меня у неё наготове было припасено два довода:

1. «А что я сделаю, если он не хочет?» (Читать, выполнять домашнюю работу, подготовить всё для урока труда, взять с собой спортивную форму, надевать шапку в мороз, стричь ногти и многое, многое другое.)

2. «Мне некогда. Я работаю в школе, да ещё у меня семья. У вас семьи нет — вам легче…»

После чего разговор прекращался. Что-то абсолютно непробиваемое… Она не хотела понять, что выращивает в своём ребёнке безответственность, ненадежность, культивирует легкомыслие и оправдывает отсутствие трудолюбия.

Когда её близорукость завела ребенка в тупик, она поступила

крайне непорядочно: вместо того чтобы всё-таки преодолеть свою неохоту заниматься воспитанием сына, признать неправоту и постараться что-то исправить, обвинила во всем меня — к вящему удовольствию моего начальства. Всю эту историю горько вспоминать. А Серёжу — больно. Пострадавшим был он. Он видел и понимал всю дикую несправедливость слов и поступков родителей и был всё время рядом со мной: на уроках старался работать, как никогда, встречал у входа в школу и помогал нести сумку, всеми способами проявлял внимание и заботу. И печально заглядывал в глаза: извинялся за родителей… Он и стыдился их и любил — рвался пополам. А со стороны родителей атака за атакой. У Сережи полный разлад: мама такое говорит на учительницу… и всё неправда, он-то, Серёжа, это знает, и всё в нём возмущается. Но учительница всегда говорит, что маму надо слушать, уважать, беречь…

Вмешалось родительское собрание и всё расставило по местам. А комитет предложил маме перевести мальчика в свою школу, чтобы иметь возможность заниматься его воспитанием и постоянно контролировать. Я была против, но, действительно, иного выхода не было.

И Серёжа от нас ушёл, хотя правильнее было бы мне его забрать, хотя бы на время, к себе домой, пока не окрепнет. Но не принято…

Мне всё чаще приходится слышать, что родители определённого склада, как правило некультурные и невежественные, стали видеть в школе место, где можно безнаказанно дать себе волю и устроить замечательный скандал. В учителе же видят человека, которому можно со смаком наговорить гадостей, обидеть и оскорбить. Где-то в другом месте поостережёшься — могут ведь и ответить похлеще и с лестницы спустить. А в школе — можно. Там разнервничаются, руки у них задрожат (приятно смотреть!), начнут уговаривать, увещевать, а то ещё и оправдываться — умора! А ты им вывалишь на голову всё, что взбредёт на ум, и полегчает на душе. легчает на душе. Да ещё и перед соседками похвалишься: я, мол, этим учителям дала жару — надолго меня запомнят!

Действительно, учитель перед родителями бесправен. Хорошо, если они люди культурные, тогда получается диалог и сотрудничество. Но есть вот такие…

Серёжа учился в другой школе, но расстаться с нами так и не смог, хотя чувствовал переменившееся, холодное отношение к себе ребят. У нас шли уроки, а он выделывал круги и восьмерки под нашими окнами, катаясь на велосипеде (мы учились во вторую, а он в первую смену).

На перемене Инна и Наташа, стоя у окна, иронизируют:

— Серёжа, как ушёл в другую школу, сразу стал пионером.

— За какие, интересно, заслуги?

— Да говорит, что учится чуть ли не отлично.

— А в каком, интересно, классе?

— Кто его знает, наверное, уже в четвёртом. А может, его и в пятый пригласили…

После уроков махнула Серёже рукой. Он бросил велосипед и прибежал.

— Приходи к нам на сбор.

— А можно?! — обрадовался он.

— Конечно. Если хочешь — выступи вместе с ребятами.

Разулыбался:

— Ещё бы! Конечно хочу!

И вприпрыжку домой.

Пришёл на сбор нарядный, отутюженный, в пионерском галстуке. И настороженный: как примут? Он уже как-то похвастался: «Вы меня в пионеры не принимали, а в той школе сразу приняли. Там зато все — пионеры, а здесь-только несколько». (Он явно идёт не туда. Влияние мамы?..) Не знаю, что сказали ему ребята, но прибегал он к нам после этого только «в штатском», без галстука. Принимали его приветливо, но без восторга. Выступал Серёжа, как всегда, с охотой и старанием (он очень любил наш театр).

Другая моя боль — Дима Л., тот самый, который пришёл к нам во II классе хилым, болезненным, со старческим личиком. И курящим. Потом он бросил курить, повеселел, стал лучше учиться, начал заниматься в секции самбо, танцевал, хорошо играл в театре. Он подружился с ребятами, тянулся к добру. Но ему тоже, как и Серёже, позарез необходима была помощь родителей. Помощь — понимание и поддержка. Её не было. И вот срыв в III классе. Опять замаячили возле Димы фигуры шестиклассников, которых никак не назовёшь цветом общества. В его манерах опять появилось что-то грубое и разухабистое. И завелись пустые клетки в журнале: не сдано… не сдано…

За Димой долг по труду — газетница. Всем даю задание.

— Лодыри, ох, простите, бывшие лодыри, а ныне — беззаветные труженики несут сдавать свои «хвосты».

Дима подходит, подаёт газетницу — ни в сказке сказать! Загляденье!

— С одной стороны, ты, конечно, молодец. Но, с другой стороны, мне кажется, молодец-то вовсе и не ты. Газетницу кто делал: мама или сестра?

Честный взгляд, детская бесхитростная обида в глазах:

— Я сам делал, правда-правда!

— Тогда вот что сделаем. Ты сейчас повторишь эти швы по 4–5 сантиметров каждый, как образцы. Если швы будут такими же, как на газетнице, я перед тобой извинюсь. Но если нет…

Пауза. Дима растерян. Но тут же обретает почву под ногами. Интересно, на чём он стоит сейчас?

— Да я бы сделал, только у меня ткани нет.

— Не беспокойся, у меня найдётся.

— И ниток нет… — с надеждой.

— И нитки дам.

— И…

— И иголка есть, — решительно отбираю его соломинку.

Сел Дима и начал пыхтеть над швами. Сшил криво, косо, кое-как. На уроке и то лучше получалось.

Подходит. Молча подаёт. И я молчу, смотрю на него. Дима начинает проваливаться сквозь землю.

— Иди…

И всё. Больше ничего. Мне нечего ему сказать, он всё знает сам. И ему очень стыдно. Потому что обман раскрыт. А если бы номер прошёл, тогда ничего — такова домашняя мораль. Наша ей и в подметки не годится: чтобы следовать нашей, надо трудиться, ох как трудиться! Надо многое менять в себе, преодолевать себя. Домашняя мораль гораздо удобнее в употреблении: можно — всё, но надо, чтобы никто об этом не узнал.

Мне нечего сказать Диме. Руки опускаются. Но зато я могла бы много чего сказать его маме. Но что изменится?..

Недавно был у нас с ней разговор.

— Дима опять стал покуривать. От него несколько раз пахло табаком.

— Нет, что вы, это у нас отец курит.

— Но пахло-то от Димы! У него опять пропал румянец, лицо стало землистым. Подкашливает. Учиться стал гораздо хуже, приятели завелись в два раза старше. Неужели вы ничего не замечаете?

— Нет-нет, это вам показалось!

И тут я поняла, что она просто предпочитает на всё закрыть глаза. Она видеть не хочет! Если матери говорят, что ее девятилетний сын курит, ей надо беспокоиться (какое дикое словосочетание получилось — «надо беспокоиться»!), принимать меры. Надо сына спасать, бороться за него. А ей не хочется. Так легче.

Ну сколько можно биться головой об это «так легче»?!!

И третий, самый тяжёлый случай — Гарик. Он — «самый новенький», пришёл к нам в середине учебного года. Мальчик

развитый, очень умный, разносторонне одарённый и с полным отсутствием каких-либо принципов.

В конце учебного года он вдруг заявил, что дежурить в столовой не будет: «Сами убирайте!» Такой вызов целому коллективу был невозможен еще пару месяцев назад. Раньше он никогда от работы не отказывался. Правда, и не брался сам. Трудовые задания выполнял только под нажимом извне. Но был период колебаний, какое-то движение в лучшую сторону, попытки создавать себя. Теперь мальчик медленно, но неуклонно идёт в другую сторону, и я с отвратительным чувством полного бессилия вижу, что ничего нельзя изменить. Всё возможное сделано. Против меня (и его самого!) грандиозная его лень, полное отсутствие охоты и, главное, привычки к ежедневным трудовым усилиям, мощные домашние тренажеры безнравственного поведения: семью он попросту терроризирует, прикрываясь мамой, как щитом. Любящая мама находит каждому его проступку и объяснение, и оправдание: мамой он умело руководит.

Цель его очередного — не первого! — демарша — проверка границ. Семья подчинилась, а с классом как-то не получается. Статус его в коллективе невысок, демагогические выступления, так хорошо действующие дома, никакого успеха не имеют. Дома можно вдруг заявить:

— У вас нет ко мне педагогического подхода!

И семья забывает про обед. Папа робко:

— Гарик, а какой к тебе нужен подход?

— Вы люди взрослые, умные, книги читаете, вот и подумайте.

И все счастливы: до чего умный ребенок!

Это испытанное средство проверено и на мне.

— С.Л., нет у вас ко мне педагогического подхода, — говорит Гарик с порядочной долей иронии.

— Ну, знаешь! Мы тут все вместе заняты очень важными делами и совершенно не переносим присутствия бездельников. Будь добр, если тебе приспичило, поищи сам педагогический подход ко мне. А то у меня нет ни времени, ни желания заниматься подобной ерундой.

— Я попробую… — с улыбкой говорит Гарик.

— Вот-вот, попробуй.

Потом он искал педагогический подход, а я его критиковала (подход). Гарик смеялся и разводил руками:

— Никак не пойму, какой же подход к вам нужен?

— Ты мальчик взрослый, книги читаешь, вот и подумай. И обрати внимание: почти все ребята такой подход уже нашли.

Тогда мы говорили на одном языке. Но для действия сил у

него не хватило. И мальчик выбрал самый лёгкий путь.

«Не буду убирать в столовой» — это разведка боем. Авось пройдёт. В подобные дела я давно уже не вмешиваюсь всерьез. Мы все вместе обсудили ситуацию и дали поручение Жене М. (точнее, он сам его взял) привести «ихнее сиятельство» в чувство. Надо сказать, Женя как-то очень быстро нашёл педагогический подход, без которого так тосковал Гарик. Причём исключительно лаской! Шёл только второй день дежурства, а Гарик уже был объят неукротимым желанием дежурить лучше всех. Он, как лев, кидался на тарелки, ложки и стаканы. Ему по привычке хотели помочь дежурные, но Гарик отважно отстоял своё право на труд.

Ребёнок он во многом симпатичный, но без стержня в характере и абсолютно необразованный нравственно.

Однажды я наблюдала, как он делил кекс на две части. Разрезал — неравные части, одна больше, другая меньше. Отрезал кусочек от большей — опять неравные. Разрезал этот кусочек пополам — нет, опять не то. Словом, кекс он делил долго и сосредоточенно, решил массу стереометрических задач, раскрошил весь кекс и, по-моему, был близок к тому, чтобы разложить его на молекулы и скрупулезно их пересчитать. Но самое простое решение — отдать другому большую часть, а себе взять меньшую — ему и в голову не пришло. Когда я, опасаясь молекулярного анализа, подсказала такой выход, Гарик очень удивился.

Спрашиваю бабушку, которая долгое время воспитывала внука:

— Гарик делится с вами конфетами, зефиром, — словом, чем-то вкусным?

— А как же, конечно! Всегда предложит: «Угощайся, бабуля!»

— И вы берёте, съедаете?

— Ну что вы, как можно! Неужели я у ребёнка возьму?!

В классе хорошо, когда нет посторонних, деловая спокойная обстановка. Разумное, в меру, чередование работы и игры.

Вот рамка одного дня.

Перед началом занятий подлетает Алёша Щ. и просит немедленно сообщить ему, из чего состоят атомы, а из чего — электроны: ему надо одну идею обдумать.

После уроков Серёжа Ш., светлая, умная голова, ведёт за собой на верёвочке машинку и с упоением бибикает: он весь в игре.

Играют, пожалуй, больше, чем в I классе. Тут и коллективные игры, в которые часто включаются все как один, и игры-импровизации, где ребята проявляют большую фантазию и неожиданные способности. Но, пожалуй, всему предпочитают они

игрушки-самоделки, играют с которыми самозабвенно.

Их стали раздражать тупое, бессмысленное действие, зряшный, ненужный шум. На перемене мальчик из другого класса бездумно стучит пеналом по батарее. Саша Ш.:

— Ну чего ты стучишь?

— А тебе чё, жалко?

— Да нет, не жалко. Только ты бы себя спросил: «Зачем я стучу?»

— Ну стучу, и всё! Кому какое дело!

— Да ты знаешь, здесь кроме тебя ещё и другие люди есть. Думаешь, им очень хочется слушать твою стукотню?

— А может, мне нравится!

— Нравится — по голове себе постучи.

Перестал.

В классе мы отдыхаем, отходим от неприятностей, которые посыпались на нас со всех сторон.

Проверка за проверкой. Методы, мягко выражаясь, странные: проверяющие ходят во время урока по классу, выхватывают у детей тетради прямо из рук, громко, не стесняясь, высказывают свое мнение. Цель таких проверок ни в какие бумаги не заносится, но тем не менее видна невооружённым глазом. (Думаю, сейчас я могла бы написать целую диссертацию под названием «Механизмы торможения. Методы. Формы».) Перед каждой контрольной работой в обязательном порядке затевается скандал. Провокации на грани неприличия. Завуч с последней парты:

— С. Л., не ходите по классу! Сядьте, а то я вас выведу!

— Я требую прекратить это безобразие!

— Ах! Где же ваша педагогическая этика?!

Хочу подчеркнуть; это не завуч такая, это такая война, такие её методы. Завуч никогда не разговаривала со мной в подобном тоне, если не было рядом детей. Провоцировала скандал только при них, причём с определённой целью, упиваясь своей безграничной властью и моим бесправием.

После таких «любезностей», когда у меня начинали дрожать руки и колотиться сердце (а что делалось с детьми!), она вдруг переходила на вполне приличный тон и предлагала начать контрольную. И они, мои дети, привыкшие к тишине, дружелюбию и деликатности, умудрялись писать эти контрольные вполне приемлемо, хотя и намного ниже своих возможностей. Какой-то запас прочности у них уже есть. Ходить по инстанциям в поисках справедливости было абсолютно бессмысленно: не для того же на меня, в самом деле, нападали, чтобы тут же защитить!

В том единственном случае, когда меня предупредили о контрольной заранее, я пригласила на урок председателя родительского комитета. Завуч молчала. Но тем не менее детей лихорадило — у них уже выработалась реакция на появление завуча.

Контрольное чтение вылилось в цепь издевательств над детьми. Проводилось оно без меня, проверяла завуч. Одна. Стали приходить родители, говорили, что дети стали плохо спать по ночам, некоторые не хотели идти в школу. Надо ли говорить, что во время этой проверки двойки так и сыпались на головы нервных и медлительных ребят. После погрома у многих детей появился стойкий непреодолимый страх перед процессом чтения и нелюбовь к книге. Завуч, сплясав на развалинах, восторженно кричала:

— Где, где ваш замок, а? Нет здесь никакого замка! Не умеете вы замки строить! Плохо, плохо работаете.

Предлагаю всем желающим провести эксперимент.

Нужно пригласить человека (он должен быть вашим противником — раз, иметь над вами безграничную власть — два) проверить вашу технику чтения. Условия: скорость 100 слов в минуту, предварительно знакомиться с текстом нельзя, прочитать надо предельно выразительно (не зная, собственно, что выражать), ошибаться ни в коем случае нельзя, спотыкаться тоже. За пару нарушений вас лишат премии, перенесут отпуск на январь, понизят в должности, снимут с очереди на квартиру.

Настроились? Готовы? Теперь начинайте читать. И постарайтесь не споткнуться, а то… (см. выше).

Каковы ваши успехи? А состояние нервной системы? Вы все ещё любите книгу? Ну тогда повторите процедуру.

И когда в конце учебного года завуч заявила, что придет проверять технику чтения, я предупредила, что ни в коем случае этого не допущу, а если она будет настаивать — забаррикадируюсь.

— Пусть проверяет любая комиссия, в любом составе. Условие только одно: без вас. Иначе у детей опять будет шоковое состояние.

И тут же обратилась к завучу старших классов (она единственная из членов администрации нас тайком поддерживала, была за нас, но открыто — никогда, но и за то спасибо) с просьбой проверить технику чтения в любое удобное для нее время, вместе с кем угодно. Разговор происходил в учительской в присутствии трех завучей и нескольких учителей* Завуч заколебалась (попала в трудное положение: согласиться — значит открыто выступить на нашей стороне), но тут зазвенел

звонок на урок — выручил.

Проверять чтение так никто и не пришел — а зачем? Но зато через неделю на педсовете с разбойничьим посвистом прокатились по моим костям:

— С. Л. по неизвестной причине не дала проверить в своем классе технику чтения.

Ответного слова мне, как всегда, не дали, а все «свидетели» промолчали. Бочка продолжала катиться…

Такие вот методы.

И я должна, профессионально обязана пребывать в хорошем, приподнятом настроении, вселять в моих сотрудников веру в светлое будущее, поддерживать мажорный тон. И шутить. Разумеется, ˆзшцно. От избытка хорошего настроения.

Еще я должна планировать свой театральный эксперимент, продолжать вести его, делать подробные записи, анализировать результаты, отчитываться перед родной лабораторией театра НИИ художественного воспитания АПН СССР (это место, где меня понимают и поддерживают). Но лаборатория так далеко, а мое начальство так близко…

Еще должна искать результативные приемы и методы обучения — что-то заимствовать, что-то придумывать.

И опять анализ, выводы, корректировка. И горы литературы. Среди опусов, от которых у меня начиналось разжижение мозгов, а уровень оптимизма взлетал вверх и там зашкаливался (хотелось петь и танцевать от счастья и благоденствия, которыми, оказывается, битком набита наша школа), я научилась отбирать необходимое.

Великий Макаренко, в книгах которого каждый раз открываю что-то новое для себя (дорастаю до понимания?), Сухомлинский, Терский, Иванов, Шаталов, Лысенкова, Ильин, Амонашвили (он каким-то образом заставил вселенную крутиться вокруг своих питомцев— у меня не получается), Щетинин (оставшийся без работы), Соловейчик (умеющий гениально расставить все точки над і и назвать вещи своими именами), Выготский, Гальперин, Лурия, Станиславский, Мочалов. (Книги людей, фамилии которых столь известны, что не нуждаются в инициалах.) Книги по психологии, психиатрии, социологии. «Режиссура как практическая психология» П. М. Ершова, ставшая настольной книгой. Справочники и словари, периодика, художественная и научно-популярная литература. Библиотеки, библиотеки (попробуй купи!).

Общение с друзьями, которые помогают в трудные минуты словом и делом, — еще одна ипостась моей жизни. Я уж не говорю о том, что надо растить свою дочь, быть ей папой и

мамой; дом, хозяйство, магазины с очередями, долгие, мучительные и унизительные поиски какой-нибудь мелочи, без которой тем не менее не обойтись, — вроде йода или бельевых прищепок. Каждое лето возить ребенка на курортное лечение — «дикарями» '(путевки не дали ни разу), ездить в Москву «подышать» — пообщаться с родными (они всегда меня понимали и поддерживали), встретиться с интересными людьми, единомышленниками, набрать материал для работы в школе (студия «Союзмультфильм», к/ж «Ералаш», библиотека им. Ушинского, журнал «Веселые картинки», Театр Образцова, ну и, конечно, лаборатория театра НИИ ХВ).

Все это работа. Но ведь надо было еще и отбиваться (инициатива-то наказуема!), выдерживать ежедневные бои.

Мечтаю: открыли бы, в плане заботы о людях, спецгоспиталь (не больницу— госпиталь!) для учителей, контуженных справками, раненных администрацией, наповал убитых во время инспекторских налетов. А то несправедливо получается: хоть ранен, хоть убит — все равно иди в класс и работай.

На одном из совещаний были обнародованы данные по нашей школе:

	1981 г.	1986 г.
Совершили		
правонарушения	11 человек	28 человек
Состоят на учете	3 человека	7 человек

Это данные, которые невозможно было скрыть, которые вылезли наружу.

Заключение Высокого начальства: «А что — хорошая школа! Другие есть ещё хуже».

Сообщение директора: «Нашу школу решено сделать методическим центром».

Нет, это что, нарочно?..

После очередной атаки неутомимого начальства я поужинала таблетками — головная боль прошла, но зато в голову пришла светлая мысль. А что если поехать на аэровокзал — вот прямо сейчас! — и купить билет на самолёт. До Северного полюса. Вот где райская жизнь: льды, снега — и никаких завучей, никаких инспекторов. Ведь это и есть счастье!

Промаявшись бессонницей, я под утро все-таки уснула, согретая голубой мечтой.

И проспала.

Проснулась ровно в 8, со звонком на урок. (В этот день нам переставили смены, вообще-то мы во 2-ю.) Опоздала на работу!..

Подхожу к школе в 8.25. Постояла немного под дверью

кабинета — тихо. Слышу — идёт урок. В голове картины одна страшнее другой: урок ведёт завуч и тут же пишет докладную о том, что С.Л.:

1) опоздала на работу 22.05;

2) вообще не явилась на работу 22.05;

3) часто опаздывает на работу;

4) всегда опаздывает на работу;

5) никогда не приходит на работу!

Набравшись духу, открываю дверь. (Бедные мои опаздыватели!) За столом Инна, пом. командира, ведёт урок. Работа в полном разгаре, ребята тянут руки, отвечают. Трудятся с увлечением и радостью. В классе полный порядок. (Спрашивается: зачем тут я?) Встали, разулыбались.

— Извините, я опоздала…

— Да ну что там, бывает! — великодушно.

— А мы думали, что вы заболели, и решили сами провести уроки.

И ведь смогли бы: опыт есть, не раз вели фрагменты уроков начиная с I класса. А в этом году к концу третьей четверти программу прошли. Я ребятам давала домашние задания, а они — мне.

— Просмотрите свои тетради, посоветуйтесь друг с другом и скажите мне, над чем нам надо ещё поработать, что отшлифовать, в каких разделах чувствуете неуверенность, что бы хотели узнать сверх программы.

Так вот и учим друг друга. Но что же будет дальше?

Вспоминаю, в каком трудном положении оказался мой IV «Б». Но там всё кончилось хорошо: коллектив сумел себя сохранить и заслужить уважение и ребят, и учителей. В той школе оценили надежность ребят, их работоспособность, ответственность, дружбу, социальную активность. И даже В. К., которая с ними воевала четыре года, с V по VIII класс, тоже по-своему оценила. Раиса Федоровна рассказывала со смехом:

— Без конца ссорится с ними, ругает по-всякому, терпеть их не может, но, как только собирается проверка, идёт ко мне: «Дайте ваш класс на открытый урок». Знает, что не подведут.

В этой школе всё сделанное нами дружно втаптывают в грязь с какой-то слепой яростью. Никак не могу понять психологию этих людей. Ведь даже последний подлец внутри-то считает себя человеком порядочным, он обязательно подводит красивую базу под любую творимую им мерзость. Ему надо оправдаться перед собой, чтобы остаться человеком в собственных глазах.

Интересно, как они оправдывают себя? Что они себе внушают? Я не могу понять, и это меня мучает. Ведь мне надо

разобраться, чтобы найти противоядие, не допустить произрастания подобного «букета» качеств в моих детях, вовремя и правильно сделать профилактику. Понятно, что «рождёнными ползать» не рождаются. Хватит ли того запаса, что уже есть, или надо искать что-то иное? (Опять я за своё, как сказала бы завуч.)

И грызёт тоска: сколько я могла бы сделать, если бы только работала, а не воевала!

Самый больной для меня вопрос: что будет с ребятами? Узнала, что классным руководителем у них собираются назначить преподавательницу немецкого языка. Иду к ней, так как она к нам не идёт. Хочу познакомить ее с ребятами, ввести в курс дела: по меркам школы наш класс необычен, подход к нему нужен особый. Знаю, как на грубость отреагировал мой IV «Б». Да и с этим классом уже был прецедент.

Я заболела, и с ними несколько дней занималась В. В., потом М.И. Когда я вышла на работу, нам было о чём поговорить!

В.В. начала строить отношения с крика: в их обращении друг к другу во время урока, их раскованности она узрела угрозу авторитету учителя, непослушание, нарушение норм. Дети не соответствовали её эталону учеников. И тогда она принятыми в школе методами, т. е. принуждением, криком, стала требовать послушания, которое ничего общего не имеет с настоящей дисциплиной. Ребята не видели никакого смысла в «тихом сидении», которого от них требовали, да ещё таким тоном, расценили её выпады как несправедливые и грубые и перестали её воспринимать.

Потом, правда, В. В, проявила разумный подход, желание проанализировать ситуацию:

— Да, я на них кричала. И что меня очень удивило — у них страха нет. Я кричу, а они не боятся. Но стали сразу относиться ко мне агрессивно. Заставить замолчать не могу, построить в столовую не могу — не знала, что и делать. Ещё они не умеют руку поднимать: руку надо поднимать спокойно, вот так, а не тянуть вовсю.

Уже проясняется. Учительница задаёт вопрос, дети хотят ответить — для них это главное. И они не совсем внимательны к форме выражения этого желания. Я бы в таком случае мимолетно, не зацикливаясь на такой мелочи, слегка утрированно изобразила их позы, они бы улыбнулись и моментально себя поправили.

И всё. Подобная ситуация ни в коем случае не могла бы стать причиной инцидента: у нас с детьми общая цель и есть хорошее взаимопонимание. Здесь же цели ребят и учителя разъехались в разные стороны: они хотят ответить на вопрос, а она хочет видеть руки, поднятые, как на плакате. Не увидев, ругает детей, а они не

понимают за что, воспринимают как несправедливость и обижаются. Конфликт на ровном месте.

В.В. согласилась со мной, признала, что была неправа.

— В ваш класс уже сейчас обязательно должны ходить учителя, которые будут учить детей дальше. Иначе таких дров наломают!

Мнение М.И., которая провела у них контрольную за четверть:

— Скажи мне, за что тебя грызут? У тебя отличные дети, очень сильный класс. Они совсем не могут бездельничать: подавай работу — и всё тут! В других классах я замещала, так не знала, как раскачать: не хотят учиться.

И вот памятная встреча с их будущим классным руководителем, Э.Я.

Первое, что меня удивило, — она не расположена была слушать о своём будущем классе. Но всё же милостиво согласилась под моим нажимом. Я рассказала ей о коллективе коротко, в общих чертах. Но когда дошла до главной особенности, заговорила о чувстве собственного достоинства у ребят, о том, что они не переносят грубости, крика, попыток унизить их, Э.Я. вдруг отреагировала на эту информацию неожиданно бурно:

— А что же тогда с ними делать, если что?..

И, не дожидаясь ответа, категорически заключила:

— Нет-нет, такой класс мне не нужен, я откажусь. Мне нужен нормальный класс, а не такой…

— Э.Я., но что же, по-вашему, является нормой отношений между людьми? И что такое «нормальный класс»?

— Объясню! Нормальный — это значит обыкновенный, как у всех. Да, обыкновенный, без этих всяких…

Механизм действует. Директору дана абсолютная власть формировать из учителей и детей винтики, покорные бесчеловечной системе. Делать людей послушных, исполнительных и даже ярых сторонников системы. По самым скромным подсчетам, через руки директора прошло 4 тысячи человек. 4 тысячи с такой нормой!

Мои дети здесь никому не нужны. И мне их не дадут ни за что. Уеду (а это для меня единственный выход — уехать из родного города и начинать на новом месте с нуля), и детей начнут ломать, внесут сумятицу и разлад в их неокрепшие души. Другие нормы придут в класс: хвалить будут за послушание, наказывать за инициативу. Их непременно начнут унижать и оскорблять — уж я-то знаю нашу школу. Дети потеряют ориентиры, перестанут понимать, что есть добро, а что — зло. И я

не смогу их защитить, в любом случае, даже если останусь.

Неужели всё напрасно?!

У ребят к четвертой четверти резко возросло количество ошибок. Не на правила, а на что попало. Ошибки нелепые (Я их называю психологическими), от измотанности: забывают дописывать слова, буквы повторяются или выскакивают в слове раньше времени. Самая массовая — пропуск буквы. По математике — то же самое. Пишут «+», а сами вычитают, примеры-столбики не дописывают до конца.

Молча показываю нелепицу — ахают, удивляются:

— Как же так…

— Перепутал…

— Забыл…

Крепко нас избили. Это называется «гнуть в бараний рог». Круто взялась за нас «окружающая среда».

Но это, оказывается, было не всё.

Звонок на урок.

— Садитесь.

Вдруг дверь открывается и входит Витя. Лицо в крови, нос зажимает платком.

— Извините. Можно войти? — твёрдым голосом.

— Что случилось?!

Молчит. Влетает Женя Н.:

— Они нашего Витю избили! Я их выследил, знаю, в каком они классе! Они избили и убежали, а я за ними. Это шефы наших малышей.

— Витя, что случилось, говори немедленно!

— Мы с Леной, Наташей и Гошей были на четвёртом этаже у наших малышей — учили с ними сценки и новый танец. Потом прозвенел звонок, и ребята побежали в класс. Я был последним, и ко мне подошли эти… Приказали нам больше к малышам не ходить.

Я сказал, что ходили и будем ходить. Тогда они меня…

Женя вне себя:

— С. Л., пойдёмте, я покажу их!

— А не боишься, что они тебя подкараулят и тоже изобьют?

— Нет. Я их не боюсь! Я бы за Витю заступился, только они далеко были, а потом сразу убежали.

Нашли мы этих мальчиков. Пришлось выслушать горы оправданий в духе нашей школы: «А чё, я ничё…» Дрожь в голосе и в коленках. Потом увидели, что я разговариваю сдержанно, стараюсь разобраться — стали держаться нахальнее: рабская психология, привитая школой.

Слово за слово («Это не я, это он первый стукнул…», «Нет, это

не я, это он первый, а я потом…») изо всей этой мути выкристаллизовалась ужаснувшая меня причина: «Я не летаю, и ты не летай!»

До сих пор мне приходилось видеть в школе только так называемые безмотивные драки. Дети агрессивны, «заряжены», и достаточно любого пустяка, чтобы вспыхнула драка.

Здесь же били за идею.

Эти мальчики рассказывали с чувством глубокой своей правоты:

— А чё, мы же его не сразу побили! Мы их, этих, ваших, которые ходят к второклассникам, ещё раньше несколько раз ловили и предупреждали: будете ходить — получите! А они всё равно ходят и ходят!

— Вы знали, зачем они ходили во второй класс?

— Ну… там… сценки учили, танцевали…

— Они малышей обижали?

— Не-ет… — даже удивились такому вопросу.

— Хорошему учили?

— Ну да.

— Объясните, почему вы избили Витю?

— А чё они ходят? Это наши подшефные!

— А вы ходите к подшефным, занимаетесь с ними? Чему их учите вы?

— А чё их учить… Мы к ним не ходим.

— Но, наверное, собираетесь ходить?

— Ну вот еще! Больно надо!

Мальчики 5 лет проходят обработку в школьном механизме. Кем они станут, когда обработка закончится?

Опять чувство бессилия и безнадежности. С ними бесполезно вести разговоры; чтобы что-то исправить, необходимо включать в работу, но сначала вырвать из этой машины. В одиночку… Хоть голову сложи — ничего не добьёшься. Всё, что могла, я сделала.

У нас остаётся всё меньше и меньше времени. Сколько я не успела и не сумела! Тороплюсь научить.

Гуляем в парке. До парка шли строем, а здесь, как всегда, разрешаю идти кто как хочет. Непременное условие — следить, где я нахожусь, где остальные ребята, и по первому зову быть рядом. Если у детей не выработано такое умение и такая привычка ориентироваться, причём охотно, любая самая безобидная прогулка автоматически превращается в нервотрепку для всех её участников.

Зимой в день именинника мы поехали в ледяной городок. Вышли из автобуса, и я отпустила ребят погулять на полчаса. Родители, которые ездили с нами, ахнули: вечер, темно, в

городке толпы гуляющих, В центре — огромная нарядная елка, от неё во все стороны цветные огни. Презабавнейшие снежные скульптуры — герои сказок, горки, пещеры, снежные крепости, — словом, глаза разбегаются и у взрослого. А тут детям — такая свобода, да ещё и условие, явно невыполнимое — из виду нас, взрослых, не терять и через полчаса быть в автобусе: едем в цирк.

Всё успели ребята, ни одной крепости, ни одной пещеры, ни одной горки не пропустили. А мы, взрослые, так составили свой маршрут, чтобы он проходил мимо самых интересных точек. Отлично отдохнули.

И сейчас, в парке, так же. Но вот бежит Слава:

— С.Л., Виталя с Сашей, наверное, потерялись! Я их нигде не вижу! (С беспокойством в голосе.)

Беспокойство друг за друга — составная часть такой свободы, Я знаю, что они нас слышат и сейчас тихо ликуют: здорово спрятались! Они мелькали то за деревьями, то в кустах и даже ползли в траве. Идут параллельным курсом. Тайно идут — в этом главный интерес.

Виталик с Сашей несколько месяцев выносили ведро с мусором, и никто на мог объяснить загадочное явление: почему полное ведро вдруг становится пустым? Дежурные кипели от негодования: кто осмеливается посягать на их дело?! Даже слежку за ведром устраивали — бесполезно. Виталя и Саша всех перехитрили. И даже меня.

— Кто же это выносит ведро? Признайтесь, пожалуйста! Надо похвалить этих людей, сказать им, какие они молодцы.

Нет, не признались. Переглянулись, заулыбались и — молчок, Не за награду работали, не за благодарность.

Ну это у мальчиков всякие там засады, догонялки и перегонялки, а девочки — народ солидный. Чрезвычайно взрослый. И разговор они завели, соответствующий их представлению о разговоре светских дам.

Таня Л. гордо сообщает:

— Ой, меня на, качелях гак тошнит! Совсем не могу качаться!

(Если бы в сей момент Татьяну пригласили потренироваться вместе с космонавтами, она бы помчалась, как ветер, позабыв о своих недугах.)

— А меня тошнит на карусели, — подхватывает Лена К. — Ужасно себя чувствую!

Тут и другие вступают в обсуждение старческих проблем. И каждая девочка старается перещеголять подруг количеством болезней и их изысканностью. С ожиданием поглядывают на меня: как отреагирую? Мне бы поахать да покряхтеть в унисон с моими барышнями, но нет во мне никакой чуткости. Посмеялась

да совет дала: улечься дома на пуховую перину, предварительно проверив, нет ли под ней горошины, обложить себя подушками и начать стонать и жаловаться, но при этом не дышать, так как вместе с воздухом в их хлипкие организмы может пробраться злодей микроб: А еще пообещала организовать в классе соревнование: у кого болезней больше, тому 1-е место, всеобщий почёт и восторги. Победителя мы будем носить на руках и строго предупреждать посторонних, чтобы случайно не подули на него, а то рассыплется.

Расхохотались мои барышни и погнались за мальчишками-забияками. Смешно им стало, потому что у нас ценятся не нытье и изнеженность, а стойкость и умение без жалоб себя превозмочь.

Носятся по дорожкам, играют все вместе, девочки и мальчики, как всегда. Вроде, решили мы проблему любви, которая встала перед нами во весь рост в I классе. И рецидив II класса позади: тогда пришла к нам Лена О. и принесла в своём чемодане кроме капризов ещё и проблему красивой девочки. Немного освоившись, начала строчить записки, выясняя, кто её здесь любит и с какой силой. Глядя на неё, подключилась и Наташа: «Гоша, кого ты лубиш?» Понятно, что в атмосфере таких пламенных страстей стало уже не до уроков: ну разве умножение однозначных чисел или правописание безударных гласных идёт в сравнение с тайными записками про «лубовь»?!

Объяснила, что это пока не любовь, но всё равно я очень рада, что они симпатичны друг другу, нравятся. Это прекрасное человеческое чувство. Но если девочке понравился мальчик, совсем не обязательно кидаться ему на шею и душить в объятиях. Или закидывать по самую макушку записочками «про лубовь». А если этому мальчику нравится девочка? Такой вопрос может поставить его в неловкое положение. Так что девочкам да и мальчикам могу только посоветовать одно: не писать записок, вести себя сдержанно. Я вот знаю, что одной девочке очень нравится мальчик (обобщённый образ, на самом деле таких много). Но она умеет держаться, виду не подает. Они, добрые друзья. Ведь любить — это не записочки сочинять и не восторгаться: ах, какие красивые уши у этого мальчика! А у той девочки просто восхитительные косички! Любить — это труд, это помогать, жалеть, заботиться, оберегать. И расти самому, чтобы быть достойным того человека. А на записки советую отвечать так: «Маша, я тебя, конечно, люблю, но мороженое люблю сильнее».

Хохоту было!

Вроде вопрос урегулировали. Потом ещё отдельно поговорили с мальчиками о девочках: какие они у нас нежные и

красивые и каждая — особенная и неповторимая. И как с ними надо обращаться, А потом говорили с девочками о мальчиках.

Через некоторое время задаю Алешё К. бестактный вопрос (мне необходимо знать, как он выйдет из положения):

— Алёша, кого ты считаешь самой красивой девочкой?

Он задумывается, потом идёт к списку дежурных и якобы в глубокой нерешительности бормочет:

— Та-ак, сейчас выберем… Вася — не девочка, Егор — не девочка, Саша — тоже не девочка…

И лукаво поглядывает на меня. Ну что ж, дипломатично и остроумно. Если бы учителя умели всегда находить выход из положения!

Брат рассказывает случай из жизни моей племяшки Анечки, когда она училась в I классе. Ребята что-то расшумелись на уроке. Учительница пригрозила:

— А ну тихо! А то уйду от вас — будете знать!

И вдруг несколько озорных первоклашек пискнуло:

— Ну и уходите!

Ей бы всё на шутку перевести да не ставить себя больше в такое положение, но учительница, не найдя, видимо, в своих планах готового ответа (как-то не предусмотрела), отреагировала самым что ни на есть стандартным способом:

— Это кто сказал?! А ну встаньте!

Алёша, я думаю, на её месте не растерялся бы…

У Кати, на куртке такие же пуговицы, какие купила и я. Обсуждаем их достоинства.

— Хорошие пуговицы, красивые. Жаль, что я пока не могу их пришить.

— Почему?

— Ещё не перевела. Не могу же я ходить по улицам, не зная, что написано на моих пуговицах.

Прививки против слепого, глупого преклонения перед непонятно-иностранным (чем непонятнее, тем лучше) делала много раз. Ребята несут мне для перевода марки, открытки, всевозможные наклейки, этикетки и даже книги.

В школе мы изучали немецкий язык, в институте я взялась за английский. Интересовалась французским, итальянским, чешским. Всё это пригодилось на уроках русского языка, но чувствую, что знаний в области языков катастрофически не хватает. Думаю, учитель начальных классов обязан владеть по крайней мере четырьмя-пятью иностранными языками. Перевела и объяснила одному, другому — и дети уверовали в мои безграничные возможности. Несут книгу… на арабском. И смотрят с ожиданием и надеждой: сейчас С.Л. переведёт,

почитает. Увы! Вынуждена разочаровать.

А вот по-украински читала им книги. По одному предложению. Ребята все вместе переводили: что-то понимали и радовались (языки-братья!), о чём-то догадывались.

Всегда вызывали радость маленькие экскурсы в иностранные языки. Ребята с нетерпением ждали IV класс — ведь тогда они начнут изучать немецкий или французский язык!

Чему только не приходится учить! Очень беспокоит меня то, как поставлено у нас в школах изучение Правил дорожного движения (ПДД). Практически все дети знают правила, но тем не менее многие ребята становятся жертвами дорожно-транспортных происшествий. Значит, не так мы их учим.

Плакаты, по которым в школах изучают ПДД, могут принести только вред и, надо сказать, уже приносят. Они сделаны и пропущены в школу наверняка без консультации психологов. Я полагаю, что абсолютно всё, что делается для школы (любая, на наш взгляд, мелочь), должно находиться под строжайшим контролем специалистов-психологов. Вот, к примеру, эти плакаты помогают ребятам выработать этакое игриво-наплевательское отношение к дороге. А отношение к ней должно быть наисерьёзнейшим: ведь это вопрос жизни и здоровья. Но создатели плакатов, зная, что дети любят играть, решили потешить их стишками и картинками из жизни игрушечных зайчиков, мишек, волчиков. Незнайка тоже в ход пошёл. Все они не умеют переходить дорогу и не желают соблюдать Правила дорожного движения. На них наезжает машинка — тоже забавная такая! И они, нарушители, тоже смешные, в гипсе, перевязанные от пяток до ушей. Их, конечно же, починили наши всемогущие врачи, и вот они целые и здоровые и «больше не будут».

Так в мозгах и укореняется: ничего страшного, машину остановят, меня починят, если что. Поругают (самое страшное наказание), а я извинюсь. И всё в порядке.

У ребят укрепляется игривое отношение к дороге: на спор перебежать дорогу перед машиной, бросить под колеса гильзу, прокатиться на трамвайной «колбасе» (этот вид «спорта» у нас очень популярен среди пацанов 11–14 лет).

Игра и дорога несовместимы. И информацию надо бы выдавать в самой строгой форме. Да и информировать не о том, как должно быть, а о том, как есть на самом деле. А это далеко не одно и то же. В теории водители знают правила и охотно их выполняют. За руль они садятся только в состоянии кристальной трезвости. А уж вежливы, как гранды. На практике многие водители некультурны, и никакое знание правил не поможет, если человек не намерен их выполнять. Кстати, о правилах.

Поразительно, но факт: в радиусе 300 метров от Главного здания нашего города все до единого водители проявляют поистине удивительный такт по отношению к пешеходам и необычайную почтительность к правилам. Заколдованное место?..

Мы с дочкой однажды чуть не попали под машину, переходя улицу по всем правилам. УАЗ мчался на красный свет и даже не собирался тормозить перед светофором. Мы еле успели отскочить.

Так что учу детей не только соблюдать правила, но и — в первую очередь! — учитывать реальную обстановку на дороге. Предупреждаю, что бывают пьяные за рулём.

Если ребенок владеет своим телом и умеет ориентироваться в пространстве, за него можно быть спокойным. Очень важная составная часть владения телом — умение себя переключать. Примерно так: я спешу на танцы, в спортсекцию или ещё куда, бегу по тротуару. Но вот дорога, мчатся машины, и я привычно врастаю в асфальт (как дерево) и спокойно жду, Я расслаблен, я отдыхаю, я радуюсь, что мне представилась такая возможность. Вот это «спокоен» и «рад» — самое сложное. Необходима тренировка, и лучше всего — при помощи театра. Я — дерево, я — куст, я — телеграфный столб в конце концов! А столб не нервничает, не подпрыгивает от нетерпения, не рвётся под машину. Но вот на дороге безопасно, и я бегу дальше.

На одном из таких занятий присутствовала завуч. Смотрела мрачно и что-то писала в тетрадку. Наверное, нехорошее. Про нас всегда пишут нехорошее. Потому что видят сквозь чёрные очки — установка такая. Как у А. Барто Иван Петрович: «Я… вижу то, что я хочу».

Дело в общем-то не в ней и не в директоре, даже не в разбухших кадрах управленцев, которые бог знает что придумать готовы, лишь бы оправдать как-то своё бессмысленное существование. Дело в разных уровнях понимания действительности.

Вот, предположим, сидит человек перед телевизором, на коленях ребёнка держит. Вместе смотрят взрослый фильм. Но хотя смотрят вместе, но видят-то разное: дитя — движение фигур на экране, взрослый — сложные взаимоотношения героев.

Так и здесь. Они свято верят в придуманные кем-то далёким от школы и от жизни гипотезы: детям надо приказать здороваться — и они станут вежливыми, рассказать о том, что трудиться похвально, — они побегут работать. И вот ведь загадка: на каждом шагу жизнь вдребезги разбивает подобные предположения, они это видят и всё равно продолжают верить. Что-то мистическое!

Но и это ещё не страшно. Человек учится всю жизнь. Если хочет. Если полагает, что знает мало. Здесь мы сталкиваемся с самым страшным, что может быть, — с невежеством. Это воинствующее, агрессивное невежество: я знаю всё, а если чего и не знаю, то этого не существует. Чем выше начальник, тем он умнее, а кто ниже меня, те тупицы. И если они, которые ниже, что-то там напридумывали, а я не понимаю, значит, это бред. Запретить! Наказать, чтобы неповадно было!

Вот где беда-то!

Пытаюсь научить ребят прогнозировать результаты своих действий, поступков. И может, судя по результатам прогнозов, поступков этих не совершать. Прогнозирование же требует хорошо тренированного воображения.

Бывает, что дети делают что-то на первый взгляд дурное либо бессмысленное. Но если присмотреться повнимательнее, то можно увидеть, что смысл есть, и глубокий: опытно-экспериментальное постижение мира. Ребёнок пытается найти ответ на какой-то вопрос. Почему бумажка падает медленно, а камушек быстро? Почему пустая мыльница плавает, а полная тонет? Почему вода в весеннем ручье течёт прямо, прямо, а потом вдруг завихряется? Он повторяет много раз одно и то же действие, он может промочить ноги, бродя по ручьям, но всё это — на пользу. Он мыслит, он растёт и умнеет.

Но бывает и другое — бездумное импульсивное действие. Один отрывает кусочки страниц учебника и жуёт, другой откусывает резинку и кидает в третьего. И третий занят: размазывает пасту, добытую из шариковой ручки, по парте. Четвёртый развлекается дома: прыгает на пустые пакеты из-под кефира. Остатки кефира брызжут во все стороны, на пол, одежду, мебель, стены. Его ругает бабушка — хороший повод с ней поскандалить. Все эти действия я называю идиотизмом, это глупость, бессмыслица без цели и без вопроса «зачем?». Как правило, это образ действий невоспитанных детей, которые растут сами, как умеют, что называется, без руля и без ветрил. И это излечимо в начальной школе. Дальше — не знаю. С возрастом склонность к идиотизму, мне кажется, не проходит, напротив, прогрессирует. И тогда работники милиции говорят уже о безмотивных преступлениях.

— За что били?

— Не знаю… Все били, и я бил… Не думал…

Стреляют из рогаток камнями по стеклам электричек.

— Зачем стрелял?

— Не знаю…

Молодой рабочий кидает горящую спичку в товарища. У того

одежда в мазуте, загорается. В тяжёлом состоянии он попадает в больницу.

— Зачем бросил спичку?

— Не знаю… Хотел пошутить… Не думал…

В том-то и дело: не думал зачем, не думал, что из этого получится.

В классе делаем прививки от бездумья постоянно. Любое подобное действие или высмеиваем, или резко осуждаем, смотря каков процент идиотизма и какова степень вредности для окружающих.

Алёша сидит и корчит рожи (это было ещё в I классе, а значит, очень-очень давно и не считается). Я восхищена:

— Алексей, какое у тебя умное лицо! Ой, где у нас зеркало? Хочу, чтобы и ты мог полюбоваться!

Он смущенно улыбается. Значит, поднялся на ступеньку выше, подумал, понял, что глупо: «Что же Это я такое делаю?»

Таня в I классе любила покуролесить. Беседуем с мамой.

— Что с Татьяной делать — ума не приложу, — огорчается она. — Да, успехов что-то не видать, неприятностей куча, наша Таня — ни с места.

— Только не ругайте её, это не поможет, не тот случай. Многое она вытворяет от незнания и неумения. Вы скажите ей примерно так: «Сегодня С.Л. хвалила многих ребят. И тебя тоже. За то, что лучше всех на парте лежишь и ногами стучишь».

— И всё? — смеётся мама.

— Да. И больше ничего. Причём скажите спокойным, деловым тоном, без раздражения и без иронии в голосе. Между прочим. И сразу отойдите. Пусть побудет одна, поразмыслит. Она девочка умная — поймёт.

Помогло, Таня поняла: хвалят по-настоящему за действие полезное, имеющее смысл, цель. Например, хорошо человек пишет, правильно и быстро решает задачи, помогает товарищам, да мало ли похвальных дел существует! А тут похвалили за бессмыслицу: ну что значит — «хорошо стучит ногами»?!

Наконец-то позволяем себе роскошь подвести некоторые итоги соревнования. Нет, не традиционного, между звездочками или звеньями. Мы благополучно прожили три года без такого соревнования, оно часто выливается в разгул безнравственности. Не знаю почему, но это так. Дети, когда не могут догнать соперников, пытаются их удержать, и благородная цель соревнования превращается в свою противоположность. Я тоже не могу ни с кем соревноваться и, если наседают, требуют, тогда прошу зарезервировать для меня последнее место, на которое я согласна заранее, и дать возможность и дальше спокойно

работать. Сама мысль о смещении мотива деятельности в сторону получения энного места и борьбы за первое уже вызывает отрицательные эмоции и даже оскорбляет: работать из-за первого места! Да и как, в чём могут соревноваться учителя? Опять в оформлении стендов и писании отчетов?

Ребята соревновались сами с собой: был — стал. Их радует собственный рост и рост товарищей. Вспоминаем прошлое, гордимся настоящим — недолго! — и опять недовольны: можно ещё лучше.

А какие вопросы задают!

Паша:

— Почему день рождения в разные годы приходится на разные дни недели?

Молодец! Похвалила, но отвечать не стала: знаний у него достаточно, требуется изменение структуры, качественное преобразование.

— Подумай вместе с ребятами.

Наташа Л.:

— Мы с Инной очень хотим стать учёными. И вот нам интересно узнать, почему говорят иногда: «Ты какой-то дикий, первобытный, некультурный». Но если бы раньше люди были некультурными, то тогда и мы были бы такими же? Ведь мы учимся культуре у предыдущих людей.

Это уже диалектическое мышление.

Инна:

— Почему есть ненастоящие учёные? Вроде называется учёным, а сам ничем не интересуется, ничего нового не открывает?

Ого! Откуда такой вопрос? Отвечаю по мере сил.

Проецируем в будущее самих себя, свои достоинства и недостатки. Строим прогнозы… Иногда и шутливые.

— Один мальчик собирается стать офицером. Мальчик хороший, но есть у него недостаток — любит по утрам поваляться в тёплой постельке. И нельзя сказать, что очень уж рвётся зарядку делать. Станет он офицером, будет служить на границе. Вдруг тревога, все на ногах, а он, по старой привычке, — под одеялом. Его будят: вставай, тревога, а он: ах, товарищи, знаете ли, очень уж неохота! Подушка мягкая — не могу! Вы там как-нибудь сами, без меня! И на другой бочок. Или девочку знаю: на уроках труда всё пытается организовать за своей партой тяп-ляп-производство. И в тетрадке калякает как попало. Лет этак через десять приду стричься в парикмахерскую, захочу прическу красивую сделать у мастера. Сяду в кресло — батюшки! — та самая девочка, которая тяп-ляпы мне сдавала. Я бежать! Лучше лохматой ходить или

найти другого мастера, умелого.

Рассказываю и о том, что происходит вокруг, комментирую случаи из жизни.

Вдруг разболелась, опухла у меня рука (дети видели). Обратилась к хирургу. Очереди нет, врачу торопиться некуда, он сидит, книгу читает. Недовольно потыкал пальчиком, удивился, что сустав не болит, заявил, что сустав должен, просто обязан болеть при артрите.

— А если не болит, то какой вывод можно сделать? — спрашиваю ребят.

— Значит, это не артрит, а что-то другое.

— Умницы. А вот врач думать не захотел, написал «артрит», выписал рецепт. (Оказалось, то лекарство мне ни в коем случае нельзя было принимать.) И опять за книжку. Я спрашиваю, не повредит ли лекарство, а он раздраженно: «Делайте, что врач говорит!»

Гарик комментирует с бесподобной иронией:

— Конечно, человек сидит на работе, размышляет о чем-то возвышенном, что вычитал в книжке, а тут вы с какой-то там рукой. Отвлекаете…

К счастью, через несколько дней я попала к другому хирургу. Он внимательно исследовал руку, задал точные вопросы, подумал и поставил правильный диагноз. Быстро вылечил. А теперь расскажите: какими вы представляете этих врачей в детстве? Как они учились, какими были людьми?

Вот так и растём.

Хорошо в классе. Хоть с работы не уходи. И ребята очень неохотно уходят после занятий, иной раз чуть ли не выносить приходится, и «уход домой» превращается в весёлую игру-импровизацию: одела, проводила, ручкой помахала вслед — глядишь, а они опять тут как тут!

Но и беспокойство моё усиливается. Очень тревожит меня Гоша. Когда мы впервые пришли в детский дом, договорились так: выкладываем свои любимые игрушки на большой стол — и всё, распрощались. Игрушки уже не наши, значит, не брать и даже не трогать (тренируем тормоза, устойчивость к соблазнам). Ах, как хотелось поиграть! И жалко было! (По своей дочери знаю.) Но мы дарим не то, что самим не нужно, и не что попало, а самое лучшее.

Не обошлось без эксцесса. Повторяем сценки. Вдруг какой-то шум в дальнем конце комнаты. Ребята возмущаются:

— Гоша играет своей игрушкой, на стол не кладет. И говорит: «Это моя игрушка. Может, я её ещё и не подарю детскому дому! Я ещё подумаю, дарить или нет!»

— А вы?

— Мы сказали: «Забирай свою игрушку и уходи».

Гоша потупился, бросил игрушку на стол — не мила.

Откуда в нём это желание покуражиться? Ведь остальным такая мысль и в голову бы не пришла. То одно, то другое негативное качество проявляется вдруг в этом тихом мальчике, Мы с его папой действуем в одном направлении, мама — в противоположном. А Гоша там, где проще, — с мамой: ведь всё, что он ни сделает, для мамы хорошо. В классе он так и не стал своим, хотя учится у нас два года. За это время произошли большие сдвиги в лучшую сторону, но… не наш пока. Внутренне не наш. С ним ох как много работать надо. Не успеваю, и при всём желании моём, ребят, родителей остаться вместе и дальше нам этого не позволят. Не допустят!

Время идёт. Позади все контрольные. Многое мне надо анализировать, обдумывать, на многие вопросы искать ответы. Почему, например, у Жени Т., который, придя в наш класс, делал по 40 ошибок в диктанте, а потом по 2–3, разительно изменился почерк, причём сразу несколько его показателей? И не только у него, у Сережи Д., Наташи Г. то же самое. Почему почти у всех ребят взрослые почерки, причём совершенно разные? (Взрослые — я имею в виду беглые, выработанные, связные.) Эта особенность бросилась в глаза, когда я проводила сочинение по картинкам ещё в двух классах: интересно было сравнить. Там сразу было видно, что пишут дети. С чём это связано? В почерке, как и в любом деле, проявляются качества личности. Какие именно?

Надо сказать, в одном из третьих классов, в том, который управился с сочинением за 15 минут (мои обычно в 45 минут не укладываются) и в котором дети написали по 10 строк и сказали, что больше им нечего написать, эти самые качества личности проявились с размахом. Сочинять нечего, и мальчики начали писать гадости девочкам, при этом проявляя необыкновенное усердие и изобретательность. Мои попытки поработать над сочинением вместе с детьми ничего не дали: в классе забурлило подводное течение и выплеснулось наружу. Перемешались оскорбления, издевательства, невнятные угрозы, слёзы, жалобы и оправдания. Те самые оправдания, к которым у меня аллергия.

— А чё, а может, это не я писал! А ты докажи! Ты видела, а?

Девочки, получившие записки мерзкого содержания, безнадежно рыдают на парте, ничего они не доказывают, к радости обидчиков.

До какой дикости доведены человечки! Разгул безумия. И в таком коллективе провести 10 лет?! Захочешь остаться

нормальным в такой ядовитой атмосфере не получится.

Во мне поднимается ярость: хочется не знаю что сделать с их учительницей, председателем нашего методобъединения, а детей всех сгрести и унести к себе в класс.

Не позволят. У нас позволяют только калечить души. Что же делать теперь, сейчас?

— Да, действительно, что мы пристали к детям? Вы посмотрите в их чистые детские глаза! Ну разве такие дети — не дети, голуби! — способны на пакость?! Конечно нет. Они писали стихи!

Тишина взорвалась хохотом. До того нелепым кажется такое предположение! Но в нём-то как раз и нет ничего нелепого. У нас в классе увлечение стихотворчеством вызывает уважение и распространяется всё больше. Здесь же все представления перевернуты с ног на голову, норма и дикость поменялись местами: писать гадости, оскорблять друг друга — нормально, бить слабых, издеваться над девочками, терроризировать их — нормально, девочки живут в постоянном страхе, в ожидании нападения, доведены до необходимости обороняться — и это естественно. Все против всех. А вот писать стихи, выражать свои добрые чувства — смешно и нелепо. (Уходя, учительница оставила детям записку, в которой призывала беречь свою пионерскую честь и сохранять спокойствие.)

В другом классе написали больше и интереснее, но и там для меня обстановка показалась странной: каждый сам по себе, не нужны и не интересны друг другу. Из моих попыток наладить совместную работу ничего не вышло.

Мои дети начинают мне казаться верхом совершенства.

Тяжёлое время, время расставания, всё ближе. Уже позади министерская контрольная (написали неплохо: 18 пятерок, 15 четверок, 5 троек, двоек нет, но могли бы и лучше- в доброжелательной, теплой обстановке). На совещании похвалили за хорошее выполнение контрольной те классы, в которых по 7–9 пятерок и только по 2–3 двойки. Нас опять обругали.

Последний день именинника — «Урок интересного отдыха». Последний пионерский сбор. Всё. Надо расставаться.

Кто-то сказал бесчеловечное: «У нас незаменимых нет». У нас все незаменимые. Каждый неповторим и дорог.

Хорошо, что ещё месяц в школьный лагерь будут ходить 13 моих соратников.

Лагерь. В сборном отряде, из разных классов, ребята на все руководящие должности выбрали моих. И правильно сделали. Они хорошие организаторы. И работа закипела: сразу начали готовиться к открытию лагеря. Конечно, театр, как же без него!

Интересно, что сценки из нашего репертуара показали и другие отряды. Значит, театр нужен детям. Открываем новые таланты у наших исполнителей.

Вспоминаю урок, который преподал Виталик К., из Старших. Пришёл он в I класс тяжело больным, с израненным телом и душой. И главное, что я должна была сделать, — это поддержать ребёнка и залечить его память, если такое возможно. Учить — потом. За год до школы его чуть не убили мальчишки (пионеры? фашисты?) — отбирали игрушку, которую ему сделал отец. Били ногами в живот, отбив все внутренности, издевались, стали топить. Малыша чудом спас прохожий — место было пустынное. Страшно вспоминать, в каком состоянии ребёнок пришёл в школу, хотя прошёл год после того несчастья. Я предупредила ребят, что Виталика нельзя задевать, нельзя даже в шутку толкать. Время и лекарства делали свое дело. Мальчику стало лучше. И тут обнаружилась его непоседливая озорная натура.

— Помните, вы запретили меня трогать? — рассказывает веселый крепыш Виталик (пятиклассник!). — А я сижу и радуюсь: вот красота! Теперь я могу всех бить, а мне никто не даст сдачи: вы же запретили! Вот глупый был! И пошёл я тогда хулиганить — кому подножку, кому по шее. Они бегут к вам жаловаться. Вы со мной поговорили — куда там! Я послушал, покивал и опять за своё. Тогда вы рассердились и так сказали: «Товарищи, если Виталик будет вас обижать и слов не поймёт, разрешаю его отшлепать». Все засмеялись: «Как это?» Вы говорите: «Очень просто. Снимите штанишки, положите его на скамеечку и отшлепайте. И так, чтобы было не больно, но очень стыдно». Они как давай хохотать! А я сижу и думаю: «Вот попал так попал… Ничего себе! И правда ведь нашлепают, если буду приставать. Надо кончать хулиганить». Помните, вы меня даже похвалили, таким я стал сразу хорошим. Знаете, замечательное средство, быстро помогло.

Это Виталик даёт мне совет, как уменьшить шустрость Дениса. Делится опытом.

После III класса Виталик, который играл в нашем театре охотно, но не блистал, его затмевали более яркие личности, замечательно исполнил несколько главных ролей. В разных сценках. Всех поразил. Роли трактовал по-своему никому не подражал. Видимо, все дети многосторонне талантливы, просто надо направить, потренировать и ждать, пока созреет посеянное нами. На это у нас часто не хватает выдержки, а может, и веры. Виталик научил меня верить.

Здесь, в лагере, столкнулись два разных стиля жизни. Противоречия проявлялись в любой мелочи. Например, дети не

привыкли днём спать, трудно менять режим и им (не спится, и всё тут), и мне (попробуй уложи, если перед тобой ваньки-встаньки!) Так что трудности общие для всех. Но как по-разному проявляются характеры, сформированные за 3 года в школе! Не может уснуть мой Максим, скрипит под ним раскладушка, он ворочается и вздыхает. Пообещала вынести его вместе со вздохами, скрипом, раскладушкой и бессонницей в коридор. Заулыбался, перестал ворочаться и быстро уснул. Потом спрашиваю его, почему он не спал.

— У меня было хорошее настроение.

— Скучно лежать два часа?..

— Нет, мне никогда не бывает скучно. Я лежал и думал.

Действительно, скука не снаружи, не от внешних обстоятельств, она, если есть, сидит внутри. Это когда человек сам себя не знает, сам себе не интересен, а уж окружающий мир — тем более.

Мальчик Боря (из параллельного класса) вертится, хихикает и, стоит мне отвернуться, толкает, будит других. Тут, по-моему, не воспитатель, а надзиратель нужен.

— Почему ты не спишь? Посмотри, ребята стараются уснуть, быстрее привыкнуть к режиму, а ты их будишь. Нельзя же так.

— А что если я не хочу днём спать!

— Тогда просто полежи с закрытыми глазами, отдохни.

— А может, я не хочу лежать, а хочу играть! — вызывающим тоном.

Он понял моё предложение как слабину и сразу же попытался взгромоздиться мне на голову.

— Вот еще, буду я вам лежать… — гнёт он свою линию.

Никому из моих и в голову бы не пришло противопоставлять «я хочу» и «всем надо». В этом пункте давно уже полная ясность и никаких вопросов. А вот Боре пришлось довольно энергично разъяснить, что:

1) лагерь создали не для того, чтобы ему, Боре, угодить (и вот не угодили — какое огорчение!);

2) я здесь не затем, чтобы ему, Боре, угождать и выполнять все его капризы;

3) ребята здесь собрались не для того, чтобы слушать и терпеливо, сносить его, Борино, нытье и занудство.

— Не хочешь — не спи, это твоё личное дело. Но не смей мешать отдыхать ребятам, ты не имеешь права вредить другим.

Боря очень рассердился. Он ничего не понял про «всех», а то, что касалось его персоны, воспринял как ущемление его законного права ни с кем не считаться. Весь день дулся, ворчал и бубнил про меня что-то нехорошее. Пробегая мимо него (день

был интересный, насыщенный), я небрежно бросила:

— Перестань, пожалуйста, пыхтеть. Тоска с тобой! Более занудливого и неинтересного человека я не встречала.

Зацепила за живое. Потом он долго ходил за мной по пятам и объяснял, что он, наоборот, очень даже интересный («Докажи делом», — отвечала я на бегу) и вот ни капельки не занудливый и, если бы я знала его получше, тогда бы я увидала, какой он молодец — ого-го! Ему очень хотелось общаться так же, как принято у нас, Но этому надо учиться, само не получится. Мы и учили ребят по мере возможности.

Шашечный турнир. Ко мне после его окончания выстроилась целая очередь желающих обыграть. Моя Татьяна Л., с которой мы сыграли вничью, пристроилась рядом и хитренько тянет:

— Ой, С. Л., я всё ви-ижу: вы поддаётесь!

— Да?! — поражаюсь я. — Что ты говоришь?! Не может быть! Просто у меня такой сильный противник — ну никак не выиграть!

Тогда Татьяна давай мне вовсю подсказывать.

— Женя! — взмолилась я (Женя И. играл поблизости в мяч, но, как всегда, был в курсе всех событий}. — Убери, пожалуйста, эту девчонку!

— Будет сделано! — Женя с грозным видом засучил рукава.

Но убирать некого: Татьяна с весёлым визгом «убирается» сама, причём на предельной скорости. А Женя, заинтересовавшись шашечной баталией, подсаживается смотреть игру.

— С.Л., да не туда, не туда надо ходить! — Татьяна вернулась и подсказывает изо всех сил, полагая, что я без неё совсем пропаду.

— Женя! Спасай!

Татьяна исчезает.

— С.Л., да не той надо ходить, а вот этой! — не выдерживает Женя моей «безграмотной игры» и бросается спасать положение.

— Женя!! Убери скорее этого мальчишку!

— Так это же я сам.

— В таком случае убери сам себя.

И Женя со всей возможной свирепостью хватает себя за шиворот и «убирает», несмотря на яростное сопротивление.

Ребята из нашего и из других отрядов давно уже увлечённо наблюдают за развитием нашей игры-импровизации Им нравится наше взаимопонимание, они тоже хотят поиграть и постепенно втягиваются и развивают игру дальше.

На улице льёт дождь. В рекреации 240 человек. И всем весело и интересно. Мои — отличная «закваска».

Но всё хорошее когда-то кончается…

В конце августа забираю документы. Вдруг в учительскую доставляют рыдающих подружек — Лену и Свету. В руках у Елены три цветочка. Сорвали около школы. Завуч сияет. У неё сегодня большой праздник: мои дети наконец-то нарушили порядок! Они, можно сказать, встали на преступный путь! Свершилось! И она даже не пытается скрыть ликование. На головы рыдающих глупышек обрушиваются громы и молнии. Прибегает еще одна завуч с «чёрной книгой» и торжественно заносит в неё фамилии нарушительниц.

Я забираю девочек и увожу с собой. Вот они и познакомились поближе со своими непосредственными начальницами на семь следующих лет.

На фотографии нас сорок. Никто не улыбается. Смотрим в будущее с тревогой. Каким оно станет для ребят? Они нужны будущему такие, какие есть: дружелюбные, надежные, активные, трудолюбивые, стойкие. Именно такие и сотворят его своими руками. Но сегодня, сейчас, в этой школе они не нужны, они здесь, как кость в горле. Реакция отторжения и поглощения идет полным ходом. Но они — десятилетние дети… Наивные, доверчивые, «не закреплённые». В яростной борьбе за выживание бюрократическая машина воюет и с такими. Хватит ли у них сил выстоять, мужества — победить?..